

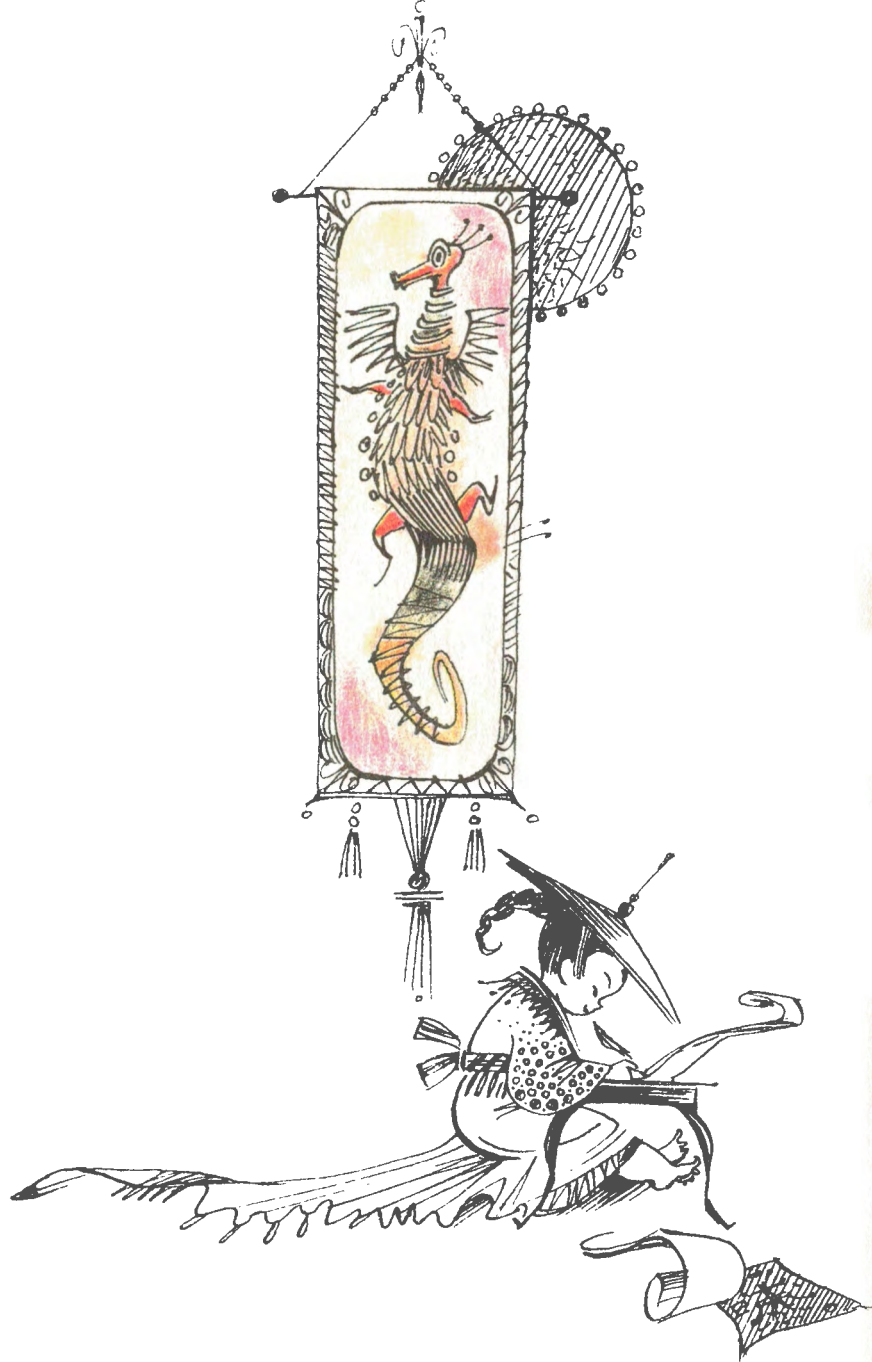
34(3)
084
Михаэль

ЭНДЕ

ДЖИМ ПУГОВИЦА
И
ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Михаэль
Энде

Джим Пуговица и ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Перевод с немецкого
Татьяны НАБАТНИКОВОЙ

Новосибирск
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СИБИРСКАЯ КНИГА»
1993

Художник Любовь ЛАЗОРЕВА

- Энде. Михаэль
Э64 Джим Пуговица и Чертова дюжина: Сказка. Пер. с нем.
Т. Набатниковой. — Новосибирск: Издательство «Сибир-
ская книга», 1993. с. 206 илл.
ISBN 5-7003-0008-7

Приключения героев первой книжки «Джим Пуговица и
Лукас-машинист» продолжают. Джим и Лукас изобретают «пер-
петомобиль», побеждают банду пиратов и в конце концов узнают
тайну происхождения Джима.

Э 4803000000-12 93
93

© Перевод на русский язык, оформ-
ление. «Сибирская книга», 1993

ISBN 5-7003-0008-7

© Набатникова Т. А. Перевод. 1993 г.
© Лазарева Л. П. Оформление. 1993 г.

Первая глава, в которой история начинается с толчка

В Ласкании всегда хорошая погода. Но бывают и дни, когда идет дождь. Правда, редко, но уж льет, как из ведра. Именно в такой день и началась эта история.

Дождь лил, и лил, и лил.

Джим Пуговица сидел в маленькой кухне госпожи Каак, и принцесса Ли Зи была тут же, она как раз приехала на каникулы. Всякий раз, приезжая, она привозила Джиму какой-нибудь подарок. То стеклянный шар с ландайским пейзажем внутри, на который падал снег, если шар встряхнуть. То она дарила ему пестрый зонтик от солнца или точилку для карандашей в виде маленького паровозика.

На сей раз она привезла Джиму коробку с ландайскими красками. И вот они сидели за кухонным столом и рисовали. Рядом сидела госпожа Каак и, водрузив на нос очки, читала им вслух книжку и при этом еще и вязала для Джима шарф.

Книжка была интересная, но Джим время от времени рассеянно поглядывал в окно. За плотной пеленой дождя едва виднелась станция Лукаса, где под навесом стоял маленький паровоз Молли рядом со старой толстой Эммой.

Не подумайте только, что дождь был унылый. В Ласкании даже плохая погода вовсе не портит настроения, а дождь устраивает на крышах водные концерты. Капли перестукиваются и барабанят о подоконники, разливаются в водостоках и аплодисментами плещутся в лужах.

Джим увидел, как Лукас вышел из своей станции, поглубже натянул кепку, поднялся в кабину Эммы и выехал прямо под дождь. Молли осталась под навесом одна. Она, между прочим, стала уже настоящим паровозным подростком, на каких катаются по детской железной дороге. И Джим, как полподданного, вполне помещался в ее кабине.

Лукас сделал несколько кругов по острову, чтобы не было разговоров, что в Ласкании в непогоду останавливается движение транспорта. Потом он поставил Эмму под навес, поднял воротник и зашагал к дому госпожи Каак. Джим вскочил и открыл дверь своему другу.

— Здравствуй, Лукас! — сияя, сказал Джим.

— Добрый день, коллега! — ответил Лукас.

Джим, правда, не знал точно, что означает это слово, но догадывался, что так обращаются друг к другу машинисты. Он тайком взглянул на Ли Зи: услышала ли она, как назвал его Лукас? Но маленькая принцесса, видимо, не находила в этом ничего особенного.

Лукас приветствовал обеих дам, присел к столу и спросил, может ли он тут рассчитывать на чашку горячего чая с порцией рома.

— Конечно, Лукас, — приветливо отвечала госпожа Каак, — горячий чай лучшее средство против простуды. Ли Зи как раз привезла мне баночку чудесного ландайского чая, и глоток рома тоже найдется.

Пока госпожа Каак заваривала чай, который распространял по кухне неопиcуемый аромат, Лукас

разглядывал рисунки Джима и Ли Зи. Потом они убрали все рисовальные принадлежности и накрыли стол для чаепития. Госпожа Каак устроила сюрприз, выставив на стол румяный кекс, посыпанный сахарной пудрой. Не надо даже говорить, что вкус у него был отменный, ведь госпожа Каак славилась своим мастерством.

Когда все до крошки было съедено, Лукас откинулся на своем стуле и набил трубку. Джим тоже достал трубку, которую ему подарила принцесса в день обручения. Но по-настоящему он не курил, Лукас ему отсоветовал, потому что курильщики перестают расти. Для взрослых это уже не имеет значения, они выросли, но Джим-то пока полподданного и, конечно, не хотел бы остаться таким навсегда.

За окном опустились сумерки, в кухне было уютно и тепло.

— Я давно уже хотел тебя спросить, Ли Зи, — начал Лукас, раскурив трубку. — Как там поживает драконица Зубояд?

— Она все еще спит, — ответила маленькая принцесса своим певучим голоском. — Но выглядит при этом чудодейственно. Она вся переливается золотом от макушки до кончика хвоста. Мой отец повелел охранять ее днем и ночью, чтобы ничто не помешало волшебному преображению. Когда она очнется, он сразу же даст вам знать.

— Прекрасно, — сказал Лукас. — Это произойдет уже скоро. Ведь драконица сказала, что проснется ровно через год.

— По расчетам наших «цветов учености», — добавила Ли Зи, — этот великий миг настанет через три недели и один день.

— Первое, о чем я спрошу драконицу, — сказал Джим, — это где меня похитили пираты «Чертовой дюжины» и кто я есть на самом деле.

— Да-да, — вздохнула госпожа Каак. Она боялась, что Джим навсегда уедет из Ласкании: Но, с другой стороны, она понимала, что мальчик должен раскрыть тайну своего происхождения. Поэтому она ничего больше не сказала, а только еще разок вздохнула.

Тут Джим притащил фишки, и они принялись играть в настольные игры. Выигрывала почти всегда принцесса. В этом не было ничего нового, но Джим никак не мог с этим примириться. Ли Зи, конечно, ему нравилась, но она нравилась бы ему гораздо больше, если б не была такой умной. Да он бы с радостью ей поддался, но как это сделать, если она сама все время выигрывает!

За окном между тем совсем стемнело, дождь перестал. Вдруг в дверь постучали.

Госпожа Каак открыла, и вошел господин Рукав. Он сложил зонтик, поставил его в угол, снял свой котелок и поклонился.

— Добрый вечер, всем добрый вечер! Как вижу, вы предаетесь полезным и интересным занятиям. Видите ли, дамы и господа, я сидел сейчас дома и вдруг почувствовал себя очень одиноким. Я спросил себя, будете ли вы возражать против того, чтоб я примкнул ненадолго к вашей компании.

— О, конечно, мы не будем возражать, — приветливо сказала госпожа Каак и поставила еще одну чашку чая. — Присаживайтесь к нам, господин Рукав.

Он, поблагодарив, сел и сказал:

— Я уже долгое время размышляю над одним вопросом и хотел бы услышать ваше мнение. Дело вот в чем: все ласканийцы, кроме меня, живут с какой-нибудь пользой для остальных. А я только хожу на прогулки и подлежу правлению короля. Вы, конечно, согласитесь, что долго так не может продолжаться.

— Ах, да что вы, — возразила госпожа Каак. — Вы нам очень нравитесь таким, как есть.

А маленькая принцесса добавила:

— И именно из-за этого.

— Большое спасибо, — ответил господин Рукав, — тем не менее просто быть, ничего собой не представляя, — это не жизнь. Причем я могу сказать про себя, что я необыкновенно образованный человек и обладаю такими знаниями, которые порой удивляют меня самого. Но, к сожалению, они никому не нужны — меня никто ни о чем не спрашивает.

Лукас откинулся на спинку стула и молча пускал к потолку кольца дыма. Потом он задумчиво сказал:

— Я думаю, господин Рукав, в один прекрасный день все это пригодится.

Тут все услышали со стороны берега сильный удар, как будто кто-то с разбегу натолкнулся на остров.

— Силы небесные! — ахнула госпожа Каак, чуть не выронив чашку. — Вы слышали?

Лукас вскочил и уже натягивал свою кепку.

— Идем со мной, Джим! Посмотрим, что случилось!

Оба друга побежали в сторону Ново-Ласкании, откуда донесся удар. Дождь хоть и кончился, но было темно, глаза не сразу привыкли и различили лишь очертания чего-то большого.

— Может, это кит? — сказал Джим.

— Нет, ведь он не шевелится, — сказал Лукас. — Похоже, корабль.

— Эй! Ау! — послышался голос. — Кто-нибудь есть дома?

— А как же! — отозвался Лукас. — А вы к кому?

— Это, случайно, не остров Ласкания? — спросил голос.

— Это Ново-Ласкания, — объяснил Лукас. — А кто там?

— Да я почтальон, — жалобно отозвался из темноты голос. — Из-за сильного дождя я потерял ори-

ентацию, и мой корабль, к сожалению, налетел на вашу государственную границу. Мне очень жаль, я приношу извинения.

— Ничего, — ответил Лукас. — Милости просим, господин почтальон, спускайтесь на берег!

— Тут у меня неподъемный мешок писем для Лукаса-машиниста и Джима Пуговицы.

Оба друга поднялись на корабль и помогли почтальону стащить на берег мешок с письмами.

Целый вечер они читали на кухне госпожи Каак эти письма из разных стран — из Индии и Штутгарта, с северного полюса и с экватора. Письма писали или диктовали, а то и вовсе рисовали — дети. Услышав о приключениях друзей, они хотели узнать подробности или приглашали Лукаса и Джима к себе в гости, или просто выражали свое восхищение.

Наверняка кто-то из моих бесценных читателей хочет знать, дошло ли и его письмо тоже. Дошло, это я подтверждаю.

Были тут письма и от тех детей, которых Джим и Лукас освободили тогда из драконьего города.

— Мы должны каждому написать ответ, — сказал Лукас.

— Но ведь я не умею писать! — испуганно воскликнул Джим.

— Да, я и забыл, — пробормотал Лукас. — Ну что ж, придется мне одному.

Джим молчал. Впервые он пожалел, что не умеет читать и писать, и только он хотел сказать, что хочет научиться, как вдруг маленькая принцесса его опередила:

— Вот видишь! — назидательно сказала она.

И, конечно, у Джима пропала охота говорить о своем желании.

— Но сегодня уже поздно, — сказал Лукас. — Я примусь за это завтра.

— Тогда, может, и я останусь, — сказал почтальон, — чтобы заодно прихватить вашу почту.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, — сказал Лукас.

— Если вы не против, — предложил господин Рукав, — вы могли бы переночевать у меня. И мы побеседовали бы о таком предмете, как география — ведь вы, как почтальон, весьма сведущи в этой науке, а меня она тоже чрезвычайно интересует.

— Весьма буду рад, — согласился почтальон и добавил, повернувшись к Джиму и Лукасу: — Должно быть, это очень приятно, иметь так много друзей?

— Да, — улыбнулся Лукас, — не так ли, Джим?

— Более того! — с важной миной выступил вперед господин Рукав. — Это величественно! Спокойной ночи, милые дамы и господа!

И они шагнули к двери, чтобы уйти, но почтальон еще раз обернулся:

— Впрочем, за то сотрясение, которое мой корабль причинил острову, я извинюсь завтра перед королем Альфонсом Без-Четверти-Двенадцатым.

Они ушли. Лукас тоже отправился к своей станции, оставляя позади себя шлейф дыма. И вскоре погасли все огни в окнах Ласкании. Ветер шумел в кронах деревьев, и большие и маленькие волны плескались на государственной границе.

Вторая глава, в которой Джим придумывает маяк, одновременно и большой и маленький

Проснувшись на другое утро, Джим сразу вспомнил свой сон. Будто он стоит под высоким высохшим деревом, на котором не только листьев, но даже коры нет, а только голая древесина, к тому же

расщепленная молниями. На верхнем сучке сидит большая птица, худая, обтрепанная, и из глаз ее катятся слезы величиной с аэростат. Джим хотел убежать, потому что от таких слез вполне могло начаться наводнение, но птица окликнула его:

— Джим Пуговица, пожалуйста, не уходи!

Джим остановился и удивленно спросил:

— Откуда ты меня знаешь, большая птица?

— Но ты же мой друг!

— Что я могу сделать для тебя, бедная птица? — спросил Джим.

— Помоги мне спуститься с этого ужасного мертвого дерева, иначе я погибну. Я так одинок, так ужасно одинок.

— Разве ты не можешь летать? — крикнул Джим. — Ты же птица!

— Джим, ты меня не узнаешь? — отвечала птица бесконечно печальным голосом. — Откуда же мне уметь летать?

— Перестань плакать, — попросил Джим, — у тебя такие громадные слезы, что если одна попадет в меня, я утону в ней.

— Ах, мои слезы не больше твоих! — возразила птица. — Посмотри как следует!

Тут Джим внимательно проследил за падающей слезой — чем ниже она падала, тем меньше становилась. И, очутившись на его ладони, оказалась крохотной слезинкой.

— Кто же ты, птица? — спросил Джим, и птица воскликнула:

— Да взгляни же на меня еще раз!

Джим присмотрелся и увидел вместо птицы господина Тур Тура. И тут же проснулся.

Этот сон все утро не шел у него из головы. За завтраком он молчал.

— Ты на меня все еще сердишься за вчерашнее? — спросила Ли Зи, очень сожалея, что обидела Джима.

— За вчерашнее? — рассеянно переспросил Джим.

— За то, что я сказала «вот видишь!»

— Ах, — ответил Джим, — какие пустяки, Ли Зи!

И только когда пришел Лукас, Джим рассказал про свой странный сон.

— Да, мнимый великан, — пробормотал Лукас, попыхивая трубкой. — Я тоже о нем часто думаю. Без него нам бы тогда ни за что не выбраться из пустыни Край Света. Как он там поживает в своем оазисе?

После завтрака госпожа Каак убрала со стола, Ли Зи помогала ей мыть и вытирать посуду, а Лукас и Джим принялись отвечать на письма. Лукас писал, а Джим пририсовывал свое черное лицо, складывал листки и наклеивал марки на конверты. Когда все письма были написаны, у Лукаса болела рука — а ведь он был человеком незаурядной силы. Джим, облиставший все конверты и все марки, откинулся без сил на стуле и сказал:

— Бобе мой, боб эбо быба бабоба!

Он, собственно, хотел сказать: «Боже мой, вот это была работа!» Но язык у него прилип к небу. Пришлось ему чистить зубы и полоскать рот, иначе он бы и поест не смог.

После обеда пришли почтальон и господин Рукав с поручением от короля — созвать всех подданных на аудиенцию.

Все отправились в замок.

Король, как обычно, сидел на троне возле телефона в бархатном халате, с короной на голове и в клетчатых шлепанцах.

— Мои дорогие подданные, — сказал он, — добрый день!

Слово для приветствия взял господин Рукав:

— Мы все желаем вашему величеству наилучшего дня и сим верноподданнейше заверяем вас в своем присутствии.

— Ну, тогда, — сказал король и несколько раз кашлянул, чтобы собраться с мыслями, — по правде говоря, мои дорогие подданные, мне очень жаль, но я должен вам сообщить, что повод, по которому я вас позвал, очень серьезный. Даже, так сказать, в известной мере...

Тут король Альфонс снова кашлянул, беспомощно переводя взгляд с одного на другого.

— Видимо, вы хотите сообщить нам свое постановление, ваше величество? — пришла ему на помощь госпожа Каак.

— Да, хотелось бы, — ответил король. — Но это не так просто. Потому что у меня несколько постановлений, а именно два. Первое постановление состоит в том, что я постановил довести до вашего сведения мое постановление. Итак, это я уже сделал, таким образом первое мое постановление выполнено.

Король снял с головы корону, подышал на нее и стал полировать ее рукавом халата, как он делал всегда, погружаясь в тяжелые думы. Наконец он решительным движением водворил корону на место и сказал:

— Мои верные подданные! Вчерашний случай с почтовым кораблем показал, что больше так продолжаться не может. Это слишком опасно. На правильном языке это называется «положение незрело».

— И что же не может продолжаться, ваше величество? — спросил Лукас.

— Я же вам только что все объяснил, — вздохнул король и вытер шелковым платком пот со лба, уже утомившись от аудиенции.

Подданные молча ждали, когда король снова соберется с мыслями.

— Вам это трудно понять. Но главное, что это понимаю я, на то я и король. Итак, мое первое постановление я вам уже сказал, а мое второе постановление звучит так: что-то надо делать.

— Что надо делать, ваше величество? — осторожно спросил Лукас.

— Я вам сейчас все объясню, — сказал король. — Эс Ша Эл и Эн Эл — в опасности.

— Эс что? — не понял Лукас.

— Эс Ша Эл и Эн Эл. Это сокращенно, потому что на правительственном языке обычно используются сокращения. Это означает Соединенные штаты Ласкания и Ново-Ласкания.

— Ага, — понял Лукас. — Ну и почему они в опасности?

Король объяснил:

— Но ведь вчера почтовый корабль столкнулся с государственной границей Ново-Ласкании, потому что было темно. Прежде почтовый корабль заезжал к нам лишь изредка, но теперь, когда у нас есть дипломатические отношения с Ландаем, морское сообщение очень оживилось. Почти каждый месяц приплывает корабль моего уважаемого друга Пунг Гинга, императора Ландая. Еще неизвестно, что может произойти, если и он в темноте наткнется на государственную границу. Поэтому я постановил, что надо что-то делать.

— Совершенно верно! — воскликнул господин Рукав. — Это очень мудрое постановление. Да здравствует наш все милостивейший король!

— Минуточку, — задумчиво сказал Лукас. — Ваше величество, но вы же не сказали, что именно надо делать.

— Мой дорогой Лукас, — с укоризной сказал король, — именно для этого я и собрал вас, чтобы выяснить, что делать. В конце концов, не могу же я все решать один. У меня и так было работы по самые уши с подготовкой двух постановлений. Вы же должны понять.

Лукас поразмыслил, потом предложил:

— А как вы посмотрите на то, чтобы построить маяк?

— Прекрасная идея! — воскликнул господин Рукав. — Это должен быть высокий маяк, чтобы кораблям было видно издалека.

— Вопрос только, где мы его установим, — озабоченно сказал король. — Ведь он должен иметь достаточно широкое основание, чтобы не упасть. А для этого у нас нет места.

— Это верно, — задумчиво проговорил Лукас. — Значит, надо изобрести маяк, достаточно большой, но чтоб он занимал при этом как можно меньше места.

Все растерянно посмотрели друг на друга.

— Так не бывает, — объяснил господин Рукав. — Что-то может быть либо маленьким, либо большим, но то и другое сразу невозможно. Это научно доказано.

Король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый опечаленно вздохнул:

— Но я уже постановил это. Я не могу так легко отменять собственные постановления, это не годится для короля! И не могу позволить, чтобы они не выполнялись. Постановление есть постановление.

— Но если не получается, — успокаивающе встала госпожа Каак, — то, может, разумнее было бы отказаться?

— Это ужасно, — в отчаянии сказал король. — На правительственном языке это называется кризис и означает почти то же самое, что революция.

— Ужас, ужас! — побледнел господин Рукав. — Ваше величество, я могу заверить вас от имени всех ваших подданных, что в этой революции мы все без исключения примыкаем к вам.

— Спасибо, спасибо! — ответил король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый и устало махнул рукой. — Но, к сожалению, это не поможет. Кризис все равно остается. О, что же делать, что делать?

— Я знаю, что делать! — вдруг воскликнул Джим.

Все взгляды устремились к нему, и на лице короля разгладились морщины озабоченности. Голосом, полным надежды, он сказал:

— Вы слышали? Он знает! Слово полподданному Джиму Пуговице!

— А нельзя ли... — волнуясь, начал Джим, — нельзя ли позвать к нам господина Тур Тура и использовать его вместо маяка? Он займет очень мало места, но издали выглядит как большая башня. Если его поставить с лампой в руке на вершине, то его будет видно издалека. А жить он может хоть в Ново-Ласкании, если там построить маленький домик. Тогда он не будет так одинок.

Воцарилось ошеломленное молчание. Нарушил его Лукас:

— Джим, старина, вот это идея!

— Более того, — господин Рукав поднял вверх указательный палец. — Это гениально!

— Да это лучший план, какой мне приходилось слышать, — воскликнул Лукас и протянул Джиму

свою черную ручищу. Джим ударил по ней, и они смеясь долго трясли друг другу руки. Маленькая принцесса в восхищении бросилась Джиму на шею и поцеловала его, а госпожа Каак повторяла, чуть не лопааясь от гордости:

— Нет, этот мальчик, этот мальчик! У него всегда такие идеи!

Король Альфонс поднял руку, призывая тишину, и потом торжественно сказал:

— Правительственный кризис преодолен!

— Ура! Ура! Ура! — ликовал господин Рукав, подкидывая вверх свой котелок.

— Но прежде чем покончить с этим вопросом, я хотел бы еще кое-что уточнить, — продолжал король. — Этот господин Тур Тур, как рассказывали нам Джим и Лукас, мнимый великан?

— Да, — сказал Джим, — мнимый, я сам в этом убедился.

— И он перебрался в пустыню Край Света, чтоб никого больше не пугать? Так? — уточнил король.

— Да, — сказал Джим, — потому что он очень миролюбивый.

— Надеюсь, — отвечал король, — но если он будет жить у нас, нам не станет страшно? Я думаю прежде всего о благе моих подданных.

— Ваше величество, не беспокойтесь, — сказал Лукас. — К счастью, Ласкания так мала, что тут невозможно взглянуть на господина Тур Тура издали. А вблизи он выглядит так же, как мы все.

— Ну, если так, — заявил король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый, — то я постановляю привезти господина Тур Тура сюда.

— Ну, старина Джим, отправляемся, — сказал Лукас.

— Ах ты, боже мой, — всплеснула руками госпожа Каак, вдруг постигнув, что все это значит. — Что же, вам снова придется пуститься в это опасное путешествие?

— Дорогая госпожа Каак, — улыбнулся Лукас, — этого не избежать. Я не думаю, чтоб господин Тур Тур явился к нам сам по себе.

— Аудиенция закончена, — известил король. Он подал всем подданным и почтальону руку, и они покинули замок. Оставшись один, король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый со вздохом облегчения снова опустился на свой трон. Такое множество постановлений и правительственный кризис очень его утомили. Но когда он закрыл глаза, чтобы погрузиться в послеобеденный сон, на его лице играла счастливая улыбка.

Третья глава, в которой снова начинается путешествие в неизвестность

Когда все общество снова очутилось на кухне госпожи Каак, почтальон сказал:

— Я вижу, ответы на письма уже готовы. Вопрос с маяком тоже решен. Значит, я могу ехать.

— В какую сторону вы теперь направляетесь? — спросила госпожа Каак. — Случайно, не к Ландаю? Тогда бы вы прихватили с собой Лукаса, Джима и Ли Зи, и мне было бы много спокойнее.

— К сожалению, — ответил почтальон, — мой путь дальше пролегает в сторону Канарских островов, там я должен прихватить почту и несколько канареек, чтобы доставить их в горы Гарца.

— Да ладно, мы лучше на Эмме, — объявил Джим. — Верно, Лукас?

— Хм, — задумался Лукас, — я-то ничего против не имею. Но как отнесется к такому путешествию Ли Зи?

— Да, и правда, — растерялся Джим и взглянул на Ли Зи.

Маленькая принцесса колебалась. Конечно, ей бы очень хотелось пуститься по морю на законопаченной Эмме, но, с другой стороны, такое путешествие таит в себе много неприятностей. Вдруг, например, шторм и у нее начнется морская болезнь? Или громадный кит проглотит паровоз вместе с пассажирами? Или у Эммы случится пробоина, и они утонут?

— Собственно говоря, — сказала принцесса, — мне совсем не хочется домой в Ландай. Каникулы еще не кончились.

— Это самое разумное! — поддержала госпожа Каак. — Оставайся здесь, Ли Зи! Хотя кто-то будет около меня и поможет мне в лавке.

Почтальон между тем упаковал письма в мешок, Джим и Лукас проводили его к кораблю, а потом отправились на станцию взглянуть на свои паровозы.

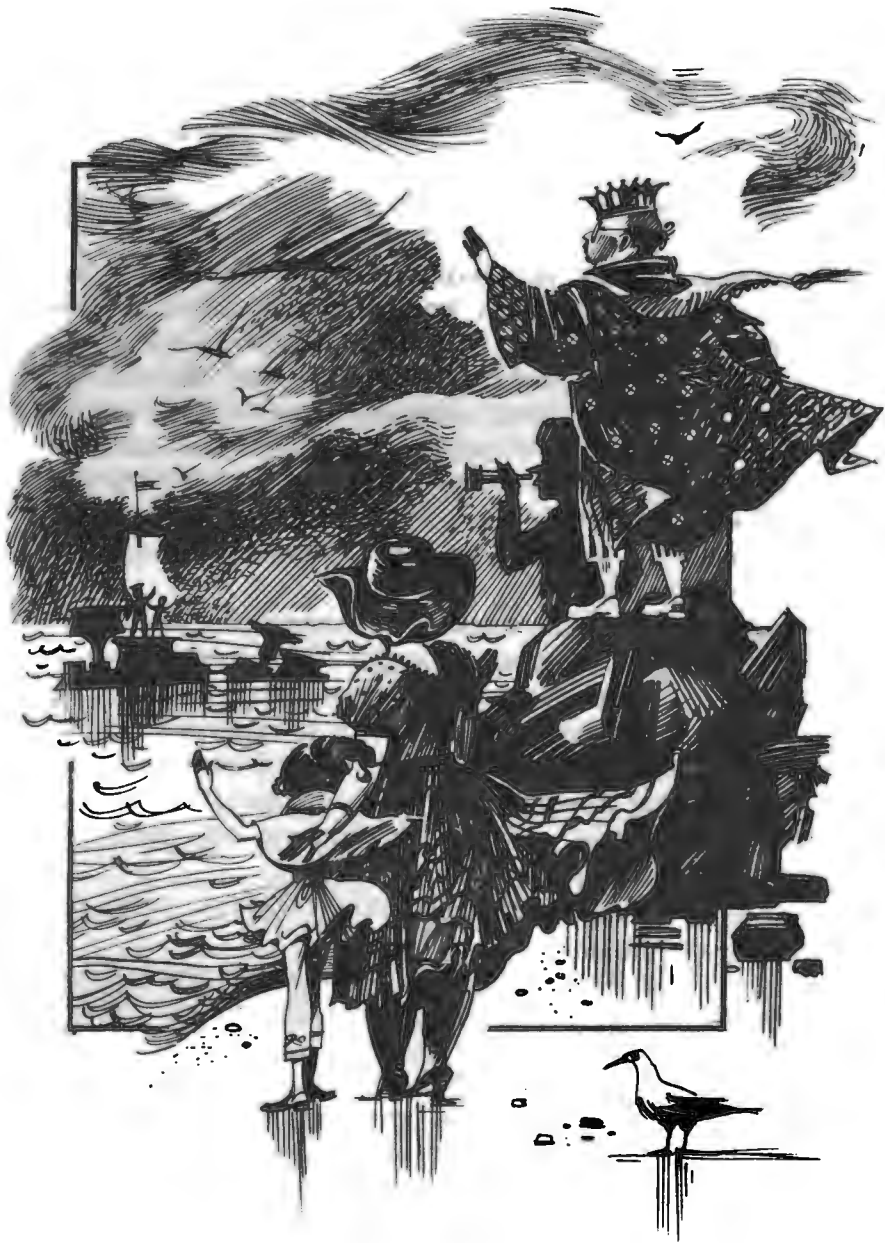
Джим похлопал маленькую Молли по котлу и повернулся к Лукасу:

— Смотри, она еще немного подросла, тебе не кажется?

— Да, — Лукас благодушно попыхивал трубкой, — и заметно. Но если мы уедем на Эмме, что будет с Молли?

— Ты думаешь, лучше взять ее с собой?

— Как хочешь, Джим, — ответил Лукас. — Ведь это твой паровоз. Ты знаешь, какие опасности могут нас подстергать. А Молли еще маленькая.

Джим вздохнул. Решение было нелегким. Наконец он медленно произнес:

— А может, и хорошо, что она сразу привыкнет к приключениям.

— Тогда берем ее с собой, — сказал Лукас и посмотрел на небо. После полудня поднялся ветер и постепенно разгонял тучи. Уж кое-где виднелись просветы. — К ночи небо очистится, — со знанием дела определил Лукас. — Ветер благоприятный, я думаю, мы должны этим воспользоваться. Ты согласен?

— Конечно!

— Тогда давай готовиться.

Пока Лукас готовил смолу и паклю, Джим сбегал предупредить госпожу Каак. Она столько раз вздохнула, сколько уложила предметов в рюкзак для Джима — носовых платков, теплых вещей, мыло, мочалку и зубную щетку. Она чуть не забыла уложить коробку с фишками, но Ли Зи вовремя вспомнила об этом.

А Джим и Лукас тем временем тщательно законпатили Эмму и Молли, чтобы не просочилась ни одна капля. Слили из котлов воду, чтобы оба паровоза могли плавать на поверхности, как пустые бутылки. Наконец Лукас установил мачту на кабине Эммы и поставил парус. У Молли не было мачты: Молли лучше поедет за Эммой на канате, чтоб не потеряться.

Когда друзья покончили с приготовлениями, был уже вечер. Они помыли руки, перепачканные смолой, используя специальное мыло для машинистов. Потом отправились на кухню госпожи Каак, чтобы как следует поужинать перед дорогой, и Джим переоделся в свой синий комбинезон и кепку. Он был так взвинчен от предстоящей поездки, что потерял аппетит, и госпожа Каак то и дело напоминала ему, что еда стынет.

Но больше она ничего не говорила, хотя ее доброе сердце переполняли тысячи страхов за ее дорогого мальчика.

Принцесса за весь ужин не проронила ни слова, только становилась все бледнее и бледнее. Она поглядывала на Джима с тревогой, и губы ее дрожали. А вдруг Джим не вернется? Вдруг с ним что-нибудь случится? Ведь он такой безоглядный, Ли Зи отлично помнила, как он освобождал ее и других детей из драконьего плена, бесстрашно идя навстречу любой опасности.

После ужина все отправились на берег, где Эмма и привязанная к ней канатом Молли уже стояли наготове. Лукас сперва разместил в кабине весь багаж. Он на всякий случай прихватил с собой весло. Разумеется, госпожа Каак приготовила для них большой пакет бутербродов, вареные яйца и другой провиант.

Осторожно столкнули Эмму на воду. Молли плюхнулась следом. Тут появился король в сопровождении господина Рукава.

— Мои дорогие уважаемые подданные! — сказал король. — Я очень взволнован. Я так взволнован, что не могу произнести ни слова. Простите, что я молчу. Лишь одно я хочу сказать вам на прощанье: Соединенные штаты Ласкания и Ново-Ласкания с гордостью смотрят на вас. Будьте достойны их надежд!

После этого он снял очки и протер стекла своим шелковым платком, потому что они запотели.

Госпожа Каак обняла и поцеловала Джима и сказала:

— Джим, мой мальчик, будь осторожен, слышишь? И следи за собой. Обещай мне это!

Тут она принялась плакать, и Ли Зи тоже не смогла сдержаться, упала Джиму на грудь и всхлипывала:

— Джим, возвращайся скорее! Пожалуйста, возвращайся скорее! Я так боюсь за тебя!

И наконец сказал господин Рукав:

— Я тоже присоединяюсь к этим просьбам наших почтенных дам!

После чего он достал свой носовой платок и высморкался, чтобы никто не заметил, как он расстроган. Лукас подымял трубку и проворчал:

— Не беспокойтесь, с нами ничего не случится. Идем, Джим, пора!

И он побрел по мелководью к Эмме, Джим вслед за ним взобрался на крышу кабины. Отвязали канат, парус наполнился ветром, мачта скрипнула, и странный этот корабль с прицепом двинулся вперед.

Оставшиеся махали платками и кричали:

— Счастливого пути!..

Заходящее солнце вымостило золотыми бликами дорогу в бескрайнем океане от одного горизонта к другому, и по этой дороге плыл паровоз.

Лукас обнял Джима, и они любовались этой сверкающей дорогой, которая вела вдаль — может, снова в неизведанные страны.

Четвертая глава, в которой друзья сворачивают в Варварское море

Звезды сверкали на небе, а друзья сидели на крыше кабины и беседовали.

— Интересно, что скажет господин Тур Тур, когда мы заявимся к нему? — говорил Джим.

— Готов биться об заклад, он обрадуется, — улыбаясь, говорил Лукас. — Вопрос только, как мы к нему попадем? Ведь Долину Сумерек завалило.

— Ах да! — с испугом вспомнил Джим. — А я и не подумал.

Они молча смотрели, как всходит луна и море заливается ее серебряным светом. Легкий туман стоял над водой, легкий ветер закручивал волны завитками.

— Добрый день! — вдруг послышался нежный голосок, похожий на плеск волн. — Или, вернее, добрая ночь, это лучше подходит.

Лукас и Джим удивленно огляделись, но никого не увидели. Лукас спросил:

— Кто тут? Мы никого не видим.

— Но я здесь, — послышался голос совсем близко, — смотрите, я помашу рукой.

Друзья внимательно оглядели всю поверхность воды. Вдруг Джим заметил маленькую ручку над волнами и показал Лукасу. И вот они уже отчетливо рассмотрели маленькую изящную девушку, ростом с Джимову руку. У нее было миловидное личико, только глаза чуточку навывкате, рот чуточку великоват, а нос чуточку вздернут, так что она отдаленно походила на рыбку. Ее серебряные волосы стояли на голове торчком, а тело ниже пояса завершалось хвостом. Самым же странным было то, что русалка (ибо сомнений не было, что это русалка) была почти совсем прозрачная, вся будто из зеленого нектара. Поэтому ее так трудно было разглядеть на воде.

— Добрая ночь, — приветливо ответил Лукас. — Какой у вас чудесный хвост, маленькая дама!

— Вам нравится? — польщенно спросила русалка.

— Еще бы! — вежливо ответил Лукас. — Это самый чудный хвост, какой я когда-нибудь видел у юных особ.

Русалочка рассмеялась, и это было похоже на плеск волн у берегов Ласкании. Потом она с любопытством спросила:

— А куда это вы едете, если позволено будет спросить? Может, вы потерпели кораблекрушение?

— О нет, маленькая дама, — улыбаясь, ответил Лукас. — Мы плывем в Ландай и даже еще дальше.

— Ах вон что, — сказала русалочка, — а что это у вас за странный корабль, если позволено будет спросить?

— Этот корабль, — ответил Лукас и выпустил несколько колец дыма, — называется Эмма и, собственно говоря, вообще не корабль.

— А маленький корабль, что волочится следом, — добавил Джим, — называется Молли и тоже, собственно говоря, никакой не корабль.

— К сожалению, мне это непонятно, — ответила русалочка, сбитая с толку. — Что это за корабли, которые, собственно говоря, никакие не корабли? Я с таким еще никогда не сталкивалась.

— Эти корабли, которые вовсе никакие не корабли, — стал объяснять Лукас, подмигнув Джиму, — собственно говоря, паровозы.

— Ах, вон оно что, — сказала русалочка, — значит, это пазово... это, значит, запово... простите, как вы сказали?

— Паровозы! — повторил Лукас.

— Да, извините, — русалочка с любопытством подплыла ближе, — а что такое пазоворы, если позволено будет спросить?

— Вы можете спрашивать о чем угодно, маленькая дама, — дружелюбно заверил Лукас. — Итак, паровозы это машины, которые ездят на колесах по земле при помощи пара и огня, понимаете?

— О да, — обрадовалась русалочка, — то есть, как я поняла, эти воропа... эти пазоковины — вид пароходов, только для суши?

— Неплохо, — согласился Лукас и повеселел, — можно сказать и так. Вы умны необыкновенно, маленькая дама.

Русалочка опять польщенно рассмеялась и сказала:

— Итак, этот корабль, который не корабль, все-таки в некотором роде пароход?

И она захлопала в ладоши. Русалки ведь видят мир несколько односторонне — так сказать, с водяной точки зрения. Их очень беспокоит, когда они чего-нибудь не могут понять с этой водяной точки зрения. Но когда им удастся, так сказать, разводить трудный вопрос, они испытывают большое облегчение. Не надо ставить им это в упрек, ведь люди порой ведут себя не лучше. А в остальном русалки очень симпатичный народ.

— А кто вы такие? — продолжала любопытствовать русалочка.

— Я Лукас-машинист, — ответил Лукас, — а это мой друг Джим Пуговица, тоже машинист.

— Извините, пожалуйста, что я так любопытна, — сказала русалочка, — но для нас, водяных жителей, очень важно было бы узнать, не разбираетесь ли вы также в электричестве и в магнитах?

— Мы, правда, специалисты по паровым двигателям, — ответил Лукас, — но кое-что понимаем и в электричестве.

— Но это же замечательно! — возликовала русалочка. — Я должна сказать об этом папе! Пожалуйста, подождите минуточку! Я сейчас!

И исчезла. Но не успели друзья как следует обсудить происшедшее, как русалочка появилась вновь:

— Только не пугайтесь! Это мой папа!

Тут раздался чудовищный шум и плеск, море вспучилось неподалеку, так что Эмма чуть не опрокинулась. Потом показалась голова, громадная, как у кита, зеленая и прозрачная. На черепе, поросшем ракушками, громоздилась огромная стеклянная корона. Над необъятным ртом висели усы, как у сома. Джим испугался, Лукас же, как обычно, не подал виду и не выказал никакого удивления.

— Позвольте вас представить друг другу, — сказала русалочка. — Это, папочка, господин Лукас и Джим Пуговица. А это мой папа, Лоремар, правитель этого моря.

— Очень рад познакомиться, — Лукас вежливо снял кепку.

— Папа, — продолжала русалочка, — эти чужеземцы кое-что понимают в электричестве и в магнитах. Потому что они запоровные машинисты.

— Хорошooooо, — проклокотал низким голосом морской царь. — Тогда сейчас же спустимся на дно и вы посмотрите, что там не в порядке.

— Ничего не выйдет, — неторопливо ответил Лукас, — как это ни огорчительно для нас, царь Лоремар.

Морской царь нахмурил брови, а поскольку они у него были с грядку, вид его стал очень грозен.

— Почему? — проревел он.

— Мы утонем, ваше величество, — мирно объяснил Лукас. — И толку вам от нас не будет никакого.

— Да, верно, — пробурлил морской царь.

— А в чем, собственно, состоит повреждение? — спросил Лукас.

Тут вмешалась в разговор русалочка:

— Испортилась морская иллюминация. Вот уже год, как что-то сломалось.

— Даааа, — бурлил морской царь, — пренеприятная история! Именно сегодня, когда праздничная

иллюминация нам очень нужна в честь памяти моего прапрапрадедушки Гурумуша, который когда-то и устроил эту иллюминацию.

— Скажите, а откуда раньше поступало электро-снабжение? — спросил Лукас.

— О, такими пустяками я никогда не интересовался, — угрюмо проревел царь. — Свет просто был, и все, а теперь его нет.

Тут снова вмешалась русалочка:

— Моя двоюродная прапрабабушка еще лично знала старого працаря Гурумуша, и она часто рассказывала, что электричество поступало от громадного магнита.

— А где он находится, маленькая дама? — спросил Лукас.

— В Варварском море, — смущенно ответила принцесса. — Мы не любим упоминать про это место и избегаем туда плавать — там мрачно.

— Это далеко отсюда? — спросил Лукас. — Вообще-то мы плывем по важному делу и не можем терять время. Но если это недалеко, мы могли бы заехать взглянуть на магнит.

— Я дам вам упряжку моих дельфинов, — обрадовалась принцесса. — Они победители всех гонок. Если мы впряжем их в ваш корабль, они со скоростью вихря отвезут вас к магниту и назад и еще куда вам будет угодно. Вы не только не потеряете время, но выиграете его.

— Чудесно! — сказал улыбаясь Лукас. — Если вы готовы оказать нам такую любезность, мы завернем в Варварское море.

— Хорошооооо! — пробурлил царь Лоремар и, не простившись, скрылся под водой. И снова Эмма чуть не опрокинулась от поднявшихся волн.

— Извините его, — тихонько сказала морская принцесса, — мой папа не особенно любезен. Ему

уже шестьдесят тысяч лет, и, кроме того, он в последнее время очень мучается от изжоги. Для морских жителей всякое жжение — очень неприятная вещь.

— Еще бы, — участливо сказал Лукас. — Да и шестьдесят тысяч лет — очень почтенный возраст, как мне кажется.

— Раньше, — заверила принцесса, — когда он еще не страдал изжогой, он был самый обворожительный житель моря, какого только можно представить.

— А теперь это вы, маленькая дама, — ответил Лукас, отчего русалочка снова рассмеялась своим плещущимся смехом и немного позеленела, что для русалок означает то же самое, что для людей — покраснеть.

Пятая глава, в которой Джим и Лукас узнают про Кристалл вечности

Между тем в некотором отдалении вынырнул водяной с простоватым лицом, похожий на карпа. Он вел на поводке шестерку дельфинов, которые при виде морской принцессы радостно ударили хвостами по воде.

— Вот, принцесса Сурсулапичи, я привел вашу упряжку, — крикнул водяной писклявым голоском.

— Спасибо, Вучель, — отвечала морская принцесса, — будь добр, впряги их в этот странный корабль! — И, повернувшись к друзьям, продолжила: — Вучель — наш конюх, он распоряжается всеми ездовыми животными, от маленьких морских коньков до самых больших моржей.

Между тем Вучель запряг шестерку, Джим и Лукас убрали парус, и Вучель спросил:

— Кучером поеду я, принцесса Сурсулапичи?

— Нет, я сама. Большое спасибо, дорогой Вучель! — принцесса уселась на паровоз впереди и натянула вожжи. — Ну, теперь держитесь! — крикнула друзьям, прищелкнула языком, и шестерка дельфинов понеслась вперед так, что захватило дух. Вода вспенилась по бокам, разлетаясь крыльями, и маленький паровоз в кильватере заплесал на волнах.

Вскоре принцесса перебралась к друзьям на крышу кабины и доверчиво примостилась между ними. Послушные дельфины плыли в нужном направлении сами.

— Вас, наверное, удивило, — начала морская принцесса, — что во всем нашем океане некому починить иллюминацию.

— Да, действительно, — подтвердил Лукас. — Ведь раньше у вас, по всей видимости, были специалисты?

— Да, был один, — вздохнула Сурсулапичи. — Подумать только, какие неполадки! Погасли все светящиеся рыбы, все светящиеся цветы, слюдяные скалы на дне, куда ни один луч солнца пробиться не может. Но нашего специалиста сейчас нет. Кстати, его звали Ушау-Ришуум. Может, вы его, случайно, знаете?

— К сожалению, нет, — сказал Лукас.

— Ах, он чудный щитовод, — мечтательно и печально проговорила русалочка. — Он примерно моих лет, что-то около десяти тысяч.

— Да что вы говорите, такой еще молодой? — удивился Лукас.

— Да, — ответила принцесса, — он необыкновенно умный.

— Скажите, — спросил Лукас, — а что такое щитовод?

— Разве вы не знаете? — удивилась принцесса. — Щитовод — это водяной с панцирем на спине, как у черепахи. Он выглядит примерно как я, только без хвоста, но зато с панцирем, понимаете?

— Думаю, это очень привлекательно, — сказал Лукас.

— Да, не правда ли? — счастливо прошептала русалка, — я тоже так считаю. Это так элегантно. А то, что он такой умный, связано с его происхождением. Ведь черепахи очень умные существа.

— А где же он теперь? — спросил Лукас.

— Видите ли, — удрученно вздохнула принцесса, — это очень грустная история. Собственно, все из-за моего папы. Ушау-Ришуум — мой жених, и папа дал ему задание. Как только он его исполнит, папа разрешит нам пожениться. Но задание такое, что я боюсь, никто на всем свете не способен его выполнить. Мой жених сказал мне, когда мы расставались, что вернется лет через двести или, самое позднее, триста, но вот прошло уже четыреста, а я не получила от него ни одного письма, и не знаю, жив ли он.

И морская принцесса расплакалась, а когда плачет русалка — это не то что сухопутная девушка, которая и прольет-то от силы несколько слезинок. У Сурсулапичи из глаз полились целые ручьи, и Лукас стал ее утешать:

— Он вернется, маленькая дама, обязательно вернется. Но какое же задание дал ему царь Лоремар?

— Мой жених должен изготовить Кристалл вечности, — объяснила всхлипывая принцесса.

— Что-что? — спросил Джим.

— Кристалл вечности, — повторила Сурсулапичи, — это такое особенное стекло, которое не бьется. Его можно ковать, как металл, но разбить невозможно. При этом оно прозрачное, как чистая вода. Видели корону на голове моего отца? Она из Кристалла вечности и существует с тех пор, как существуют морские жители, и нисколько за это время не потускнела.

— Ах, — сказал Джим, и глаза его округлились от удивления, — а из чего делается это стекло?

— Кто знает тайну, — ответила русалка, — может получить его из чего угодно — из металла, камня и дерева. Но тайну знает всегда лишь одно-единственное существо. И лишь умирая оно передает эту тайну следующему.

Лукас задумчиво сказал:

— Но тогда Ушау-Ришууму, возможно, придется долго ждать, если он вообще разыщет того, кто владеет этой тайной.

— Нет, — возразила русалка, — ведь мой жених и есть наследник этой тайны, но одного обладания ею недостаточно. Водяное существо может изготовить Кристалл вечности только вместе с огненным существом. Были времена, когда мы дружили с огненными существами, но потом между нами началась вражда. Теперь уже никто не может вспомнить, из-за чего. И Кристалл вечности не производился уже несколько тысяч лет.

— Ага, — размышлял Лукас, — и теперь Ушау-Ришуум ищет огненное существо, согласное помириться?

— Да, — кивнула принцесса Сурсулапичи, — уже четыреста лет, и проищет еще, может, тысячу лет. Ведь это очень трудно — преодолеть такую застарелую вражду.

— Да, — согласился Лукас. — Особенно когда к ней привык.

Пока они так беседовали, море и небо стали заметно мрачнеть. Вода все темнела, небо затянулось тучами. Лишь изредка показывалась луна. Волны разыгрались в шторм, и шум их был угрожающим.

— Вот мы и в Варварском море, — сказала принцесса, пожившись. — Скоро доберемся до большого магнита.

— А это не опасно для Эммы и Молли? — озабоченно спросил Лукас. — Ведь большие магниты притягивают все железное.

Русалка тряхнула головой:

— Это бы уже давно произошло, если бы магнит был исправен. Раньше, когда сюда попадали корабли, их гибель была предрешена. Их притягивало с неотвратимой силой, и они вдребезги разбивались о магнит. А если они пытались сопротивляться притяжению и включали двигатели на полную мощность, магнитной силой вытягивало все гвозди и другие железные крепёжные детали, и корабль разваливался на части. С тех пор моряки объезжают Варварское море стороной. Разве что заблудится какой-нибудь корабль.

— Значит, если мы починим магнит, — заметил Лукас, — корабли снова будут погибать?

— Да, — согласилась русалка.

— Но тогда, наверное, лучше не чинить этот магнит и уехать! — воскликнул Лукас.

Принцесса испуганно взглянула на него и пролепетала:

— Тогда море навеки останется без света, и в глубине будет вечная ночь.

Все трое удрученно призадумались. Что делать? Тут что ни выбери, кому-то будет плохо. Наконец

Лукас решил, что дело надо прежде всего как следует изучить на месте. Может, найдется какое-то третье решение, которое всех устроит.

Вскоре на горизонте что-то блеснуло. Когда подплыли ближе и луна на мгновение выглянула из-за туч, они увидели два могучих утеса из блестящего железа. Их очертания вырисовывались на фоне ночного неба.

Они несколько раз объехали утесы кругом, прежде чем нашли плоское место, где поставить паровозы.

Эмму и Молли вытянули на сушу, шестерых дельфинов распрягли, чтобы они могли отдохнуть и попасть в окрестных водах. Принцесса уютно расположилась в мелководе, а Лукас закурил свою трубку и сказал Джиму:

— Теперь обследуем это осветительное устройство, старина.

— Я готов! — ответил Джим.

Они достали из паровоза свои инструменты и большой карманный фонарь, который уже не раз сослужил им службу в предыдущем путешествии.

— А вы не бойтесь, маленькая дама, мы скоро вернемся, — сказал Лукас русалке.

И они отправились.

Шестая глава, в которой друзья открывают тайну древнего морского царя Гурумуша

Долгое время Джим и Лукас ползали по острым железным скалам, пристально все разглядывая. Они сами не знали, чего ищут, но надеялись что-нибудь найти.

Джим взобрался на самую вершину утеса и осветил вокруг лампой.

— Эй, Лукас! — приглушенно позвал он. — Кажется, я нашел.

Лукас быстро взобрался к Джиму. В свете фонаря было видно пятиугольное отверстие, ведущее вниз, в глубину скалы.

Лукас внимательно оглядел его.

— Кажется, тут что-то нацарапано, — обнаружил он, — но все заржавело.

Он взял кусок наждачной шкурки и стал прочищать это место. Все отчетливее проявлялась надпись. По обе ее стороны были начертаны две молнии.

— Похоже, знак высокого напряжения, — пробормотал Лукас. — Возможно, магнитного.

— А это не опасно? — спросил Джим.

— Сейчас узнаем, — ответил Лукас и продолжил работу. Наконец открылась вся надпись, и Лукас прочитал ее вслух:

*Осторожно!
Внимание! Внимание! Опасно!
Великий магнит Гурумуша! Кто хочет
проникнуть в мою тайну и для этого
спустится вниз, тот пусть сначала
снимет с себя все железное, иначе
корни захватят его навеки.*

— Ага! — довольно сказал Лукас. — Теперь мы уже ближе к делу.

— Ты думаешь, мы должны оставить здесь все железное? — спросил Джим.

— Конечно, — ответил Лукас. — С такими надписями не шутят...

— Вначале все обследуем, — решил Лукас.

— А лампу?

— Все оставим здесь. В ящике для инструментов есть несколько свечей.

Лукас выложил перочинный нож, а Джим снял свои башмаки, подбитые железными гвоздями. Лукас был в парусиновых туфлях и остался в них.

— А здесь глубоко? — приглушенно спросил Джим.

Лукас взял винтик и бросил в шахту. Прошло довольно долго, прежде чем винтик звякнул о дно.

— Глубоко, — пробормотал Лукас, не вынимая трубки. Он зажег две свечи, одну дал Джиму, и стены шахты осветились. Вниз вела винтовая лестница, проложенная вдоль стен. Лукас ступил на нее.

— Я с тобой, — решительно сказал Джим.

— Хорошо, — ответил Лукас. — Но будь осторожен, Джим, не поскользнись! Ступени скользкие.

Держа свечу в одной руке, другой рукой придерживаясь за стену, они медленно спускались вниз.

Воздух тут был затхлый и застоявшийся. С каждым шагом становилось все теплее. Пламя свечей беспокойно затрепетало.

— Должно быть, мы уже глубоко под уровнем моря, — сказал Лукас.

Лучше бы он этого не говорил, потому что Джиму стало не по себе, когда он это представил. Он едва пересилил желание тотчас броситься наверх, на воздух. Он присел на ступеньку, где стоял.

— Эй! — послышался снизу голос Лукаса. — Кажется, мы уже почти на дне.

Джим взял себя в руки и последовал за другом, и вскоре они ступили на дно шахты. Подняв свечи, они обнаружили туннель в стене. Лукас прикурил от свечки свою трубку, сделал несколько затяжек и сказал:

— Пошли, Джим!

Они шли по туннелю, следуя всем его поворотам и изгибам. Становилось все жарче.

— Почему здесь так жарко? — спросил Джим.

— В глубине земли всегда так, — объяснил Лукас. — Наверное, потому, что ближе раскаленное ядро земли.

— А, — сказал Джим. — Мы теперь не только ниже уровня моря, но даже под его дном?

— Кажется, так, — только и ответил Лукас.

Они молча шагали дальше, защищая пламя свечей ладонью.

Вдруг ход кончился, и они очутились в просторной сталактитовой пещере. Во все стороны расходились сверкающие колонны, сосульки и своды, теряясь в темноте. Вдали виднелась железная башня, уходящая ввысь. Основание башни расширялось книзу, разветвляясь, как древесные корни, и вращая ими в глубь скалистого пола.

— Видимо, это основание другого утеса, — приглушенно сказал Лукас.

Они оглянулись и увидели, что вышли сюда из такой же точно башни. Один длинный причудливый железный корень протянулся до середины пещеры. От другой башни ответвлялся такой же корень навстречу этому.

Выйдя на середину, Джим и Лукас установили, что оба эти корня все же не соприкасаются друг с другом, обрываясь, как обрубленные. Между ними зияло углубление в скалистой почве размером с ванну.

— Похоже, здесь должно помещаться нечто такое, что отсюда вынули и унесли, — сказал Лукас.

Он осветил срезы корней и на обеих сторонах обнаружил надписи. Их тоже трудно было разобрать, тем более, что шрифт какой-то очень старинный — так называемые иероглифы. Лукас покачал головой, передал Джиму свечу, достал свою записную книжку

и карандаш и стал выписывать туда по одной все эти едва видимые буквы, чтобы иметь перед глазами весь текст. Джим молча и почтительно ждал.

Лукас выкурил не одну трубку, прежде чем получил в своей записной книжке следующий результат. На одной стороне:

ЭТ ТЬ ИНСТВ АЯ МУД ТЬ
ПЕР ГО МО КОГ ЦА УРУ ША
КОЕ ПОЙ ТТТ МЕН
ТО Е ПР МЕН Т ТО МОГ Ч

И на другой стороне:

ЕЛИ АЯ ИЛА НЯ И НО И
СП Т ГЛУ КО ПОГР ННАЯ ЕСЬ И АМ
ОГД ОНА АЗДЕ ЕНА ОН РОДО АЕТ СП ТЬ
С ДИНИ — ИЛА РОСН СЯ

Когда Лукас прочитал вслух эти странные слова, на лице Джима отразилось разочарование.

— Я думаю, это вообще не надпись, — сказал он, — может, просто так нацарапано.

Лукас покачал головой.

— Нет, мой мальчик. Готов поспорить, что это инструкция по применению.

— Да, но что она означает? — растерянно спросил Джим.

— Ну, вот это слово в конце первой строки может означать МУДРОСТЬ, а слово перед ним — ТАИНСТВЕННАЯ. А в конце второй строки написано нечто, похожее на окончание имени ГУРУМУШ, а буквы перед тем могли входить в состав слов МОРСКОГО ЦАРЯ. Итак, вполне возможно, ТАИНСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ ПЕРВОГО МОРСКОГО ЦАРЯ ГУРУМУША.

— О! — прошептал Джим. — Я бы никогда не додумался.

— Посмотрим дальше, — продолжил Лукас. — Третья строка может завершаться так: КТО ЕЕ

ПОЙМЕТ, ТОТ УМЕН. И четвертая строка тогда проста: КТО ЕЕ ПРИМЕНИТ, ТОТ МОГУЧ.

— Лукас! — воскликнул потрясенный Джим. — Ты действительно...

— Спокойно, спокойно! — перебил его Лукас. — Дальше дело осложняется. Понятия не имею, что могут означать буквы на другой стороне. Единственное, что мне ясно — что первая строка заканчивается словами **ДНЯ И НОЧИ.**

Лукас снова набил трубку, закурил и погрузился в размышления. Джим помогал ему, как мог, своими предположениями. Лукас пробовал, подходят ли они. Медленно и терпеливо они приближались к разгадке. Свечи уже наполовину сгорели, когда Лукас наконец довольно кивнул и сказал:

— Теперь все ясно:

Это есть таинственная мудрость
Первого морского царя Гурумуша.
Кто ее поймет, тот умен.
Кто ее применит, тот могуч.

Великая сила дня и ночи
Спит, глубоко погребенная здесь и там.
Когда она разделена, она продолжает спать.
Соедини ее — сила проснется.

**Седьмая глава,
в которой Джим натывается
на разгадку и свечи гаснут**

— Ты понимаешь, что это значит? — растерянно спросил Джим.

— Дай собраться с мыслями, — сказал Лукас. — Ты когда-нибудь видел обычные магниты?

— Да, — зачарованно ответил Джим. — Они похожи на подкову. У госпожи Каак в лавке есть.

— Правильно, — подтвердил Лукас. — У каждого магнита есть южный полюс и северный, но они неразделимы. Если такой магнит распилить, то не получится отдельно северного и отдельно южного полюса. Получится два новых магнита, и у каждого опять же будет южный и северный полюс. — Лукас задумчиво покурил, потом продолжил: — А у магнита Гурумуша полюса разъединены. Если их сомкнуть, проснется **ВЕЛИКАЯ СИЛА**. Как видишь, Джим, тут мы имеем дело с совершенно особенным магнитом.

— Ага, — сказал Джим, — и особенность его в том, что его можно включать и выключать.

— Вот именно, — кивнул Лукас. — Значит, кто-то забрал отсюда перемичку. Мы должны ее найти.

И они принялись искать. Однако в сталактитовой пещере со множеством ходов и поворотов это было занятие почти безнадежное, тем более, что оба они не знали точно, как должна выглядеть перемичка. К тому же свечи уже догорали.

— Мы не можем тут долго оставаться, — обеспокоенно сказал Лукас. — Иначе окажемся в полной темноте.

У Джима от одного представления об этом мурашки побежали по спине, хоть и было тут жарко, как в печи. Ведь они находились довольно далеко от входа в железный корень. Как два крошечных светлячка они блуждали посреди вечной ночи этого фантастического подокеанного царства. Если свечи погаснут, им никогда отсюда не выбраться.

— Давай лучше сразу вернемся, — предложил Джим, но в тот же момент споткнулся и упал. Его свеча погасла.

— Ты не ушибся? — подбежал Лукас.

— Нет, — сказал Джим и вскочил на ноги. Лукас зажег его свечку от своей, потом они осмотрели пол, чтобы увидеть, обо что споткнулся Джим. И увидели странный предмет, что-то вроде вала из прозрачного стекла. Внутри стеклянного цилиндра проходил сквозной железный стержень.

Некоторое время друзья с недоумением разглядывали эту штуковину.

— Черт возьми, старина, — наконец сказал Лукас, — если бы ты об нее не споткнулся, долго бы нам пришлось ее искать. Это же перемычка! — Он внимательно обследовал ее. — Кажется, вся в целости.

— Интересно, кто ее вынул, — сказал Джим.

Они аккуратно поставили свои свечи на выступ скалы, подняли вдвоем тяжелую перемычку и понесли ее к месту сближения двух корней. Им то и дело приходилось делать передышку и вытирать пот, который заливал им глаза. Конечно, такая транспортировка требовала много сил и времени, и друзья совсем забыли про свои свечные огарки.

Когда им оставалось всего несколько метров, они вдруг заметили, что слабый свет, доходивший теперь издали, начал дрожать.

— Они гаснут! — вскричал Джим и хотел бежать, но Лукас остановил его.

— Стой! Они догорели, с этим ничего не поделаешь. Если ты убежишь, мы еще потеряемся тут в темноте. Надо держаться вместе.

Еще одно, два мгновения пламя потанцевало в дальнем углу громадной пещеры и потом погасло. Послышалось тихое шипение, и друзья очутились в вечной темноте подокеанного грота.

— Проклятье! — процедил Лукас сквозь зубы, и его голос гулко отдался под сводами.

— Что будем делать? — спросил Джим, сердце его колотилось от страха.

— Не беспокойся, старина, — сказал Лукас. — На крайний случай у меня есть еще несколько спичек в кармане. Как-нибудь найдем дорогу к винтовой лестнице назад. Но будем экономны. Вначале надо пристроить перемышку, это можно и на ощупь.

Они подняли свою ношу и вложили ее в углубление между корнями.

— Ну вот и управились, — сказал Лукас в темноте. — Теперь пошли.

— Тс, — прошептал Джим. — Прислушайся, Лукас, что это?

Странный металлический гул, глухой, как из глубины земли, достиг их слуха, медленно нарастая. Земля задрожала, как вибрирующий колокол.

— Лукас! — крикнул Джим и вцепился в его руку.

Лукас прижал к себе своего маленького друга, защитив его рукой, и так они стояли, ожидая, что будет.

Гул разросся до нестерпимого грома и вдруг внезапно стих. Осталось только тихое пение, тонкое и звонкое, становясь все тише и тоньше. Одновременно стеклянный вал между двумя железными корнями начал светиться чудесным голубым светом, осветив все вокруг.

Друзья удивленно огляделись. Все множество колонн, сосулеч и сводов отражали голубой свет, как зеркала, так что можно было подумать, что они очутились во дворце снежной королевы.

Теперь друзья легко могли найти выход и стали пробираться по извилистому туннелю. Лукасу и здесь не понадобились спички, потому что вдоль стен волнами пробегало голубое мерцание, исчезая и пересекаясь с другими волнами.

Джим сперва испугался этих беглых текучих огней, боясь, что его ударит током. Но Лукас успокоил его:

— Это не опасно. Это вовсе не ток, а магнитный огонь. Его называют: огни святого Эльма.

Когда они добрались до шахты, здесь тоже пробежали голубые огни. Друзья начали подъем по винтовой лестнице, Лукас впереди, Джим за ним. Огни святого Эльма не убывали, а напротив, становились все ярче. Лукас сказал:

— Должно быть, этот магнит действительно очень сильный.

— Да, — ответил Джим. — Интересно, морская иллюминация уже действует?

— Надеюсь, да, — сказал Лукас.

Они продолжали подниматься вверх. Становилось прохладнее, потому что подземное тепло сюда уже не доходило.

Наконец они благополучно достигли шахтного отверстия и выбрались на простор. Картина, открывшаяся их взгляду, была так прекрасна, что они долго не могли вымолвить ни слова.

Все море, доселе неприветливое и угрюмое, теперь светилося из глубины зеленым мерцанием до самого горизонта. Над волнами светились короны легких искр.

Лукас обнял своего друга.

— Смотри-ка, Джим, — сказал он вполголоса и обвел горизонт своей трубкой. — Это морская иллюминация!

— Это морская иллюминация! — благоговейно повторил Джим.

И оба они были очень горды, что все привели в порядок.

**Восьмая глава,
в которой вещи перестают сдвигаться с места
и друзья проводят неуютную ночь**

Налюбовавшись дивной картиной, друзья решили вернуться к русалке и послушать, что она скажет насчет удачного ремонта. Лукас сунул ноги в свои башмаки и хотел отправиться, но не смог сделать ни шагу. Джим между тем попробовал поднять инструменты. Но они весили сто тысяч центнеров. Свой ремень он тоже не смог оторвать от земли, его словно пригвоздило пряжкой.

Друзья растерянно переглянулись, а потом Лукас начал смеяться.

— Черт возьми, Джим, — кричал он, — об этом мы и не подумали. Мы же починили магнит, и он теперь действует.

— Еще как! — сказал Джим, дергая свой ремень. — Что теперь делать? Не бросать же нам здесь свои вещи!

— Да, — сказал Лукас и поскреб в затылке. — Ты, конечно, прав. Не хотел бы я дальше путешествовать без башмаков.

Он испуганно смолк и хлопнул себя по лбу.

— Проклятье! Наши паровозы!

Он выскочил из неподвижных башмаков и босиком побежал вниз. Джим помчался за ним.

Эмма и Молли стояли так прочно, будто вросли в утес, и их невозможно было сдвинуть с места. Ни одно колесо больше не крутилось и ни один рычаг не двигался. Джим и Лукас размышляли, как быть, и тут из мелководья показалась русалка.

— Замечательно вы все сделали, — тотчас воскликнула она и захлопала от радости в ладоши. — Я так благодарна вам и от себя, и от всех жителей

моря. Вы уже видели иллюминацию? Правда же, вид великолепный? Я уже обплавала все Варварское море! Ах, как, должно быть, рад мой папа! Он может устраивать сегодня торжества в память первого морского царя Гурумуша. У вас есть какое-нибудь желание? Мой папа несомненно его исполнит...

— Да, — прервал Лукас эту радостную болтовню маленькой русалки, — у нас есть одно желание. Нам хотелось бы снова выбраться отсюда.

— Да, конечно же, — снова зашебетала русалка, — я сейчас же кликну моих дельфинов и отвезу вас куда хотите, пусть это будет хоть три оборота вокруг земли.

Лукас остановил ее:

— Один момент, маленькая дама. К сожалению, есть одна заминка. Наши паровозы не сдвигаются с места, громадный магнит притягивает их. А без паровозов мы не можем уехать.

— Ах ты, ясное море! — воскликнула принцесса. — Вот это сюрприз! Что же делать!

— Да, — буркнул Лукас, — мы и сами хотели бы знать. Мы можем покинуть утесы, только снова выключив магнит.

— Но тогда иллюминация погаснет! — вскричала принцесса Сурсулапичи и от ужаса стала бледно-зеленой.

— Это неотвратимо, — ответил Лукас, — если мы не хотим тут остаться.

— А мы не очень-то хотим, — добавил Джим.

— Разумеется, — сказала русалка, — это и понятно. Что же делать?

— Может быть, попробовать такой выход, — сказал Лукас, задумчиво покуривая трубку.

— Какой же? — с надеждой спросила Сурсулапичи.

— Найти кого-нибудь, кто останется здесь вместо нас и снова включит магнит, когда мы отъедем достаточно далеко.

— А я бы не могла это сделать? — предложила русалка.

Оба друга усмехнулись.

— Нет, маленькая дама, — ответил Лукас. — Там внизу, где мы были, довольно жарко. Вряд ли вы сможете перенести такую температуру.

— Мой жених Ушау-Ришуум, — страдальчески сказала принцесса, — наверное смог бы. Он не так чувствителен, потому что имеет отдаленное родство с черепахами.

— Возможно, — сказал Лукас, — но ведь он теперь бог знает где.

— Да, к сожалению, — прошептала Сурсулапичи и всхлипнула.

— Но, — быстро вставил Джим, — разве во всем океане не найдется больше никого, кто бы смог это сделать?

— Наверное, найдется, — помедлив сказала русалка, — я спрашиваю.

— Прекрасно, — сказал Лукас. — Но сколько это продлится?

— Совсем недолго, — горячо заверила Сурсулапичи, — самое большее лет так восемьдесят или сто.

— Моя милая маленькая дама, — степенно произнес Лукас, — столько времени у нас, к сожалению, нет. Но я хочу предложить вот что: мы с Джимом сейчас снова выключим магнит и поедem дальше. А вы, морские жители, тем временем подыщите кого-нибудь подходящего. Вы тогда приедете к нам — мы будем уже дома к тому времени, — и мы все ему объясним.

— Вы хотите сейчас же отключить магнит? — удрученно спросила принцесса. — Но ведь как раз в эту ночь у нас праздник. Во дворце моего отца будет грандиозный бал, как бы я хотела там потанцевать! А вы не могли бы подождать до завтра? О, прошу вас, пожалуйста!

Лукас переглянулся с Джимом, потом кивнул и сказал:

— Хорошо, маленькая дама, мы подождем до завтра. Мы устали и лучше ляжем спать. Но мы действительно можем ждать только до завтра, потом нам надо ехать. Объясните это вашему папе.

— Большое спасибо! — просияла принцесса. — До свидания!

Принцесса кликнула своих дельфинов, и они тотчас появились.

— Упряжь я оставлю здесь, ведь я скоро вернусь! — сказала Сурсулапичи, вскочила на спину одного из дельфинов, щелкнула языком и понеслась вперед, только ветер засвистел.

— Ну, — проворчал Лукас, — будем надеяться, что она так же быстро приедет назад.

— Конечно, — сказал Джим, — она ведь оставила здесь уздечку, — и он залюбовался кожаными ремнями, украшенными жемчугом и перламутром.

— Надо надеяться на лучшее, — ответил Лукас, пытаясь открыть крышку тендера, — правда, я не уверен, что морские жители с должной серьезностью обращаются со временем. Боюсь, они могут и позволить себе небрежность в этом. Проклятье, да крышка не открывается! Нам ничего не остается, как ночевать под открытым небом. Давай хоть ляжем под Эмму — по крайней мере, крыша над головой.

Они устроились поуютнее, и Джим, прильнув к Лукасу, подумал, уже засыпая: «Знала бы госпожа Каак...»

**Девятая глава,
в которой Джим ищет разницу
и вещи начинают летать**

Когда наутро, дрожа от холода, они выбрались из-под паровоза, небо было по-прежнему облачным, ветер стегал волны, и они с шумом обрушивались на скалы. Днем Варварское море казалось еще не приветливее, чем ночью.

Джим и Лукас очень проголодались, а весь провиант госпожи Каак с бутербродами, какао и вареными яйцами находился в кабине, накрепко запертой магнитом. Надо было скорее выключить его. При дневном свете морской иллюминации совсем не было видно — обычная вода.

Друзья взобрались на вершину утеса, где у входа в пятиугольное отверстие шахты лежали их несдвигаемые вещи.

К сожалению, в ящике для инструментов оставалось всего полсвечи. Но Лукас был уверен, что этого хватит, поскольку свет понадобится им лишь на обратный путь. Пока перемычка лежит на месте, им для освещения довольно будет огней святого Эльма. Так и оказалось.

— А жаль, — сказал Джим, — что приходится снова выключать магнит, когда так трудно было его включить.

— Самое главное, — ответил Лукас, — что мы поняли, как эта система действует. Неплохо бы придумать устройство, чтоб легко включать и выключать

магнит. Тогда можно было бы поставить сюда на службу смотрителя, который выключал бы магнит, если, например, поблизости окажется корабль. Тогда не будет больше кораблекрушений, а морские жители, когда захотят, смогут включать иллюминацию.

— Да, это было бы хорошо, — сказал Джим. — Но разве здесь может жить смотритель?

— А почему нет? — сказал Лукас. — Нужно только найти подходящего. Боюсь, правда, что морские жители для такой работы мало подходят.

— Я тоже так думаю, — сказал Джим. — Они слишком водяные.

И они молча спустились в недра утеса, прошли по извилистому ходу внутри большого железного корня и очутились на просторе сталактитовой пещеры. Все тут было по-прежнему.

Когда Лукас склонился над стеклянным валом, светившимся голубым светом, Джим спросил:

— А может, эта перемычка сделана из Вечного кристалла?

— Наверняка, — ответил Лукас. — Обычное стекло не выдержало бы таких нагрузок.

Он осторожно дотронулся до стекла, чтобы проверить, не раскалилось ли оно от внутреннего тока. Но оно было лишь теплое.

— Замечательный материал, — с восхищением признал Лукас. — Очень жаль, что он больше не производится.

Они зажгли огарок свечи, закрепили его на полу и подняли перемычку из ее гнезда. В то же мгновение свет погас. На сей раз это произошло в полной тишине, никакого грома не последовало. Пещера погрузилась в темноту. Только свечка излучала слабый свет.

— Так, — сказал Лукас, — идем, Джим, снова наверх.

— Сейчас, — ответил Джим, который со свечкой в руке шел вдоль корня другой железной башни. Лукас шагнул за ним:

— Ты что-то ищешь?

— Я хочу только посмотреть, — ответил Джим, — такое ли железо на этой стороне магнита, ведь все же это северный его полюс. Должно быть какое-то различие.

Но выглядело это железо точно так же. Видимо, различие можно было разглядеть только при хорошем освещении.

— Как ты думаешь, — спросил Джим, — я могу прихватить с собой кусочек? — И поднял обломок размером с собственную голову. Меньше просто не было.

— Я ничего не имею против, — с улыбкой ответил Лукас, взял свечку, и они пустились в обратный путь.

В тоннеле теперь царила темнота. Когда добрались до шахты, Джим устал от тяжести ноши, и Лукас взял обломок себе под мышку, а Джим понес свечу.

Наконец они достигли выхода и выбрались на свет божий. Тут Лукас снова передал Джиму железный кусок, чтобы обуться.

— Так, — довольно сказал он, надев башмаки и сделав несколько шагов. — Наконец-то мои башмаки снова двигаются.

Джим сел в сторонке и осмотрел принесенный кусок железа. Постучал по нему молотком, но ничего особенного не обнаружил. Взял валявшийся неподалеку обломок примерно такой же величины, чтобы сравнить два разных образца, и получилось так, что

железный молоток перемкнул обломки. В то же мгновение Лукас, который как раз укладывал инструменты и лампу в ящик, почувствовал, как его ноги сами по себе оторвались от земли. И ящик с инструментами, который он держал в руках, рванулся к Джиму, и ремень, который валялся на земле, тоже — как змея, вперед пряжкой. Вслед за ремнем тащило Лукаса, а он беспомощно сидел на земле, влекомый своими подкованными ботинками и ящиком в руках. Однако между друзьями находилась пятиугольная дыра шахты! Лукас неудержимо скользил к этой дыре, но не успел даже ахнуть, как перелетел через нее и ударился о Джима.

— Ой! — испуганно вскрикнул юный исследователь. — Ты на меня наступил!

К счастью, благодаря этому столкновению молоток выбило из железных обломков, и они оказались разомкнутыми. Магнитная сила тотчас прекратила действие.

— Извини, старина, — сказал Лукас в полном недоумении, — я не хотел, меня сорвало с места. — Он встал и потер ушибы. — Ну, и что ты здесь обнаружил?

— Я только держал молоток между двумя обломками, — объяснил Джим. — Смотри как!

И он снова соединил молотком два обломка. И снова ноги Лукаса вырвало из-под него, так что подошвы башмаков приклеились к железным обломкам на коленях Джима. То же произошло с инструментальным ящиком и ремнем. Лукас только охал, сидя на земле.

Джим уже понял, как действует это устройство, и тотчас убрал молоток и запинаясь произнес:

— О, извини, пожалуйста, Лукас, я... я не хотел...

— Ничего, ничего, — Лукас снова поднялся на ноги, — я не ушибся. Однако в этих обломках заключена могучая сила! — И вдруг он прищелкнул пальцами и воскликнул: — Черт возьми, старина, да ты вообще понимаешь, что ты открыл? Срабатывает не только большой магнит, но и обломки от него.

— Ах, — обрадовался Джим. — И это открыл я?

— А то кто же! — ответил Лукас. — Надо изучить это как следует.

Десятая глава, в которой Джим и Лукас изобретают перпетомобиль

Но прежде чем провести новое испытание, Лукас осторожно снял свои башмаки и отнес их вместе с инструментальным ящиком и другими вещами вниз к Эмме и разместил их внутри кабины. Крышка тендера теперь легко открывалась.

Эмма и Молли чувствовали заметное облегчение оттого, что перестала действовать эта ужасная гнетущая сила. Лукас быстренько осмотрел обеих и убедился, что они не получили никаких повреждений.

Потом он взял вместо молотка кочергу и вернулся к Джиму наверх.

— Ну вот, — сказал он, — а теперь исследуем, насколько силен наш магнит.

Джим взял один обломок, Лукас другой, и они приложили эти обломки к двум концам кочерги. Тотчас возникла магнитная сила, и мелкие обломки железа, что валялись кругом, взлетели с земли и повисли на этом магните.

— Надо взять куски железа покрупнее, — сказал Лукас, — чтобы проверить их силу.

В это мгновение снизу послышалось гроыханье и стук. Оба друга ошеломленно переглянулись и подбежали к краю утеса. И вот что они увидели: старая толстая Эмма стояла у подножия утеса на задних колесах носом вверх. Маленькая же Молли, которая была намного легче, под воздействием неодолимой силы ползла вверх по отвесной стене — где на колесах, где носом по земле, а то и вовсе кувыркаясь. Ее подневольное движение все убыстрялось.

— Лукас! — в ужасе вскричал Джим. — Отключи магнит!

Но Лукас мгновенно сообразил:

— Ни в коем случае, а то она оборвется вниз. Надо поднять ее сюда.

С волнением друзья следили, как маленький паровоз карабкается по отвесной скале. Джим закрыл глаза, не в силах вынести этого зрелища.

— Все, она приехала, — крикнул Лукас.

Джим открыл глаза и увидел, как Молли перекувырнулась через край выступа и вверх колесами, на крыше поползла ближе. Тут же Лукас убрал кочергу, и сила притяжения исчезла.

Джим бросился к своему паровозу, который лежал навзничь, как опрокинутый жук, и поглядел, нет ли повреждения. Но, за исключением нескольких царапин, с Молли ничего не случилось. Кажется, она отделалась легким испугом.

Вдвоем они поставили Молли на колеса, и Лукас вытер пот со лба.

— Это еще хорошо обошлось, — пробормотал он. — Кто же мог знать, что в этих обломках таится такая сила! Я в жизни не видел таких сильных магнитов. Подумать только, даже Эмму потянуло

вверх. Теперь я примерно могу оценить мощность этих двух обломков.

Он поскреб в затылке и еще несколько раз пробормотал свое «черт побери».

Джим все еще озабоченно осматривал Молли и не заметил, как Лукас снова прищелкнул пальцами и прошептал:

— Да ведь это можно... Эмму приподняло вверх... если просто... конечно, вполне, никаких сомнений!..

И он принялся ходить взад-вперед, напряженно наморщив лоб. Потом вдруг остановился и воскликнул:

— Есть!

— Что? — спросил Джим.

Лукас таинственно улыбнулся.

— Сейчас увидишь, старина. Если мой план срабатывает, то, считай, мы сделали великое открытие. Идем к Эмме вниз. Я должен кое-что проверить.

Вдвоем они осторожно спустили Молли вниз, к Эмме, которая теперь, конечно, приняла нормальное горизонтальное положение, стоя на всех колесах, но все же имея обиженный вид. Она не могла выразить свое возмущение свистом, потому что была не под парами.

— Не сердись, старушка, — сказал Лукас и примирительно похлопал ее по котлу. — Сейчас посмотрим, как этот магнит будет тебя притягивать.

— Вряд ли будет, — сказал Джим. — Иначе она бы тоже въехала наверх, как Молли.

— Для ее веса, — объяснил Лукас, — это было слишком большое расстояние. Посмотрим вблизи. По моим расчетам, на расстоянии двух метров притяжение будет колоссальное.

Лукас снова соединил обломки кочергой, и магнитная сила заработала. Большая толстая Эмма рыв-

ком наехала на Лукаса и ушибла ему буфером ногу. Молли, стоявшую позади Эммы, тоже притянуло, и она стукнулась об Эмму.

— Великолепно! — вскричал Лукас и потер себе ушибленную ногу. — Система действует даже лучше, чем я предполагал.

— Это и есть то великое изобретение, которое мы сделали? — спросил Джим.

— Еще пока нет, — с ухмылкой ответил Лукас, — но близко к тому.

Прежде всего они достали ящик с инструментами. Потом сняли мачту, и Лукас принялся переделывать ее держатель. Он стучал молотком, крутил отверткой и установил что-то вроде шарового шарнира. Когда мачту снова укрепили на место, она могла поворачиваться в своем гнезде в любую сторону.

— Чудесно, — бормотал Лукас, потирая руки. — Теперь установим поперечную балку. На парусе есть одна деревяшка, она прикреплена к полотну для жесткости. Быстренько принеси ее сюда.

Джим изнемогал от любопытства, но Лукас не хотел ничего объяснять раньше времени.

В верхнем конце мачты было отверстие, сквозь которое продевали веревку для натяжения паруса. В это отверстие Лукас просунул теперь деревянную штангу. Мачта получилась в виде буквы Т.

— Ну вот, — довольно сказал Лукас, — а теперь самое главное.

Он взял один магнитный обломок и примотал его шнуром к одному концу поперечной балки. Потом второй обломок закрепил на втором конце. Так сказать, у буквы Т появились теперь карнизы по бокам.

И вдруг Джим начал догадываться, в чем состоит замысел Лукаса.

— Магнит потянет Эмму вперед! — воодушевленно воскликнул он.

— Точно! — ответил Лукас. — А мы с крыши сможем править, понимаешь? Если мы повесим магнит впереди, он потянет Эмму вперед, а на поворотах будем поворачивать мачту набок.

— О! — сказал Джим, от удивления округлив глаза. — Черт побери! — И через некоторое время еще: — Да, действительно! — Потом он окончательно все понял и даже высказал опасение: — Да, но деревянная штанга не может быть перемычкой.

— Верно, — ответил Лукас, — для этого мы будем использовать кочергу. Но перемычка должна быть подвижной, чтобы магнит в любой момент можно было выключить. Иначе мы никогда не сможем остановиться.

Может быть, некоторые из моих дорогих читателей припомнят, что Лукас, наряду с остальными своими способностями, умел завязывать бантиком железные штанги. В свое время, выступая с этим номером в цирковом представлении в Ландае, он снискал большой успех. На сей раз он мог применить силу для пользы дела. Он согнул кочергу пополам, а потом еще раз в стороны, так что в ней образовалось что-то вроде осевого отверстия, в которое он вставил большой гвоздь и прибил его к мачте, внимательно следя, чтобы кочерга не перемкнула пока два магнитных обломка, иначе паровоз ринулся бы с места вперед. Потом он привязал к каждому концу кочерги по шнуру, чтобы можно было тянуть за них, как за вожжи, сидя на крыше кабины. Потянешь за правый шнур — кочерга поворачивается вертикально, и магнит размыкается.

**Одиннадцатая глава,
в которой старая толстая Эмма
взлетает в воздух
и изобретатели наконец-то идут завтракать**

После того, как все подготовительные работы были закончены, изобретатели осторожно спустили паровоз на воду и вспрыгнули на крышу кабины.

Эмма покачивалась на волнах, медленно поворачиваясь, и вот ее нос развернулся к открытому морю. Мачта лежала вершиной вперед, и магнит выдавался метра на два.

— Надо отгрести подальше, — объяснил Лукас, — иначе Молли тоже притянет, и она перелетит сюда к нам. Хорошо, что я прихватил весло.

Когда они очутились на достаточном отдалении, Лукас взялся за вожжи.

— Ну, Джим, наступил решающий момент!

Он потянул за правый шнур, кочерга перемкнула обломки, и в тот же миг могучая сила повлекла Эмму вперед. Паровоз мчался вслед за магнитом, но, разумеется, не мог его догнать, потому что тот был укреплен на его собственной крыше, оставаясь все время впереди.

— Хо! — воодушевленно вскричал Лукас. — Действует! Да еще как! Ура!

Вода от носа Эммы уже разлеталась крыльями, как при плавании в упряжке дельфинов. Но скорость продолжала нарастать.

— Держись крепче! — крикнул Лукас сквозь свист ветра и шум воды. — Теперь я попробую править!

Он взялся за мачту и слегка повернул ее направо. Тотчас паровоз описал великолепную петлю.

— Замечательно! — ликовав Джим. — А теперь попробуй остановить.

Лукас потянул за левый шнур, и магнитные обломки лишились перемычки. Темп сразу замедлился, но скорость была набрана такая, что паровоз еще долго двигался сам по себе. Лукас перевернул мачту назад и включил магнит. Тотчас заработала тормозная сила заднего хода, и паровоз резко остановился, так что Джим свалился в воду.

Лукас разъединил магнит и втащил друга наверх.

— Здорово, — сказал Джим, выплевывая воду, — особенно тормоз!

— Лучшего и желать нельзя, — ответил Лукас.

— А как мы назовем наше изобретение? — спросил Джим. — Я думаю, его надо как-нибудь назвать.

Лукас закурил трубку и немного помолчал.

— Как тебе нравится, например, Джиморовоз или, скажем, Джимобиль?

— Нет, — скромно отклонил Джим, — ведь это не мое изобретение.

— Но ты тоже в нем участвовал, — сказал Лукас. — По крайней мере вначале.

— Но главное придумал ты, — настаивал Джим, — поэтому лучше было бы назвать Лукомотив.

— Нет, — сказал Лукас, — это звучит как исковерканное слово локомотив. Надо придумать более разумное название. Вообще-то изобретатели стараются ввести в название не собственное имя, а главную идею изобретения. Не назвать ли нам его перпетомобиль?

— А что это значит? — разволновался Джим.

— Это значит, — объяснил Лукас, — что он действует сам по себе и не требует никакого топлива. Многие изобретатели сломали головы, изобретая перпетомобиль. И ни у кого он до сих пор не

получился. И только нам удалось наконец решить эту проблему.

— Если это так, — серьезно сказал Джим, — я согласен.

— Хорошо, — кивнул Лукас улыбаясь. — А теперь я проведу еще одно испытание с нашим перпетомобилем. Только держись крепче, Джим!

С этими словами Лукас поставил мачту вертикально вверх. Магнитные обломки теперь помещались прямо над паровозом. Лукас потянул за правый шнур.

И произошло невероятное!

Сначала медленно, потом все быстрее тяжелая Эмма поднялась из воды и воспарила над волнами — на метр, на два, на три... Они поднимались вверх будто в лифте. От страха Джим вцепился в своего друга и заглядывал вниз на волны моря.

Лукас и сам не ожидал, что это удастся. Но успех был бесспорный: перпетомобиль мог не только ехать сам по себе, но и летать.

— Это великое мгновение, Джим, — торжественно произнес Лукас.

— Да, — ответил Джим, — я понимаю.

Когда они поднялись ввысь метров на двадцать, порыв ветра подхватил перпетомобиль и понес его вперед, и в воздухе паровоз оказался беспомощен, потому что у него под колесами не было опоры. Так лодку в шторм швыряет волнами.

Лукас попытался управлять полетом. Он нагнул мачту немного вправо, и паровоз смог противостоять порыву ветра. Эмма продолжала подниматься вверх. Они были теперь метрах в пятнадцати от воды. Джим больше не отваживался глянуть вниз, у него кружилась голова.

Лукас же, напротив, обвыкся и совсем осмелел. Теперь он испытывал паровоз на поворотах, наклоняя мачту то туда, то сюда. Если он наклонял мачту сильно, движение вверх ослабевало, а в сторону ускорялось. Лукас уже приспособился планировать, плавно понижаясь. Джима от этих воздушных упражнений поташнивало, а у Эммы перекрыло зрение и слух. К плаванию она худо-бедно уже привыкла, но летать по воздуху, ей казалось, недостойно приличного паровоза.

Наконец Лукас снова опустил перпетомобиль на поверхность воды. Они отключили магнит и потихоньку погребли к утесам, от которых они порядочно отделились.

— Маленькая русалка все еще не вернулась, — заметил Джим, когда они причалили к прежнему месту. — Упряжь все еще лежит на месте.

— Так я и знал, — проворчал Лукас. — Водяные люди очень легкомысленно обращаются со временем.

— Но мы не можем ждать сто лет, — озабоченно сказал Джим. — Ведь нам надо забрать господина Тур Тура.

— Разумеется! — подтвердил Лукас. — И мы отправляемся прямо сейчас. Полетим по воздуху!

— Теперь мы запросто перелетим через Корону Мира! — воодушевился Джим. — Значит, мы совсем не потеряли время из-за объезда и ремонта.

— Даже наоборот, — ответил Лукас. — Но что скажет морская принцесса? Вдруг она нашла смотрителя для магнита и приедет вместе с ним, а нас уже нет? Надо оставить ей знак.

— А как быть с Молли? — добавил Джим. — Из нее тоже сделать перпетомобиль?

— Нет, это нельзя, — сказал Лукас. — Они будут наткаться друг на друга в воздухе. Это опасно.

— Может, мы оставим Молли здесь, — сказал Джим после раздумья, — а на обратном пути заберем?

Лукас кивнул.

— Я думаю, это лучше всего. Найдем для нее местечко, защищенное от ветра, и привяжем ее дельфиньей упряжью. Принцесса вернется, будет искать упряжь, найдет Молли и догадается, что мы непременно вернемся за нею назад.

Им удалось разыскать небольшую пещерку, и они привязали там Молли к выступу скалы дельфиньей упряжью на семь морских узлов.

— Теперь даже землетрясение не сдвинет Молли с места, — сказал Лукас. — Однако я проголодался. Может, перед тем, как отправиться, подкрепимся? Я заранее предвкушаю, как мы сегодня поужинаем вкусными овощами у господина Тур Тура.

— Ты думаешь, к вечеру мы уже будем у него? — спросил Джим.

— Вполне возможно, — ответил Лукас. — С нашим перпетомобилем у нас не будет трудностей.

Потом они достали пакет с провиантом госпожи Каак и съели все до крошки. Это общеизвестный факт: когда изобретаешь что-нибудь великое, аппетит разыгрывается не на шутку. Кто не верит, пусть проверит на себе.

Двенадцатая глава, в которой перпетомобиль чуть не разбивается о Корону Мира

Джим простился с Молли, потом оба друга влезли на крышу Эммы и снова отгребли подальше от берега, прежде чем Лукас включил магнит. И вот перпетомобиль легко поднялся из волн и бесшумно

взлетел вверх. Когда набрали высоту метров в сто, Лукас наклонил мачту вперед, паровоз перестал подниматься и полетел горизонтально. Скоро магнитные утесы остались вдали крохотными точками на горизонте, а потом исчезли совсем.

Небо все еще было затянуто тучами.

— Самое важное теперь — определить направление, — сказал Лукас.

— А как это сделать? — спросил Джим. — Море ведь во все стороны одинаковое.

— Мы можем сделать это только по положению солнца, — сказал Лукас.

Джим взглянул вверх, но плотные облака, через которые едва пробивался дневной свет, не позволяли установить, где находится солнце.

— Надо взлететь над облаками, — сказал Лукас, — но мы можем там находиться совсем недолго, потому что на большой высоте воздух разрежен и трудно дышать. Держись крепче, Джим!

С этими словами Лукас снова поднял мачту вертикально вверх. Мощные слои туч надвигались все ближе. Джим глядел на них с неприятным чувством, потому что они походили на опрокинутые горы со снежными вершинами.

— Как ты думаешь, — озабоченно спросил он, — с нами ничего не случится, когда мы о них ударимся?

— Конечно, нет, — успокоил его Лукас. — Самое большее — вымокнем, потому что это дождевые облака. Осторожнее, входим!

Они достигли нижнего слоя, а потом очутились в плотном непроглядном тумане. Это было примерно как в прачечной, только не так жарко, а даже, наоборот, холодно.

Они летели так некоторое время, не зная точно, двигаются ли они с места. Потом туман вдруг раз-

редился, и перпетомобиль взмыл над слепяще-белым ландшафтом облаков в чистое небо. Ослепительно сияло солнце.

Джим безмолвно любовался великолепием облачных гор, холмов и вершин, башен и замков, окруженных садами и лесами — причем все деревья и кусты были из белоснежных перьев и пуха. И все это пребывало в медленном движении, постоянно преобразаясь. То, что было алебастровым мостом между двумя снежными вершинами, превращалось в челн, скользящий над пенистыми волнами. Где была таинственная пещера, в следующее мгновение возникал мощный фонтан, в котором вода застыла в снег и льдинки.

Лукас по положению солнца определил направление полета и снова опустился под облака, потому что дышать в разреженном воздухе было трудно.

Через некоторое время они увидели вдаль светлую полоску. Там заканчивался облачный слой и светило солнце. На границе между плохой и хорошей погодой — там, где были последние облака, — над волнами сверкала радуга.

Перпетомобиль с пассажирами бесшумно скользнул в эти красочные ворота, пролетев под их сводом так близко, что Джим коснулся рукой нежных цветных полос. Но ничего не почувствовал, потому что воздух и свет неосязаемы на ощупь.

Когда солнце склонилось к закату, Джим различил вдаль берег. Вскоре они уже летели над землей, и Лукас опустил Эмму ниже, чтобы определить, что это за страна.

Джим улегся животом на крышу кабины, чтобы лучше все разглядеть. То, что он увидел, очень ему понравилось: по местности вились ручейки, через них были перекинuty изящные мостики с островер-

хими крышами, повсюду стояли прозрачные деревья, а на горизонте высились могучие горы в красно-белых узорах. Не оставалось сомнений, что это за страна.

— Да это же Ландай! — выпрямился Джим.

— Значит, мы на верном пути, — довольно кивнул Лукас.

— Посмотри, — Джим показал вниз, — да это же золотые крыши Пинга! О Лукас, а не могли бы мы заглянуть к императору Пунг Гингу, чтобы поприветствовать его?

Но Лукас отрицательно покачал головой.

— К сожалению, нет, Джим. Представь себе только, если мы с нашим магнитом приблизимся к городу, все железное ринется нам навстречу. Я даже думаю, из осторожности надо взлететь немного выше, чтобы ничего не произошло.

Лукас выпрямил мачту с магнитом, паровоз начал подниматься все выше, столица Ландай Пинг скользнул вниз как маленькая деревня.

Солнце между тем зашло, и над землей опустились сумерки, когда путешественники достигли гор Корона Мира.

Когда они подлетали к этим горам, как мошка к городской стене, Лукас сказал:

— Надо ли рисковать сегодня? Не лучше ли будет совершить этот перелет завтра при свете дня?

— Пожалуй, — сказал Джим, — но ведь еще чуть-чуть и мы окажемся по ту сторону гор.

— Ну хорошо, — сказал Лукас и выпрямил мачту вверх. Тотчас паровоз начал подниматься. Стена гор проносилась перед ними в темноте, и не было ей конца. Луна еще не взошла.

Лукас глянул вверх. Над вершинами темнело небо, на нем сверкали звезды.

— Проклятье! — тихо проворчал он. — Только бы обошлось! По моим прикидкам, мы уже на уровне высоты облаков.

Паровоз все поднимался и поднимался. И с каждым мгновением ощутимее становилась разреженность воздуха. Джиму приходилось то и дело сглатывать, чтобы не закладывало уши. Как далеко от них земля, друзья не могли судить.

Наконец они достигли уровня первых вершин. Лукас наклонил мачту вперед. В полной тишине они парили над величественными вершинами.

— Осторожно! — вдруг крикнул Джим, потому что перед ними вдруг возникла следующая гряда, вершины которой поднимались выше предыдущей. Но Лукас уже и сам заметил опасность и рванул мачту отвесно вверх. Эмма взмыла стрелой, лишь чудом избежав столкновения со стеной гор.

Джим почувствовал, как им овладевает странная слабость. Его руки и ноги стали дрожать, одновременно он начал задыхаться, как будто пробежал перед этим несколько километров.

Между тем перелетели через вторую гряду, и в ясном свете звезд возникла третья, еще более высокая. Воздух на этой высоте был так разрежен, что можно было уже и задохнуться.

— Не могли бы мы... — задыхался Джим, — обратиться в кабину и... герметично закрыться?..

— Но ведь я должен править, — ответил Лукас, — иначе мы воткнемся в горы. Полежай один, если хочешь.

— Нет, — сказал Джим, — я с тобой...

И они перелетели через третью гряду и приблизились к четвертой, высота ее была вдвое больше самой первой. К счастью, свет звезд становился ярче, и вершины были хорошо видны.

— Лукас, — простонал Джим, — давай вернемся. Нам не перелететь!

— Назад так же далеко, как и вперед, — с трудом произнес Лукас.

У Джима перед глазами пошли красные круги. В ушах шумело, кровь стучала в висках. Лукаса тоже покидали силы. Рука стала слабой, как у ребенка. Мачта выскользнула и упала вперед...

Это великая удача, что перпетомобиль в этот миг как раз достиг высоты вершин и пролетел над пиком на волосок от столкновения.

Всего оказалось семь горных гряд, четвертая была самой высокой, а следующие уже снижались. Седьмая соответствовала по высоте первой. Это спасло друзей, теперь они смогли снижаться в более плотные слои воздуха. Постепенно дыхание восстановилось.

За последней грядой лежала пустыня Край Света, плоская, как сковорода. Приземлиться в ней не составляло никакого труда. Лукас уже так ловко приспособился маневрировать, что Эмма села на песок без единого толчка.

Лукас потянулся, так, что хрустнули суставы, и сказал:

— Я думаю, достаточно на сегодня.

— Я тоже так считаю, — сказал Джим.

И они влезли в кабину, завернулись в свои одеяла, от души зевнули, но закончить зевок как следует не успели — заснули на середине. Да это и понятно.

Тринадцатая глава, в которой друзей приняли за Фата-Моргану

На следующее утро Джим и Лукас встали рано. Они хотели еще до восхода солнца попасть в оазис господина Тур Тура. Они опасались, что с восходом

солнца опять разыграется Фата-Моргана со своими волшебными зеркалами. Джим с содроганием вспомнил, как в первое странствие по пустыне они часами блуждали, натываясь на собственный след. Так что лучше было выехать до начала жары, чтобы уж наверняка отыскать маленький домик мнимого великана.

Кроме того, друзей торопили их пустые желудки. Ведь вчера вечером они легли спать, не поужинав.

— Давно пора, — сказал Лукас, взбираясь на крышу кабины и беря вожжи в руки, — давно пора чего-нибудь перекусить. Я уже так голоден, что готов съесть козырек собственной кепки.

— А я бы лучше бутерброд, — сонно пробормотал Джим.

— Готов держать пари, через полчаса у нас будет целая гора бутербродов на столе у господина Тур Тура.

С этими словами Лукас потянул за правую вожжу, перпетомобиль взмыл в воздух и быстро помчался вдаль.

Земля простиралась перед глазами голая и однообразная, и только утренняя заря, расцветившая небо, радовала глаз.

На сей раз друзья не особенно интересовались красотами неба, а старались получше высмотреть оазис и домик господина Тур Тура.

Лукас не знал, где в пустыне искать этот оазис, ведь в предыдущий раз дорогу им показывал сам мнимый великан. Поэтому Эмма прочесывала местность зигзагообразно. Дело оказалось сложнее, чем они предполагали.

— Если господин Тур Тур где-нибудь ходит, — сказал Лукас, чтобы успокоить Джима, — мы его обязательно увидим. Ведь он же мнимый великан.

В этот миг поднялось солнце, залив пустыню лучами. Друзья защитили глаза ладонями, такой слепящий был этот свет.

— Теперь у нас мало времени, — сказал Лукас, — скоро начнется Фата-Моргана, и тогда бессмысленно искать. Нужно взлететь повыше, чтобы видеть дальше.

Он выпрямил мачту, паровоз взлетел, друзья пристально вглядывались в горизонт.

— Вон он! — вдруг вскричал Джим. — Я его нашел! Это господин Тур Тур!

На горизонте расплывчато и нечетко маячил силуэт человека. Он сидел на земле спиной к друзьям. Лукас тотчас опустил мачту вперед, и они помчались к цели с нарастающей скоростью. С приближением гигантская фигура теряла свои размеры, становилась меньше и отчетливее. Теперь было видно, что господин Тур Тур обнял свои колени и уронил голову, как это делают скорбящие люди.

— Уж не плачет ли он? — испуганно спросил Джим.

— Хм, — пробормотал Лукас, — не знаю.

Вот мнимый великан уже размером с башню, вот с дом, с дерево, и вот он уже не больше обыкновенного человека.

Лукас осторожно посадил Эмму на песок позади мнимого великана. Немного скрипнуло, когда колеса коснулись песка.

Господин Тур Тур резко вскочил, как ужаленный. Его лицо было бледно, перекошено, и, еще не разобравшись, кто перед ним, он упал на колени и дрожащим тонким голосом взмолился:

— О, зачем ты преследуешь меня? Что я сделал тебе, что ты отнял у меня не только мой дом и колодец, чудище ты этакое, но еще и гонишься за мной?

При этом он закрыл ладонями лицо и дрожал от горя и страха.

Лукас и Джим переглянулись.

— Эй, — сказал Лукас и спустился с крыши паровоза, — что это с вами, господин Тур Тур? Мы никакое не чудовище, и мы не хотим вас сожрать. — И с улыбкой добавил: — Предполагая, конечно, что мы получим у вас завтрак!

— Господин Тур Тур! — подал голос и Джим. — Вы нас не узнаете? Это же мы, Лукас и Джим Пуговица!

Мнимый великан медленно отнял от лица руки и безрадостно глядел на друзей. Потом он потряс головой и пробормотал:

— Нет, нет, это невозможно. Вы оба лишь мираж! Я не верю!

Лукас протянул ему свою черную ручищу и сказал:

— Дайте мне руку, господин Тур Тур, и вы убедитесь, что мы правдашние. Фата-Моргана еще никто не мог пожать руку.

— Этого не может быть, — тряс головой мнимый великан. — Мои единственные друзья в целом свете Джим Пуговица и Лукас-машинист далеко, далеко отсюда. И они никогда не вернутся, потому что Долина Сумерек завалена, а другого пути в пустыню нет.

— Нет, есть, — вскричал Джим. — По воздуху.

— Разумеется, — печально кивнул мнимый великан, — только по воздуху, так и путешествует Фата-Моргана.

— Черт побери, — стал весело ругаться Лукас, — если вы не хотите пожать мне руку, чтобы убедиться, что это я, придется доказать вам это другим способом. Извините, господин Тур Тур!

При этом он схватил мнимого великана, поднял его и осторожно поставил на его тонкие ноги.

— Так, — сказал он, — теперь верите?

Какое-то время мнимый великан не находил слов, потом его печальное лицо стало медленно светлеть.

— Действительно, — прошептал он, — это вы! — И бросился обнимать их. — Теперь я спасен, теперь я спасен, — повторял он.

— Знаете что, — предложил наконец Лукас, — а теперь поедemте к вашему дому, господин Тур Тур, и позавтракаем. Потому что у нас обоих настоящий машинистский аппетит, если только вы понимаете, что это значит.

Лицо мнимого великана снова опечалилось. Он глубоко вздохнул.

— С какой радостью я повел бы вас в оазис, друзья мои. С каким удовольствием я приготовил бы вам вкусный завтрак. Но это невозможно.

— Что, дома больше нет? — с испугом спросил Джим.

— Дом-то есть, — ответил господин Тур Тур, — насколько можно судить издали. А подойти ближе я не отваживаюсь уже давно. Лишь однажды ночью я подкрался, чтобы набрать фляжку воды. Но он тогда спал.

— Кто? — удивленно спросил Джим.

— Злодей, который захватил мой дом и прогнал меня в пустыню.

— Что за злодей? — воскликнул Лукас.

— Жуткое чудовище с громадной пастью, на него страшно смотреть, у него длинный хвост, а из пасти идет дым и огонь, и он ужасно шумит, такой у него голос.

Джим и Лукас удивленно переглянулись.

— Нет сомнений, — сказал Лукас, — что это дракон.

— Я тоже так думаю, — кивнул Джим.

— Вполне возможно, — продолжал мнимый великан, — что таких чудовищ называют драконами. Вам лучше знать, ведь вы имели дело с такими тварями, не так ли?

— Еще бы! — сказал Лукас. — У нас уже опыт. Идемте, господин Тур Тур, поедem к вашему дому и посмотрим на вашего посетителя.

— Ни за что на свете! — испуганно вскричал мнимый великан.

Долго друзья уговаривали его, убеждая, что без его помощи сами не отыщут оазис, тем более, что Фата-Моргана уже понемногу начала разыгрываться. Уже катался по пустыне на коньках верблюд, и на горизонте нерешительно разгуливали две заводские трубы, пока еще не зная, что предпринять.

Наконец господин Тур Тур уступил после того, как друзья твердо пообещали ему защиту. Они втроем взобрались на крышу паровоза и поехали — на колесах. Лукас не стал поднимать паровоз в воздух, чтобы не напугать мнимого великана. Господин Тур Тур в волнении и не заметил, что на сей раз они двигаются при помощи совсем другой силы — без огня и пара.

**Четырнадцатая глава,
в которой Джим и Лукас
спасают двух своих друзей
от двух чудовищ**

Когда наконец вдали показался оазис с пальмовой рощицей и белым домиком, Лукас остановил перпетомобиль и спросил:

— Есть в вашем домике предметы, сделанные из железа, господин Тур Тур?

— Да, — ответил мнимый великан, подумав. — Например, котелок или кухонный нож...

— Хорошо, — перебил Лукас, — тогда мы из предосторожности не будем подъезжать ближе.

— Почему? — спросил мнимый великан.

— Я вам потом объясню, — сказал Лукас. — А пока что оставайтесь лучше всего подле Эммы. Мы с Джимом пешком отправимся к дому и разведаем обстановку.

— О, — испуганно вскричал мнимый великан, — я должен остаться здесь один? Но вы же обещали меня защитить!

— Вы можете спрятаться в угольном тендере, — посоветовал Лукас.

Мнимый великан заполз в тендер, а оба друга отправились к домику с зелеными наличниками, который мирно стоял в тени фруктовых деревьев и пальм.

Вначале они подошли к окну и заглянули внутрь. Ничего не было видно, что хотя бы отдаленно напоминало дракона. На цыпочках они обошли домик кругом и заглянули в кухонное окно. И здесь тоже на первый взгляд не было ничего подозрительного. Но когда Джим посмотрел как следует...

— Лукас, — прошептал он, — что это?

— Где?

— Посмотри, выглядывает из-под дивана! Похоже на хвостик.

— И правда, — прошептал Лукас.

— Что будем делать? — тихо спросил Джим.

— Видимо, чудовище спит, — размышлял Лукас. — Мы должны захватить его врасплох, пока оно не опомнилось.

— Правильно, — прошептал Джим, желая, чтобы чудовище не просыпалось как можно дольше.

Друзья прокрались к двери, она была приоткрыта. Бесшумно проскользнули через комнату и очутились в кухне.

— Внимание, — прошептал Лукас. — Раз-два-три! — и они разом прыгнули на хвост, что виднелся из-под дивана, схватили его и изо всех сил потянули. — Сдавайся! — грозно крикнул Лукас. — Или ты погиб!

— На помощь! — пискнул из-под дивана поросенок. — Смилуйтесь! О, бедный я червяк, бедный червяк, за что меня все преследуют? Прошу тебя, не трогай меня, ужасный великан!

Друзья недоуменно переглянулись. Уж очень знакомый был голос! Тот самый, жалобу которого они когда-то слышали из потухшего вулкана — голос полудракона Непомука!

— Эй! — крикнул Джим и нагнулся, чтобы заглянуть под диван. — Кто там? Кто сказал «бедный червяк»?

— Черт побери! — с улыбкой добавил Лукас. — Этот бедный червяк уж не наш ли приятель Непомук?

— Ах, — послышался пугливый голосок из-под дивана, — откуда ты знаешь, как меня зовут, ужасный великан? И почему ты говоришь со мной двумя разными голосами?

— Потому что мы никакой не великан, — ответил Лукас, — а твои друзья Джим Пуговица и Лукас-машинист.

— Это правда? — с сомнением спросил поросенок. — Или это только твоя великанья хитрость, чтобы выманить меня из укрытия? Если это только хитрость, я на нее не поддамся, так и знай! Итак, скажите мне правду, это действительно вы или только притворяетесь?

— Да мы это, мы! — крикнул Джим. — Вылезай, Непомук!

И тут из-за дивана сперва показалась голова, похожая на бегемотью, с глазами навывкате. Когда Непомук убедился, что это действительно два машиниста, его рот растянулся в радостную улыбку. Он окончательно выбрался из-под дивана, расставил ноги, упер руки в бока и пискнул:

— Урра! Я спасен! А где этот оборванный великан? Мы его сейчас же сотрем в порошок!

— Полегче, полегче! — сказал Лукас. — Этот великан совсем рядом.

— На помощь! — закричал Непомук и снова юркнул под диван. Но Лукас удержал его и спросил:

— Что ты там потерял под диваном, Непомук?

— Спрятаться хочу. Великан такой громадный, что он тут и не поместится, он не войдет в дверь и тем более не пролезет под диван.

— Да, но это его дом! — не выдержал Джим.

— Чей его? — испуганно спросил Непомук.

— Господина Тур Тура, мнимого великана, — объяснил Джим.

Непомук побледнел, насколько это было возможно.

— Ах ты боже мой! — вскричал он. — Но тогда почему... но как же так... но почему же он тогда меня не поймал?

— Потому что он тебя боится, — ответил Лукас.

Глаза Непомука округлились.

— Боится меня? — спросил он недоверчиво. — Это правда? Громадный ужасный великан меня боится? Может, он думает, что я опасный злой дракон?

— Да, — ответил Джим, — он так считает.

— Мне кажется, — сказал Непомук, — этот великан очень милый человек. Не могли бы вы передать ему от меня сердечный привет и сказать, что я бы с удо-

вольствием разок взглянул на его испуг. Потому что до сих пор меня еще никто не боялся по-настоящему, а для маленького дракона это просто несчастье.

— Для полудракона, — поправил Джим.

— Да, да, — нетерпеливо ответил Непомук, — но об этом вы лучше не говорите великану.

— Хорошо, — сказал Лукас, — но если господину Тур Туру не сказать, что на самом деле ты вовсе не злобный дракон, а милый дружелюбный полудракон, то он убежит, и ты с ним никогда не познакомишься.

Непомук озадаченно поскреб голову.

— Жаль, — пробормотал он огорченно, — я бы с удовольствием познакомился и подружился с кем-нибудь, кто бы все время дрожал от страха передо мной. Вот это была бы настоящая дружба! Но раз вы считаете, что из этого ничего не выйдет... Ну уж скажите ему. Может, он и тогда мне ничего не сделает.

— Наоборот, — заверил Лукас, — это будет ему гораздо приятнее. Ты должен знать, что и сам он никакой не великан, это лишь мнимость такая.

— Правда? — с надеждой пискнул Непомук. — А что такое мнимость?

И друзья, объясняя Непомуку про странные особенности господина Тур Тура, отправились к паровозу. Подойдя, Лукас позвал:

— Можете спокойно вылезать из тендера, господин Тур Тур. Бояться больше нечего.

— Правда? — послышался тоненький голосок мнимого великана. — Вы уже победили это страшное опасное чудовище?

— Слышите? — польщенно шепнул Непомук. — Это он про меня!

— Мы его не победили, — ответил Лукас, — это и не требовалось. Дело в том, что это чудовище наш старый друг. Его зовут Непомук, он полудракон и однажды уже оказал нам важную услугу.

— Да, — добавил Джим, — он очень милый.

Непомук стыдливо потупил глаза и переступил с ноги на ногу. Но не из скромности, а потому что для дракона это позор — не обладать самыми плохими качествами.

— Но если он такой хороший, — снова слышалось из тендера, — почему он тогда захватил мой домик и прогнал меня?

— Да потому что он вас боялся, господин Тур Тур, — ответил Лукас, — и хотел от вас спрятаться.

Тут из тендера показалась голова мнимого великана.

— Это правда? — опечаленно спросил он. — Он боялся меня? О, мне очень жаль, мне действительно очень жаль! Где он, бедный Непомук, чтобы я сейчас же перед ним извинился?

— Вот он я, — пискнул Непомук.

Господин Тур Тур выбрался из тендера и сердечно пожал полудракону лапу.

— Извините меня, любезный друг, — воскликнул он, — что я напугал вас! Я безутешен!

— Ничего, — ответил Непомук и улыбнулся своей громадной пастью. — И большое спасибо, господин мнимый великан, что вы меня боялись. Мне это очень приятно.

— А теперь, — сказал Лукас, — мы должны рассказать вам, зачем мы приехали, господин Тур Тур. Но прежде чем приступить к этому...

— Прежде чем приступить к этому, — перебил его мнимый великан, — мы позавтракаем. Милости прошу моих дорогих гостей ко мне в дом!

— С удовольствием! — сказали в один голос Лукас и Джим.

Старой доброй Эмме пришлось остаться. Но она использовала это время, чтобы немного соснуть.

**Пятнадцатая глава,
в которой Лукас и Джим
находят смотрителя
для магнитных утесов
великого Гурумуша**

Когда они все вчетвером наконец сидели за круглым столом в доме господина Тур Тура и хотели приняться за завтрак, который мнимый великан приготовил на скорую руку, Непомук вдруг спросил:

— А мне что дадут?

На столе дымился чайник с инжировым кофе, к нему было подано кокосовое молоко и виноградный сахар. Рядом стояла большая тарелка хлебцев с хлебного дерева, намазанных кактусовым медом и гранатовым повидлом. Были тут финики, поджаренные дольки банана, ананас, нарезанный кружочками, были маковые пряники, жареные каштаны и ореховое масло.

При этом перечислении мои читатели, наверное, сами догадаются или припомнят, что господин Тур Тур был вегетарианцем, то есть ел только растительную пищу, потому что очень любил животных и не мог их убивать.

Конечно, от такого завтрака хоть у кого потекли бы слюнки. Но бедный Непомук огорченно смотрел на этот стол и готов был расплакаться. Ему бы сейчас весьма кстати был котелок раскаленной ка-

ши, ведро кипящей смолы. Но ничего такого в оазисе господина Тур Тура не водилось.

Джим и Лукас объяснили мнимому великану, как обстоят дела с пропитанием Непомука.

— Что же делать? — спросил несчастный господин Тур Тур. Он ни в коем случае не хотел быть негостеприимным, но где он в такой спешке раздобудет подходящую еду для Непомука?

Пришлось полудракону обойтись сковородкой жареного песка. Хотя это и не было его любимое блюдо, но все же лучше, чем ничего.

После того, как все поели и Непомук громко отрыгнул, выпустив из ушей клубы розового дыма, господин Тур Тур сказал:

— А теперь, мои дорогие друзья, расскажите мне, пожалуйста, чему я обязан радостью вашего посещения?

— Нет! — громко крикнул Непомук. — Сперва я расскажу мою историю!

Джим и Лукас весело переглянулись. Маленький полудракон ничуть не изменился. По-прежнему старался вести себя невоспитанно и грубо, как настоящий чистокровный дракон.

— Я был... — начал Непомук, но господин Тур Тур перебил его и строго сказал:

— Поскольку вы, дорогой Непомук, находитесь у нас, а не среди ваших собратьев, то я прошу вас придерживаться наших обычаев.

Непомук сделал обиженное лицо, но замолк.

— Да, — начал Лукас, обстоятельно набив свою трубку и выпустив несколько колец дыма, — дело вот в чем: нам в Ласкании понадобился маяк. И моему другу Джиму пришла в голову замечательная идея просить вас, чтоб вы исполняли в нашей стране

эту важную роль. Никто во всем мире больше не сможет этого сделать, господин Тур Тур.

— Почему вы так думаете? — спросил удивленный господин Тур Тур.

Джим и Лукас объяснили ему, в чем дело. Мнимый великан начал светлеть лицом, а после того, как друзья заверили его, что на всем острове никто не будет его бояться, потому что нет возможности увидеть его издали, старик в воодушевлении вскочил со своего стула и воскликнул:

— Как я вам благодарен, друзья мои! Исполнится мое самое большое желание! Я не только буду жить в стране, где никто меня не боится, но и смогу использовать свои странные свойства во благо. О, вы несказанно осчастливили старика!

В его глазах заблестели слезы радости.

Лукас окутался дымом из своей трубки, как он делал всегда, когда был растроган, и пробормотал:

— Я очень рад, господин Тур Тур, если вы согласны. Вы нам очень поможете. И кроме того, вы очень подходите для Ласкании.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Джим. Он был очень доволен, ведь это была его идея, использовать мнимого великана в качестве маяка.

— А что будет со мной? — пропищал Непомук. Все это время он сохранял на мордочке обиженное выражение, но поскольку никто не обращал на него внимания, он оставил это пустое занятие.

— А что с тобой может быть? — спросил Джим.

— Мне нельзя с вами в Ласканию? — горячо спросил Непомук. — Разве не найдется у вас какого-нибудь маленького вулканчика, где бы я смог жить? Я бы каждый день устраивал вам землетрясения и напускал бы вам лавы сколько захотите. Вот увидите, как это будет здорово. Ну, договорились?

Лукас и Джим снова переглянулись — на сей раз скорее тревожно, чем весело.

— Мой дорогой Непомук, — задумчиво сказал Лукас, — боюсь, что у нас тебе не понравится.

— Да что там! — возразил полудракон и махнул лапой. — Я устроюсь, предоставьте это мне.

— Но у нас нет вулканов, — заметил Джим, — ни одного.

— И кроме того, — продолжил Лукас, — у нас очень мало места. Для господина Тур Тура его еще хватит, если учитывать Ново-Ласканию. И я должен сказать тебе честно, Непомук, хоть мы и любим тебя и очень тебе благодарны, но для Ласкании ты совсем не подходишь.

— Я тоже так думаю, — серьезно подтвердил Джим.

Непомук непонимающе смотрел на друзей, потом его мордочка горестно скривилась. Он набрал воздуха, широко раскрыл пасть так, что сам исчез из виду, и заревел так громко, как и Эмме бы не удалось. Сквозь его душераздирающий рев слышались какие-то нечленораздельные слова, и друзьям пришлось долго его успокаивать, чтобы понять, в чем причина его горя. Оказалось, вот в чем.

Жители драконьего города Тоскании в один прекрасный день обнаружили, что исчезли не только похищенные дети, но и госпожа Зубояд. Они догадались, что кто-то проник в город и увез их. Допросили охранников, тут и всплыла подозрительная история с загримированной Эммой. Стало ясно, что тут не обошлось без помощи хорошо осведомленного изменника. Драконы стали искать его в Земле тысячи вулканов и набрали на след Непомука. Беда приближалась к его маленькому вулкану в виде двадцати четырех громадных драконьих охранников, ко-

торые должны были схватить предателя и сожрать его. Но, к счастью, Непомук вовремя заметил опасность и сбежал. Холод вечной ночи в Черных скалах он пережил только благодаря тому, что перед тем проглотил целый котел горячей лавы и внутри него сохранялось тепло. Но он все же чуть не замерз, пробираясь в пустыню Край Света. Два или три дня он скитался по этой пустыне, одурманенный миражами Фата-Морганы, питаясь песком и камнями, и однажды вечером увидел издали господина Тур Тура. Он побежал от него сломя голову и бежал, пока не наткнулся в пустыне на маленький домик с зелеными ставнями и спрятался в нем.

Когда Непомук закончил рассказывать свою трагическую историю, две крупные слезы скатились по его щекам.

— Если вы не возьмете меня с собой, — говорил он, всхлипывая, — я не знаю, что со мной будет. Не оставаться же мне в этой пустыне, где я совсем один и нечего есть.

— Это верно, — сказал Лукас, и все подавленно замолчали.

Потом Джим сказал, утешая:

— Не бойся, Непомук. Ты помог нам, и мы поможем тебе. Мы, конечно же, что-нибудь придумаем.

Лукас вынул трубку изо рта, сузил глаза и испытующе взглянул на полудракона.

— Я знаю кое-какой выход, — сказал он. — Вопрос только в том, сможет ли Непомук выполнить весьма ответственную работу.

— Ты имеешь в виду магнитные утесы? — приглушенно спросил Джим.

— Его можно было бы попробовать, — ответил Лукас. — Почему бы ему и не справиться? Мне

кажется, Непомук очистился в тех страданиях, которые выпали на его долю.

— Да-да, я очистился, я пострадал, — взволнованно пропищал Непомук. — Но о чем речь?

— Речь об одном очень серьезном задании, мой дорогой Непомук, — ответил Лукас, — о задании, которое можно доверить только надежной личности.

И он объяснил полудракону все про магнитные утесы и для чего там нужен смотритель, который по мере надобности мог бы то включать, то отключать магнит.

— Сам видишь, — закончил Лукас, выпуская дым кольцами, — насколько это ответственная работа. Там тебе нельзя будет вести себя по-драконьи невоспитанно и грубо, и ты должен торжественно пообещать нам это. Мы очень полагаемся на тебя, Непомук.

Все это время полудракон сидел очень тихо и серьезно. Его выпуклые глаза начали блестеть. Он протянул лапу сперва Лукасу, потом Джиму и сказал:

— Я даю вам мое громадное честное слово, что вы можете на меня положиться. Драконьи повадки я и так уже не употребляю, ведь драконы теперь мои враги, я не хочу быть похожим на них. Зато вы мои друзья, и я буду стараться во всем подражать вам.

— Хорошо, — сказал Лукас. — Попробуем. Я только думаю, чем ты там будешь питаться.

— Но вы рассказывали, — пискнул Непомук, — что там внизу очень жарко, потому что оттуда близко до расплавленной середины земли. Я вырою себе колодец и буду ведрами доставать лаву, самую питательную, какая только бывает.

Непомук в предвкушении облизнулся. Лукас и Джим весело переглянулись.

— Прекрасно, — сказал Лукас. — Я думаю, Непомук справится. Как ты считаешь, Джим?

— Так же, как и ты! — сказал Джим.

— Спасибо! — вздохнул Непомук от всей души и от волнения отрыгнул, выпустив из носа и ушей фиолетовые облачка дыма.

— Дорогие друзья, — сказал Лукас и поднялся, — значит, мы обо всем договорились. Я думаю, задерживаться не будем, а полетим поскорее на нашем перпетомобиле назад к магнитным утесам. Ведь там нас ждет маленькая Молли, мы не должны надолго оставлять ее одну.

Джим с тревогой подумал об обратном полете над вершинами гор. Что, если мнимый великан не перенесет такого разреженного воздуха?

Тут господин Тур Тур с испуганной миной спросил:

— Вы сказали «полетим», дорогой друг?

— Да, господин Тур Тур, — серьезно ответил Лукас. — Этого не избежать. Другого пути отсюда нет с тех пор, как Долина Сумерек завалена... — Вдруг он перебил сам себя и щелкнул пальцами: — Долина Сумерек, Джим, почему мы с тобой не вспомнили про нее?

— Про что? — не понял Джим.

— Мы же можем лететь над Долиной Сумерек. То есть там, где она раньше была. Ведь там все вершины обрушились, и нам не придется так высоко взлетать. Это значительно упрощает дело.

Джим с облегчением кивнул.

— Прекрасная мысль, Лукас.

По мнимому великану было заметно, что его удручает мысль о любом полете, хоть низко, хоть высоко. И если бы его так не привлекала надежда быть маяком в Ласкании, он бы ни за что не отва-

жился на полет. С бледным лицом он принялся готовить дорожный провиант, наполнил тыквенный кувшин чаем, а управившись, сказал приглушенным голосом:

— Я готов, друзья мои.

Они вышли из дома и один за другим отправились к Эмме. Поскольку стоял уже полдень, Фата-Моргана была в полном разгаре. Путники, идя к Эмме, увидели справа гигантскую конную статую, на которой рос дуб, а на его ветвях сидели люди, раскрыв зонтики. Слева от Эммы парили в воздухе три старинные ванны, играя в догоняшки. В середине их хоровода стоял на пьедестале регулировщик уличного движения, весь в белом. Но эта картина быстро исчезла.

Лукас подошел к Эмме и похлопал ее по толстому котлу. Господин Тур Тур обернулся и бросил прощальный взгляд на свой оазис и беленький домик с зелеными наличниками.

— Прощай, мой маленький домик, — тихо сказал он и помахал рукой. — Ты столько лет был моим пристанищем и отечеством. Больше я никогда не увижу тебя.

В это мгновение прямо над домиком показался корабль с кроваво-красными парусами, на одном из которых было черной краской написано «13». Он быстро неся к горизонту и вскоре растаял.

Лукас внимательно проводил взглядом это видение, и Джим тоже не спускал с него глаз.

— Тебе не кажется, что это и есть корабль «Чертовой дюжины»? — спросил он.

— Возможно, — прорычал Лукас, — очень даже возможно. Знать бы, откуда пришло сюда это видение — этого было бы уже достаточно. Но, к сожалению, мы этого не знаем. — И он снова повернул-

ся к пассажирам и радостно воскликнул: — Пожалуйста, господа, садитесь!

Господин Тур Тур устроился на полу в кабине, чтобы его не было видно издали. Можно себе представить, какой ужас могла вызвать эта картина среди жителей Ландая, если бы они увидели громадного великана, летящего по небу. Да и сам мнимый великан с удовольствием не видел бы ничего вокруг во время этого воздушного путешествия.

Непомук тоже пробрался в кабину. И сразу занял наблюдательный пост у окна. Он-то мог выглядеть сколько угодно, и ему хотелось увидеть как можно больше, ведь он был ужасно любопытный.

Потом оба друга поднялись на крышу Эммы, Лукас поднял мачту вверх и потянул за правый шнур. Медленно и бесшумно перпетомобиль оторвался от земли и взмыл в воздух.

Шестнадцатая глава, в которой впервые за сто тысяч лет подружились существа огня и воды

В скором времени они достигли Короны Мира. Лукас направил свой воздушный паровоз вдоль гор, к тому месту, где прежде была Долина Сумерек. Рухнувшие горные вершины заполнили бывшее ущелье, громоздясь там обломками, и высота гор здесь была вдвое ниже. Пролетая над заваленной долиной, Лукас и Джим напряженно следили, чтобы Эмма не отклонилась от курса и не врезалась в уступ какой-нибудь скалы справа или слева. Лукасу приходилось маневрировать. И все же, несмотря на эти трудности, полет был много легче, чем в пре-

дыдущий раз, когда они летели по разреженному воздуху.

Вскоре они перелетели через горы, и под ними во всей красе раскинулся лес Тысячи Чудес. Потом показалась Великая Ландайская стена, которая красной лентой вилась через холмы. За нею находился Ландай с его пашнями, дорогами, реками и воздушными мостиками.

Завидев крыши, Лукас поднял перпетомобиль выше в воздух. А вот уже и океан. Вскоре друзья заметили, что волны под ними становятся все грознее и выше, а вода темнее и мрачнее.

— Вот и Варварское море, — сказал Лукас.

Не прошло и получаса, как Джим увидел на горизонте две крохотные черные точки. Они очень быстро увеличивались: это были магнитные утесы. Лукас описал над ними большой круг, потом, ловко включая и выключая свой магнит, добился такой скорости, что Эмма мягко опустилась на воду метрах в пятистах от берега, не подняв брызг.

— Эй, вот наконец и вы! — вдруг послышался из волн нежный голосок. Это была Сурсулапичи. — Где вы так долго пропадали? Мы уже целый день вас ждем!

— Мы могли бы спросить вас точно так же, маленькая дама, — дружелюбно ответил Лукас. — Вчера вы не вернулись, и пришлось нам с Джимом быстренько изобрести перпетомобиль, чтобы привезти сюда двух наших друзей.

— Ах, вон что, — сказала морская принцесса. — Тогда другое дело. А знаете, почему я вовремя не вернулась?

— Наверное, потому, что забыли? — предположил Лукас.

— Нет! — весело крикнула Сурсулапичи.

— Может, — попытался отгадать Джим, — потому что вы слишком долго танцевали на балу?

— Тоже неправильно! — принцесса засмеялась плещущимся смехом.

— Ну, тогда мы сдаемся, нам не отгадать, — сказал Лукас.

— Представьте себе, — ликовала Сурсулапичи, — я встретила на балу водяного, который видел моего жениха Ушау-Ришуума на дне Сапфирового моря. Я тотчас же поплыла туда и обыскала все уголки, пока не нашла его.

— Я думаю, это была встреча! — улыбнулся Лукас.

— А потом, — счастливо болтала принцесса, — потом мы просто впрягли моих дельфинов в его панцирь и приплыли сюда. И вот мы здесь!

— Но где же он? — спросил Лукас. — Хоть позвать ему руку.

— Он сейчас всплывет, — сказала Сурсулапичи, — ведь он все-таки щитовод, а они довольно неповоротливы. Когда мы увидели, как подлетает этот ваш пазовар, мы на всякий случай нырнули — а вот и он! Посмотрите, ну разве он не элегантный?

На поверхности воды появилось существо в высшей степени странного вида. С первого взгляда его можно было принять за морскую черепаху. Панцирь у него был зеленый с золотым узором. Кожа лиловая, между пальцами перепонки, как у лягушки. А лицо совсем человеческое и даже очень красивое. Правда, у щитовода не было волос, зато были длинные тонкие усы. Глаза чудесной голубизны мудро поглядывали из-за золотых очков.

— Я уже много слышал о вас, — сказал щитовод певучим голосом, — и счастлив познакомиться.

— Взаимно, — отвечал Лукас. — Мы рады, что вы наконец здесь, господин Ушау-Ришуум.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Джим, — выполнили ли вы задание морского царя Лоремара? Теперь вы, наверное, можете жениться на принцессе Сурсулапичи?

Щитовод печально улыбнулся.

— Это очень трогательно, что вы беспокоитесь за меня, но, к сожалению, мне это пока не удалось. Я так и не нашел огненного существа, с которым мог бы подружиться, у меня почти нет надежды изготовить Кристалл вечности.

Маленькая принцесса тотчас же начала всхлипывать, щитовод обнял ее и сказал:

— Не плачь, милая. Я буду искать до конца моих дней.

— Ну, а вы, маленькая дама, — осведомился Лукас, — нашли ли вы смотрителя для магнитных утесов?

Щитовод ответил, глядя между тем принцессу по голове:

— Моя милая рассказала мне про трудности, которые были у вас с магнитными утесами. Мне знакомо это устройство, я сам тысячу лет назад однажды спускался вниз. Тогда все было в порядке. К сожалению, я не могу там долго находиться, мы не переносим такую высокую температуру. Но я охотно спущусь туда еще раз, чтобы включить магнит, когда вы достаточно удалитесь на вашем странном устройстве. Но остаться здесь смотрителем я не могу — из-за жары, которую мне не перенести, и из-за задания, которое дал мне морской царь.

— Хм, — улыбнулся Лукас, — тогда мы счастливы, что прихватили с собой нашего друга Непомука.

— Непомука? — спросила маленькая принцесса и перестала плакать. — Кто такой Непомук?

— Позови его, Джим, — сказал Лукас.

Мальчик открыл крышку тендера и крикнул в отверстие для угля: — Непомук! Эй, Непомук, выходи!

— Сейчас! — слышался пороссячий голосок полудракона. Кряхтя он выбрался наружу и, увидев водяных, разразился смехом:

— Хи-хи-хи! Что это за студенистые существа?

Непомук так и не научился вести себя прилично.

Оба водяных с ужасом уставились на него. Сурсулапичи от страха позеленела.

— Ч-ч-что это такое? — стала заикаться она.

— Я дракон, фу! — прохрипел полудракон и на всякий случай выпустил два язычка пламени из носа. В то же мгновение вода вспенилась, и оба водяных исчезли.

— Вы видели? — возликовал Непомук. — Они меня испугались! Жалко, что они утонули. Собственно, вполне приятные люди, проявили столько уважения ко мне!

— Непомук! — медленно сказал Лукас. — Так дело не пойдет. Ведь ты же дал честное слово, что оставишь все драконьи повадки.

Полудракон испуганно прикрыл лапой пасть. Потом сказал с несчастными глазами:

— Простите меня, пожалуйста. Я совсем забыл. Но я правда больше никогда не буду, вот увидите.

— Хорошо, — серьезно ответил Лукас, — но если еще раз забудешь, ты уже не сможешь стать смотрителем магнитных утесов. Я тебя предупредил.

Непомук виновато опустил голову.

Прошло немало времени, пока лица водяных наконец снова показались на поверхности воды.

— Не бойтесь, подплывайте ближе, — сказал им Лукас. — Теперь вам действительно нечего бояться.

— Правда, нечего, — заверил Джим. — Непомук — очень славное огненное существо, это точно.

— Огненное существо? — переспросил щитовод с нарастающей надеждой. — И ты не замышляешь против нас ничего дурного? Это правда?

— Я замышляю только самое хорошее, — заверил Непомук и серьезно кивнул, — я дал честное слово.

Водяные подплыли поближе, Лукас всех представил друг другу и потом сказал:

— Так, а теперь как можно скорее отправимся к утесам. Молли нас заждалась.

Лукас осторожно греб веслом к берегу, а водяные плыли рядом. Когда они наконец причалили, Непомук и Ушау-Ришуум болтали уже как старые знакомые. Видимо, это происходило из-за того, что Непомук в силу своего родства с бегемотами имел известную склонность к воде, а Ушау-Ришуум из-за своего родства с черепахами имел определенное влечение к суше. Так что оба, можно сказать, были существа промежуточные. Щитовод был более чем счастлив, что наконец нашел огненное существо и теперь, возможно, сумеет выполнить задание морского царя Лоремара. И Непомук тоже радовался, что будет подмастерьем в таком важном деле.

— А как там дела у господина Тур Тура? — спросил Джим. За всеми этими событиями про старика совсем забыли.

— Ах, — сказал Непомук, — он все время просидел в своем углу с закрытыми глазами, бледный и только на поворотах шептал или «помогите!» или «святое небо!». Может, он и сейчас еще там сидит.

Джим тотчас открыл крышку тендера и крикнул вниз в каюту:

— Господин Тур Тур, вы можете выходить.

— Да? — отозвался мнимый великан тоненьким голоском. — Ну, слава Богу, я уже и не думал, что мы доберемся живыми.

И он выбрался наружу и осмотрелся.

— Это и есть остров Ласкания, где я должен работать маяком? — спросил он разочарованно.

— Да нет же! — смеясь воскликнул Лукас. — Это пока лишь магнитные утесы, где Непомук будет служить смотрителем. Ласкания — следующая станция. Итак, друзья, мы не должны терять времени. Я спущусь с Непомуком и Ушау-Ришуумом вниз к корням, чтобы все им показать. На сей раз я прихватчу лампу. Мы все равно не будем сейчас включать магнит. Это сделает Непомук, когда мы уедем. Джим, а ты иди к Молли, отвяжи ее и приведи к Эмме.

— Хорошо, Лукас! — сказал Джим.

— И дожидайтесь нас здесь, — добавил Лукас.

Потом он поднялся с Непомуком и щитоводом, который, впрочем, на суше ходил вертикально, как человек, только гораздо медленнее, на вершину утеса. Маленькая принцесса уютно устроилась в мелководье, а господин Тур Тур уселся на железный пенек, ожидая Джима, который пошел за своей Молли. Разве мог он подозревать, что следующие минуты будут иметь для его маленького друга самые серьезные последствия.

Семнадцатая глава, в которой у Лукаса созревает смелый план

Когда Джим разыскал пещерку, в которой они оставили Молли, он сперва решил, что заблудился и пришел совсем не туда. Молли здесь не было!

Сердце Джима учащенно забилося.

— Наверно, она где-то в другом месте, — пробормотал он. — Здесь так много всяких пещер, что легко можно спутать.

И он пошел искать дальше, он взбирался на горки и спускался вниз; но наконец должен был сознаться себе, что первая пещерка и была тем местом, где они оставили паровоз.

«Может, Молли заползла глубоко в пещеру? — предположил он. — Не могла же она сама уехать. Она была крепко привязана. Я просто не посмотрел как следует».

Он вернулся к прежнему месту и забрался в глубь пещеры, до самого ее конца. Никаких следов Молли не было!

— Молли! — тихо позвал Джим, и его нижняя губа начала дрожать. Он выбежал из пещеры и снова и снова звал свой паровоз, кусая себе руку, чтобы не расплакаться. Мысли его крутились, как карусель, ему нужно было посоветоваться с Лукасом, чтобы принять решение.

Запыхавшись от спешки и волнения, он взобрался на вершину утеса и лег на землю у края шахты. Глубоко, глубоко внизу он заметил отблеск фонаря Лукаса. Джим приложил ладони рупором ко рту и крикнул вниз:

— Лукас! Вылезай! Скорее! Молли пропала! Пожалуйста, Лукас!

Но снизу не было никакого ответа. Видимо, свист ветра и шум волн заглушали крики Джима.

«Спускаюсь за ними!» — подумал Джим и стал спускаться по винтовой лестнице, но вскоре вынужден был отказаться от этой попытки, потому что в темноте спуск по скользким ступеням на ощупь мог продлиться целые часы. К тому времени Лукас так

и так уже вернется наверх. Джиму ничего не оставалось, как ждать. А это было почти непереносимо.

Джим вернулся к той пещере, где они привязали Молли, и тщательно осмотрел все кругом. Единственное, что он нашел, был обрывок дельфиньей упряжи, которой была привязана Молли.

Джим вернулся к Эмме, господин Тур Тур с удивлением взглянул на мальчика: его лицо, несмотря на черную кожу, совсем посерело.

— Могу я спросить, дорогой друг, — сказал господин Тур Тур, — что у вас случилось? И где же ваш маленький парок..?

Джим взглянул на него такими безутешными глазами, что тот осекся. И маленькая принцесса подавленно промолчала.

Опустошенным взглядом Джим смотрел в море и кусал губы, чтобы они не дрожали. Потом запинаясь произнес:

— Да — Молли — она — я не знаю — я думаю, она уехала.

Ветер ревел, волны гремели на железном берегу, все молчали.

— А может, ее кто-нибудь украл, — наконец пробормотал Джим.

Маленькая принцесса покачала головой.

— Сюда никто не приезжает. Даже водяные. Да водяные никогда бы этого не сделали.

— Надо подумать, — сказал мнимый великан. — Может, она оторвалась, упала в воду и утонула?

Джим поднял голову. Маленькая надежда мелькнула у него в глазах.

— Может быть, — сказал он. — Хотя она была очень крепко привязана. И законопачена.

— Я поищу ее, — предложила морская принцесса. — Я нырну и осмотрю все дно вокруг утесов.

И она исчезла.

— Как я сочувствую вам, дорогой друг, — заверил господин Тур Тур и начал припоминать случаи, когда люди теряли что-нибудь, а после вновь находили чудесным образом. Но Джима эти истории не утешали.

Наконец принцесса вернулась. Джим в напряженном ожидании смотрел на нее. Русалка покачала головой:

— Магнитные утесы круто обрываются в море, дно очень глубоко, и внизу такая тьма, ничего не видно. Придется подождать, когда включат морскую иллюминацию.

— Но тогда она накрепко притянется внизу, — сказал несчастный Джим.

— Но можно хотя бы заметить место, — ответила принцесса, — а после достать ее.

И они снова замолчали, только ветер свистел и гремел прибой. Медленно опустился вечер.

Старая толстая Эмма, стоя поодаль, могла слышать этот разговор. И хоть она понимала очень мало, все же и до нее дошло, что случилось. Реветь и свистеть она не могла, потому что была не под паром. Но хоть ее котел был пуст, у нее возникло такое чувство, что она вот-вот взорвется. Это было настоящее горе паровозной матери.

Бесконечно долго ждали Лукаса. Джиму показалось, целую вечность. Конечно, это было связано с тем, что Ушау-Ришуум, щитовод, двигался очень медленно. Однако наконец позади ожидающих прозвучал веселый голос Лукаса:

— Ну, вот и я. Теперь все в порядке. Непомуку очень нравится его новый дом. Я все ему показал, и в полночь он включит иллюминацию. А сейчас он роет колодец для лавы. Щитовод тоже скоро будет

здесь, он очень медленно ходит. — Тут Лукас замолк и удивленно всех оглядел: — Что-нибудь случилось? Где Молли?

И тут Джим больше не мог сдержаться. До сих пор он мужественно владел собой, но теперь бросился на шею Лукасу и горько разрыдался.

— Молли пропала? — тотчас понял Лукас, и Джим молча кивнул. — Проклятье, — прорычал Лукас, — вот незадача.

Он обнял своего маленького друга и погладил его черные курчавые волосы.

— Старина, — сказал он, — старина Джим! — Он прижал его к себе и гладил его, пока Джим немного не успокоился.

— Слушай сюда, Джим, — наконец продолжил Лукас. — Молли не могла исчезнуть бесследно. Где-нибудь она есть. Мы ее разыщем. Раз я сказал, значит, так и будет. Ты знаешь, старик.

— Хорошо, Лукас, — Джим пытался улыбнуться сквозь слезы.

— Мы тут заподозрили, — сказал господин Тур Тур, — что маленький паровоз отвязался и упал в воду.

— Да, — добавила принцесса, — я уже попробовала поискать на дне, но там темно. Придется подождать, когда включат иллюминацию.

— Но Молли, может, сейчас в ужасном положении! — воскликнул Джим.

Лукас закурил свою трубку и задумался.

— Мы сейчас же нырнем, — решительно сказал он, — на Эмме. Двери и окна законопачены, крышку тендера мы закроем и Эммиными фарами осветим дно.

Джим уставился на Лукаса большими глазами.

— Да, но... но Эмма ведь не сможет погрузиться, — выдавил он. — Она ведь законопачена.

— А мы откроем вентиль котла и кран, — сказал Лукас. — Если котел наполнится водой, паровоз утонет. Идем, Джим, не будем терять время.

— Но как же мы будем двигаться по морскому дну? — взволнованно спросил Джим. — Ведь магнитом можно управлять только с крыши, а мы будем сидеть внутри кабины.

— Верно, — Лукас поскреб макушку. — Что же делать? Маленькая дама, а не могли бы вы взять на себя управление магнитом?

Они пошли к Эмме и столкнули ее в воду. Русалка попробовала управлять рулевой мачтой, но тщетно. Ведь она была очень маленькое существо, не приспособленное к силовым нагрузкам.

Наконец подоспел и Ушау-Ришуум. Узнав, в чем дело, он попробовал управлять магнитом. Силы у него было достаточно, но тут возникала другая проблема: из-за своего панциря он мог вытягивать руки только в стороны, а вперед не мог, а одной рукой мачту не удержать.

— Может, мы снова запрежем дельфинов? — спросил Джим русалку и поглядел в море, где эти сильные животные играя прыгали по волнам.

— Не получится, — ответила Сурсулапичи, — они не могут долго быть на глубине, им надо время от времени выныривать. Но мне вот что пришло в голову: тут неподалеку я видела морских коньков моего отца, они паслись. Я могла бы позвать их и запрячь в паровоз.

— Но несколько морских коньков не смогут много увезти, — мрачно сказал Лукас.

— А их не несколько, — воскликнула русалочка, — их больше тысячи, целый легион.

Короче, пока Лукас и Джим снимали с кабины магнитное приспособление, чтоб оно не мешало, маленькая принцесса пустилась на поиски стада морских коньков. И действительно, едва друзья управились с работой, она уже вернулась, и вода позади нее пенилась и переливалась от множества изящных существ с загнутыми хвостами. Если прислушаться, можно было даже различить их тихое серебряное ржание. На каждом из них была золотая уздечка. Вид они имели восхитительный, в другое время Джим глаз бы не оторвал, но сейчас он мог думать только о своем маленьком паровозе. И кто же упрекнет его в этом?

**Восемнадцатая глава,
в которой путешественники обнаруживают
на дне моря странный город**

Между тем предусмотрительный щитовод нарвал под водой большой пучок шелковых водорослей. Они очень прочны и длинны и растут только в Варварском море, это вам могут подтвердить все специалисты по океанической ботанике. Одним концом эти водоросли привязали к буферу Эммы, а другими концами русалка ловко привязала по две, по три лошадки.

Конечно, все это потребовало времени, и оба друга воспользовались паузой, чтобы перекусить. У них, правда, не было аппетита, но господин Тур Тур убедил их в интересах дела подкрепить силы.

К заходу солнца все морские коньки были впряжены. Лукас и Джим направились к тендеру, чтобы влезть в кабину и начать погружение, но тут господин Тур Тур попросил:

— Не могли бы вы взять меня с собой, мои уважаемые друзья?

— Но, дорогой господин Тур Тур, ведь это очень опасно, — с удивлением сказал Лукас.

— Я знаю, — ответил господин Тур Тур, бледный, но решительный. — Именно поэтому я и хочу отправиться, чтобы разделить эту опасность с вами. Я думаю, так делается у друзей.

— Вы правы, — ответил Лукас, — ну, тогда едем.

Все трое взобрались в угольное отверстие тендера, потом закрыли его за собой, потом плотно перекрыли лаз в кабину. Лукас дал щитоводу знак, и тот открыл наливной вентиль котла и сливной кран под котлом.

Трое в каюте затаив дыхание смотрели, как вода поднимается по окну. Это означало, что паровоз погружается в воду. Когда вода сомкнулась над крышей кабины, стало очень тихо, шум волн больше не доносился сюда. Мягкий зеленый свет проникал сквозь воду, но по мере того, как паровоз наподобие лифта погружался все глубже, свет мерк. Впереди с коньками была русалка, Ушау-Ришуум плыл рядом с кабиной.

Лукас убедился, что ни одна капля воды не просачивается внутрь, успокоился, выбил свою трубку и сунул ее в карман.

Постепенно становилось все темнее. Должно быть, они опустились уже очень глубоко. Сердце Джима стучало, мнимый великан в волнении судорожно сжимал руки. Лукас включил фары Эммы. Два ярких луча пронзили черно-зеленую толщу воды. Мимо проплывали диковинные рыбы и удивленно пялились на непривычный свет. Иные были длинные и тонкие, как змеи, другие короткие, похожие на чемодан. Потом мимо проплыла стая больших плоских рыб,

похожих на пестрые ковры. Некоторые из них имели собственные светильники. Удивительный волшебный мир открылся взору путешественников. Но вот они ощутили толчок, достигнув дня. Однако то, что они увидели здесь в свете Эмминых фар, ужаснуло их.

Куда ни глянь, всюду лежали затонувшие корабли. Большинство разбито в щепки, некоторые уже обросли ракушками и водорослями. В корабельных бортах зияли пробоины, и через них виднелись внутренние части. Джим даже заметил скелет, сидевший на сундуке, из которого сверкали золотые украшения и монеты.

Совсем не просто было русалочке находить путь для паровоза среди всех этих завалов. Иногда они проезжали сквозь какой-нибудь разрушенный корабль, как по туннелю.

— Это все корабли, — приглушенно сказал Лукас, — которые за многие столетия разбились о магнитные утесы. — И потом добавил: — Хорошо, что впредь этого уже никогда не будет.

— Да, — тихо сказал Джим, — это хорошо, что мы привезли Непомука.

Вот паровоз уже объехал подножие железных утесов. Сурсулапичи направила лошадок по кругу большого радиуса. Потом они проделали третий и четвертый круг все дальше от утесов. Путешественники пристально вглядывались, но Молли нигде не было видно. Только сотни корабельных останков.

Они провели в подводных поисках уже несколько часов, Джим зевнул и пробормотал:

— Я думаю, Молли здесь нет.

— Да, — сказал господин Тур Тур и тоже начал зевать, вежливо прикрывая рот, — видимо, она не упала в воду.

— А если и упала, — сонно сказал Джим, — то не утонула. Ведь она была законопачена. Может, ее унесло волнами.

— Тоже может быть, — проворчал Лукас. — Но это осложняет нашу задачу, ведь океан слишком велик. И нам долго придется искать ее.

— Может, нам помогут морские жители, — сказал Джим и снова зевнул.

— С вами происходит то же самое? — спросил господин Тур Тур. — Меня одолевает сонливость.

— Да, — ответил Джим, не переставая зевать. — Что это?

Тут и Лукас начал зевать. Но вдруг закрыл рот и уставился на Джима и господина Тур Тура.

— Кислород! — сказал он. — Это не обычная усталость. У нас кончается кислород. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — сказал господин Тур Тур, — что нам надо поскорее подниматься наверх.

— Правильно, — буркнул Лукас, постучал в окно, и щитовод, сидевший со своей невестой впереди на паровозе, медленно подплыл и заглянул в окно. Лукас показал ему знаками, что надо подниматься.

Ушау-Ришуум кивнул и медленно поплыл к Сурсулапичи, чтобы передать ей приказ путешественников. Принцесса направила коньков вверх, нос паровоза несколько раз приподнялся, но оторваться от дна так и не смог. Эмма была слишком тяжела.

Щитовод вернулся к окну, покачал головой и пожал плечами. По выражению лиц пассажиров он увидел, что положение стало серьезным. Он сделал успокаивающий жест рукой и вернулся к русалке, чтобы посоветоваться.

— Если бы мы выкачали воду из котла, — сказал Джим, у которого, несмотря на опасность, слипались глаза, — то Эмма всплыла бы сама собой.

— Под водой воду не откачаешь, — объяснил Лукас. — Кажется, старина, мы совершили большую глупость.

— А если мы просто выйдем и всплывем наверх? — предложил Джим.

Но Лукас покачал головой:

— Слишком глубоко. Мы захлебнемся раньше, чем вынырнем.

— Что же нам делать? — спросил дрожащим голосом господин Тур Тур.

— Подождать, — ответил Лукас. — Может, они там что-нибудь придумают.

А пока он осторожно отодвинул заслонку тендерного хода, чтобы проверить, не просочилась ли туда вода. С полведра, как оказалось, все же натекло сквозь неплотность крышки тендера, но вместе с этой водой в кабину хлынул струей свежий воздух, заключенный раньше в тендере и отделенный плотной заслонкой.

— Значит, еще на какое-то время хватит, — сказал Лукас.

— Надолго ли? — спросил господин Тур Тур.

— Понятия не имею, — ответил Лукас. — Мы должны перестать разговаривать, чтобы экономить воздух. Кажется, они там снаружи что-то решили.

Так оно и было. Щитоводу пришлось в голову, что в полночь Непомук должен включить иллюминацию. Это, видимо, будет уже скоро. Поэтому нужно как можно скорее увести паровоз из зоны притяжения магнита. Единственная возможность вывезти Эмму на поверхность — отъехать с ней к острову с пологим морским дном и берегом, чтобы морские коньки плавно смогли вывезти ее на сушу. Сурсулапичи знала один такой остров. Правда, он был далеко, но если поторопиться, можно успеть. Чтобы не терять

времени, Сурсулапичи тотчас погнала легион морских коньков в сторону от утесов.

Путешественники молча наблюдали из кабины, как паровоз стремительно стал удаляться от железного подножия.

— Кажется, они что-то придумали, — с надеждой сказал Джим.

— Не разговаривай, — ответил Лукас. — Кто знает, сколько это продлится.

И они снова замолчали и глядели из окна на подводный мир, который все убыстряясь проносился мимо.

Сперва это были только горы морского ила, лишенные жизни, потом они на большой скорости перелетели через какой-то подводный разлом дна. Серебряные волосы Сурсулапичи так и реяли за ее плечами, как змеи.

Как долго продолжалась эта гонка, никто из путешественников не мог сказать. Из области притяжения магнита они, наверное, уже вырвались. Трое пассажиров кабины боролись с сонливостью, которая наваливалась на них все неодолимее. Успеют ли они достигнуть спасительной цели раньше, чем станет уже поздно?

Движение пошло с ощутимым уклоном вверх. Казалось, они уже достигли острова с пологим берегом. Но вскоре дно опять выровнялось, и они мчались все дальше и дальше.

Джим едва мог открыть глаза, у Лукаса состояние было не лучше, а мнимый великан уже спал, слабо дыша.

Как во сне, путешественники видели причудливые подводные пейзажи, пронесившиеся за окном. Коралловые леса чередовались с лугами. А вон подводные скалы — разве они не из драгоценных камней?

Вот паровоз проносится по подводному мосту. Но разве под водой бывают мосты? А вот — что это, разве не древний затонувший город с дворцами и храмами, построенными все из тех же драгоценных камней?

В это мгновение Непомук, должно быть, включил магнит, все морское дно озарилось голубым и зеленым свечением. Разрушенные дворцы начали сверкать и переливаться всеми цветами радуги.

Это было последнее, что Джим еще увидел. Потом он потерял сознание. У Лукаса тоже закрылись глаза.

Морские коньки гнали дальше, запряженные в паровоз, по улицам затонувшего города, к неизвестной им цели.

**Девятнадцатая глава,
в которой неправильно
написанное письмо
выводит друзей на правильный путь**

Когда Джим снова пришел в себя, он лежал на спине, над ним простиралось ночное небо. Последние звезды меркли, и уже поднимались предрассветные сумерки. Джим почувствовал, что лежит на мягком песке, и услышал легкий плеск волн. Он поднял голову, справа и слева от него лежали Лукас и господин Тур Тур, и они тоже начали шевелиться.

Джим сел. Голова у него кружилась. В мелководье у берега он увидел маленькую русалку — она ждала, подперев рукой подбородок. В отдалении стояла старая добрая Эмма с распахнутой дверцей кабины.

— Эй, — обрадованно сказала Сурсулапичи, — наконец-то вы проснулись!

— Где мы? — спросил Джим как в дурмане.

— Мы привезли вас на маленький остров с пологим берегом, чтобы коньки смогли вытянуть вас из воды. Это была единственная возможность вас спасти.

Джим огляделся. Потом протер глаза и посмотрел получше. Невероятно! Нет, это невозможно! Но тем не менее так оно и было: они находились в Ласкании!

— Лукас! — вскричал Джим и потряс своего друга. — Лукас, проснись! Мы снова дома!

— Это правда? — спросила Сурсулапичи и захлопала в ладоши. — Но мы этого не знали, когда везли вас сюда.

Лукас тяжело сел и огляделся, ничего не соображая. Но, увидев свою станцию, и дом господина Рукава, и магазин госпожи Каак, и замок короля Альфонса, он сдвинул кепку на затылок и поглядел на Джима.

— Черт побери, старина, — проворчал он, — постепенно у меня складывается впечатление, что мы с тобой неисправимые счастливики.

— У меня тоже, — подтвердил Джим со вздохом, исходившим из самой глубины души.

— Я все еще не могу поверить, — повернулся Лукас к русалочке, — неужто такой долгий путь мы выдержали в кабине без воздуха?

— Вы бы не выдержали, — гордо ответила Сурсулапичи, — если бы не Ушау-Ришуум. Он знает много тайн, и он искусный врачеватель. Когда мы наконец приехали сюда и взломали двери вашего паровоза, вы не подавали признаков жизни. Он вытащил вас на берег и каждому дал по глотку из фляжки, которая у него всегда с собой, таинственного лекарства. И тогда вы снова задышали.

— Но где же этот чудесный щитовод? — воскликнул Лукас. — Я бы пожал его верную руку.

— Он уплыл, — объяснила русалка, — когда увидел, что вы спасены. Ему надо снова к Непомуку, чтобы выполнить задание моего отца. Он передал вам привет и тысячу благодарностей за вашу помощь. Без вас, он сказал, он бы никогда не подружился с огненным существом.

— Ну и ну, — пробормотал Лукас. — Скажите, пожалуйста, вашему жениху, что мы никогда не забудем, что он для нас сделал. А когда поженитесь, навестите нас вместе.

— Обязательно, — ответила морская принцесса и густо позеленела от радости. — Ах да, чтоб не забыть: мой папа, морской царь Лоремар, велел передать вам, что он исполнит любое ваше желание.

— Молли, — быстро сказал Джим. — Может, он велит поискать ее и привезти сюда?

— Я скажу ему, — ответила Сурсулапичи, — а теперь прощайте, я тороплюсь к Ушау-Ришууму. Вы понимаете, мы очень давно не виделись...

— Еще бы, — сказал Лукас и прощально приложил два пальца к козырьку своей кепки.

Когда принцесса уплыла, проснулся и господин Тур Тур и огляделся кругом удивленными глазами. Друзья объяснили ему, где они, и мнимый великан был в восторге от этого чудесного маленького острова, на котором он отныне будет работать маяком.

Лукас и Джим прежде всего вытащили Эмму на берег и поставили ее под навесом на станции на старые рельсы. Потом Джим побежал домой, разбудил госпожу Каак и обнял ее. Потом он разбудил Ли Зи, и тут уж дом чуть не лопнул от радостных криков и восклицаний.

Лукас между тем разбудил господина Рукава и познакомил его с мнимым великаном. Вскоре они втроем стояли перед дверью замка и барабанили, чтобы разбудить его величество.

Когда король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый наконец подошел к двери, Лукас воскликнул:

— Ваше величество, позвольте представить вам господина Тур Тура, нашего будущего маяка!

Потребовалось какое-то время, чтобы король убедился, что господин Тур Тур действительно лишь мнимый великан, потому что вблизи, как уже было сказано, он был на полголовы ниже Лукаса. К сожалению, не было возможности показать его величеству великана во всем величии, потому что в Ласкании господину Тур Туру некуда было отойти. Пришлось королю принять этот факт на веру.

Потом все пошли к дому госпожи Каак и, завтракая на ее маленькой кухне, оба друга рассказали про свои приключения.

Когда они замолкли, а слушатели сидели опечалившись, приняв очень близко к сердцу потерю маленького паровоза, Ли Зи вдруг сказала в полной тишине:

— Кажется, я знаю, где Молли.

Джим ошеломленно взглянул на нее.

— Как выглядят магнитные утесы? — спросила маленькая принцесса.

Лукас описал их еще раз во всех подробностях и даже нарисовал на листке бумаги.

— Это они! — воскликнула Ли Зи. — Я их узнала. Это те самые железные рифы, на которых морские разбойники передали меня драконице Зубояд. Чертова дюжина похитила и Молли!

Лукас взглянул на Джима, потом ударил кулаком по столу, так что подпрыгнули чашки.

— Еще раз черт поberi, Джим, — выругался он, — почему нам самим это не пришло в голову, когда мы увидели железные скалы? В конце концов, такие не попадают в море дюжинами! Теперь я понимаю, кто сломал магнит. Разумеется, драконица! Тогда, когда получала Ли Зи. Иначе бы пираты не смогли подплыть к утесам, не разбившись на куски.

Он немного покурил, чтобы успокоиться, и потом продолжил:

— Ну, с Чертовой дюжиной нам и так давно уже пора свести счеты. Сперва они похитили Джима так и запечатали в посылку, чтобы отправить госпоже Зубояд, а теперь они украли у нас паровоз. Этим ребятам будет не до смеха, когда они нам попадутся. Вопрос только, как их поймать. Океан велик, и они могут оказаться повсюду между северным полюсом и южным.

Но пока друзья ничего не могли предпринять для спасения маленького паровоза. Пока что им не за что было зацепиться — они не знали, где искать Чертову дюжину.

Так прошло несколько дней.

Господин Тур Тур жил у господина Рукава, пока Лукас и Джим строили ему в Ново-Ласкании маленький беленький домик с зелеными наличниками. Сам он, конечно, тоже помогал, и работа спорилась.

Ночами господин Тур Тур стоял на вершине горы с фонарем в руке. Корабля пока не ждали, но мнимый великан хотел как следует овладеть новой профессией. Кроме того, ведь никогда точно не знаешь — может, причалит заблудившийся корабль.

Джим сильно изменился после возвращения. Он заметно посерьезнел. Иногда, когда мальчик был погружен в мысли или молча работал, Ли Зи украдкой смотрела на него почти благоговейно.

— Я так сильно боялась за тебя, Джим, — призналась она однажды. — За Лукаса тоже, но за тебя гораздо сильнее.

Джим улыбнулся ей.

— Когда Лукас со мной, — сказал он, — ничего не случится.

Примерно через неделю после возвращения однажды поздно вечером вне расписания пришел почтовый корабль.

Лукас, который как раз был на станции возле Эммы, встретил почтальона.

— Замечательно! — сказал тот. — Теперь у вас прекрасный маяк. Его видно за пятьдесят миль. Это и есть тот самый великан, которого вы привезли? В темноте, правда, виден только фонарь.

Лукас проводил почтальона на гору и познакомил его с господином Тур Туром. Мнимый великан был очень горд тем, что действительно пригодился в полезном деле. Потом они пошли к госпоже Каак.

— У меня ведь письмо, — сказал почтальон, — на котором опять написан какой-то непонятный адрес, как на той посылке, в которой оказался Джим Пуговица. И я подумал, что лучше сразу отнести это письмо госпоже Каак.

Они вошли в маленькую кухню. Джим и Ли Зи как раз играли в фишки, а госпожа Каак вязала носки. Увидев письмо, она испугалась.

— Лучше увезите это письмо, — тотчас воскликнула она. — Я ничего не хочу знать, что там написано. Ничего хорошего там наверняка нет.

— Это письмо от Чертовой дюжины госпоже Зубояд, — буркнул Лукас. — Может, мы узнаем что-нибудь про Молли?

И он вскрыл конверт, развернул лист бумаги и прочитал:

«Уважаемая гаспажа Зубояд зачем вы выставели нам эту глупую маленькую паравую мажину с калесами на магнитных скалах. Что нам с им делат. Бочка водки была бы для нас многа тсеннее патаму что нажа старая бочка почти пустая. Кроме того вы вед нам одну далжны. А чтоб вы знали мы ни пазволим вам нас держат за дураков одурачит. Глупую паравую мажину вы заберите обратно потаму что она нам толка мижается. Если вас в следужии раз опят не будит всео кончено и тагда вы узнаите нас и дрожите перед нажеи местiu.

Чертова дюжина».

Лукас замолк.

— Это доказательство, — сказал он, — что Молли у них. Они принимают ее за паровой двигатель и думают, что драконица выставила ее вместо выпивки.

— Они все еще не заметили, — добавил Джим, — что госпожа Зубояд больше не появляется.

— Похоже, они вообще не отличаются особым умом, — сказал Лукас. — Во всяком случае, судя по письму.

— Пожалуй, можно так сказать, — вздохнул почтальон. — Какой позор!

— Во всяком случае, — объяснил Лукас, — Молли у них, и они хотят в следующий раз привезти ее драконице. До того времени мы должны их разыскать, потому что кто знает, что они могут сделать с маленьким паровозом, когда не найдут драконицу на месте.

— Когда же будет этот «следующий раз»? — испуганно спросил Джим.

— Да, — буркнул Лукас, — если бы мы это знали... Завтра утром надо придумать план. Для этого нужна ясная голова.

И они проводили почтальона на его корабль и помахали рукой.

А вскоре после этого все заснули в своих постелях. Только господин Тур Тур стоял на высокой вершине и держал в руке фонарь.

**Двадцатая глава,
в которой просыпается
«Золотой дракон мудрости»**

На следующее утро Лукас зашел за Джимом, они сели на свое старое обжитое место на государственной границе, стали глядеть на море и обдумывать, как бы им напасть на след Чертовой дюжины. Но в голову им ничего не приходило.

Когда они просидели так примерно с час, к ним прибежал господин Рукав, еще издали маша своим котелком и крича:

— Его величество, наш высокочтимый король просит вас к себе в замок. Он говорит, речь идет о важных дипломатических обстоятельствах. Только что позвонил император Ландая.

Втроем они поспешили к замку. Король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый дружески приветствовал их и передал Лукасу телефонную трубку.

— Алло, говорит Лукас-машинист.

— Добрый день, мой дорогой, уважаемый друг и спаситель моей дочери, — задушевно ответил император Ландая. — У меня есть для вас и для вашего маленького друга Джима радостная новость. По расчетам наших «цветов мудрости» через несколько дней должен проснуться дракон. Алло, алло, вы меня слышите?

— Да, — ответил Лукас, — я хорошо вас слышу.

— Итак, дракон проснется через несколько дней, — продолжал император Ландая. — Его преобразование прошло без помех. Вчера у него впервые пошевелился хвост. Это верный знак скорого пробуждения, как считает мой главный придворный зоолог. И я подумал, что, наверное, вам будет интересно присутствовать при этом.

— Еще бы, — воскликнул Лукас, — давно пора! Нам очень надо его кое о чем расспросить.

— Я так и думал, — ответил император, — поэтому я уже отправил за вами мой правительственный корабль.

— Большое спасибо, — ответил Лукас, — это очень любезно с вашей стороны, ваше величество.

— Как там дела у моей дочери? — спросил император. — Хорошо ли она отдохнула на вашем обворожительном острове?

— Думаю, да, — сказал Лукас. — Она помогала госпоже Каак в лавке.

— Чудесно, — сказал довольный император. — Значит, она делала что-то полезное. Скажите ей, пожалуйста, что она может с вами и с Джимом приехать домой. Ее каникулы скоро кончатся, а ей еще несколько дней надо на подготовку к школе.

В последующие дни Лукас, Джим и Ли Зи были заняты приготовлениями к путешествию. Ли Зи паковала свои вещи в чемодан, сшитый из кожи птичек колибри. Лукас все необходимые вещи, которые обычно были у него в кабине паровоза, связал в узел. Старая добрая Эмма на сей раз останется дома. Она еще не оправилась как следует от потрясений предыдущего путешествия, и ведь друзья уезжают совсем ненадолго. Госпожа Каак заботливо собрала рюкзак Джима, уложив туда отглаженный комбинезон и кепку.

Наконец прибыл великолепный императорский корабль. Господин Тур Тур целыми днями сидел в своем домике, чтобы не напугать издали команду приближающегося корабля. Оба друга приветствовали капитана, с которым подружились еще с того времени, как вылавливали в море плавучий остров. Потом простились с теми, кто оставался на острове, и, не теряя времени, отплыли в сторону Ландай.

Несколько дней спустя корабль встречали ликующие толпы ландайцев. Сойдя на берег, Лукас, Джим и Ли Зи увидели, как издали к ним мчится четверка носильщиков с роскошными носилками, на первый взгляд пустыми.

— Отпустите меня! Отпустите меня! — взволнованно пропищал тоненький голосок, и тут путешественники разглядели, что в подушках носилок утонул крошечный мальчик в золотом халате.

— Пинг Понг! — обрадовался Лукас. — Как хорошо, что мы снова встретились!

Носилки поставили на землю, и оба друга и Ли Зи осторожно пожали ручку главбонзы. Малыш, конечно, подрос за год и был теперь ростом в целых две ладони. От радости он беспрерывно кланялся до земли и пищал:

— Нет, какое счастье, высокочтимые машинисты орденоносного паровоза! Я вне себя от радости, что вновь вижу нашу лотосоподобную принцессу! Я счастлив, что вы все здоровы и благополучны.

Все это длилось довольно долго, и лишь когда Пинг Понг немного успокоился, он вспомнил, что их с нетерпением ждет император, чтобы обнять свою любимую дочь и двух бесценных машинистов.

И путешественники сели в карету и поехали во дворец, а ландайцы со своими бесчисленными детьми приветствовали их на всем пути. На лестнице из

девяносто девяти серебряных ступеней стоял, ожидая их, император собственной персоной.

— Мои благородные друзья! — воскликнул он и с распростертыми объятиями побежал вниз по лестнице. — Наконец-то я вижу вас снова! Милости прошу! — И обнял свою дочку, радуясь, что у нее такой здоровый и отдохнувший вид. — Ну, не будем медлить и отправимся сразу к дракону, иначе мы пропустим тот момент, когда он проснется.

Они зашагали в сторону старого слоновника, и принцесса Ли Зи сказала Джиму и Лукасу:

— Вы сейчас не узнаете этот слоновник. За год его перестроили и украсили.

Так оно и было. Еще издали они заметили в просветах деревьев великолепный дворец в виде пагоды с множеством башенок, украшенных фигурами, орнаментами и колокольчиками.

Друзья вошли в золоченые ворота. Глубокая тишина окружила их. Глаза не сразу привыкли к царившему здесь многоцветному сумраку от приглушенных люстр. В купол была вмонтирована цельная янтарная плита, сквозь нее проникал внутрь золотой луч света, высвечивая фигуру преображенного дракона.

Джим и Лукас не могли узнать ту драконицу, которую они победили когда-то в Тоскании. Исчез длинный нос, не стало торчащего зуба. Голова теперь напоминала львиную, хвост лежал вокруг тела, как у кошек. Исчезли все бородавки, и на коже появились таинственные узоры и знаки. Дракон лежал, как величественная статуя, голова на передних лапах, и свет играл на его золотой коже.

Джим стиснул руку Лукаса, и они стояли молча в благоговейном удивлении. Позади них стояли император и Ли Зи.

Вдруг сияние на шкуре дракона усилилось, в воздухе послышался странный звон, дракон медленно выпрямился, опершись на передние лапы, открыл глаза, которые светились, как два зеленых смарагда, и посмотрел на обоих друзей.

Джим вцепился в Лукаса еще крепче.

И тут прозвучал низкий голос дракона, похожий на звук бронзового гонга:

— Это вы, мои господа и повелители?

— Да, это мы, — ответил Лукас.

— Хорошо, что вы пришли, — продолжал дракон, потому что настало время исполнить задуманное и разгадать загадку.

— Знаете ли... — Лукас хотел сказать дальше «госпожа Зубояд», но вдруг почувствовал, что этого дракона неуместно называть его прошлым именем, и он спросил: — Знаешь ли, Золотой дракон мудрости, что мы собираемся предпринять?

— Знаю, — ответил дракон, и показалось, что в уголках его губ заиграла улыбка, — я знаю все, о чем вы хотите спросить меня.

— И на все наши вопросы ты можешь дать ответ? — осмелился спросить и Джим.

— На все, — ответил дракон, — на которые вам необходимо получить ответ. Если бы я ответил вам и на те вопросы, которые вы должны решить самостоятельно, я был бы не Золотой дракон мудрости, а пустой дракон болтовни. Посему слушай, мой маленький господин и повелитель: не спрашивай меня о своем происхождении. Ты узнаешь о нем сам — своим умом и силой. Сейчас не время, наберись терпения.

Лукас как раз собирался спросить, где и как им разыскать банду Чертова дюжина, но дракон заговорил сам:

— Снаряжайте военный корабль. Его паруса должны быть цвета морской волны. И борта его раскрасьте голубыми волнами. Так будет труднее вас заметить. И плывите, предавшись воле волн и ветра. Не сомневайтесь, вы окажетесь в нужное время на нужном месте. Если же вы хоть раз попытаетесь вмешаться в курс корабля, то не попадете к цели.

Дракон сделал паузу и продолжил:

— Наконец вы заметите рано утром на юге красные паруса.

— Чертова дюжина, — пробормотал Джим и невольно поежился.

— Так они называют себя, — сказал дракон. — Ты же, мой маленький повелитель, избавишь их от арифметической ошибки после того, как свяжешь их при помощи их собственной силы и их собственной слабости.

— Что он имеет в виду? — шепнул Джим Лукасу, но прежде чем тот ответил, дракон уже продолжал:

— Они явятся из их неприступной крепости, которую не видел еще ни один посторонний взгляд и к которой не подходил близко ни один корабль. Крепость эта находится далеко, в ужасной «стране, которой не бывает», уже больше тысячи лет она вздымается к небу посреди смятения элементов.

— А куда они будут плыть? — с волнением спросил Лукас.

— К железным утесам, чтобы встретить там дракона, которым была когда-то я. Ваш корабль они заметят лишь в последний момент. И тогда не теряя времени действуйте быстро и отважно. Знайте, что они — самые сильные, бесстрашные и беспощадные вояки и никогда еще не были побеждены.

Лукас задумчиво кивнул. У Джима вертелся на языке вопрос про его маленький паровоз, но он не успел его произнести, как дракон сказал:

— Что ты потерял, получишь назад. Что ты получишь назад, потеряешь. Но, в конце концов, все принадлежащее тебе ты обретишь навсегда, и твой взгляд пронзит его насквозь.

Тщетно силился Джим проникнуть в смысл этих загадочных слов. Но он уяснил главное: Молли, в конце концов, найдется. Или не так? Он в смущении спросил:

— Скажите, а битву против Чертовой дюжины мы выиграем?

— Ты победишь, — еще загадочнее ответил дракон, — но не в битве. Ибо победитель будет повержен, а поверженный победит. Поэтому слушай, мой маленький господин: в оке смерча ты увидишь звезду, красную, как кровь, и с пятью лучами. Хватай эту звезду и становись господином — так ты откроешь тайну своего происхождения.

Дракон замолк и, похоже, больше не хотел ничего говорить. Его смарагдовые глаза застыли и неподвижно смотрели вдаль поверх присутствующих.

Друзья еще немного подождали.

— Кажется, он все сказал, — прошептал Лукас. И, повернувшись к дракону, сказал: — Большое спасибо, Золотой дракон мудрости! Если мы и не поняли чего-то из сказанного, в любом случае мы знаем теперь, где найти Чертову дюжину.

— Да, спасибо, — с поклоном добавил Джим. Дракон не ответил, но в углах его рта снова мелькнула таинственная улыбка.

Друзья покинули зал в сопровождении императора, Ли Зи и Пинг Понга.

— Как странно все это, — сказала принцесса.

— Что будем делать? — пролепетал главбонза.
— Идемте в тронный зал, — сказал император, — там все обдумаем.

**Двадцать первая глава,
в которой появляется голубой корабль
с незаконным пассажиром**

— Я должен признаться, — сказал Лукас, когда все уселись в тронном зале на совет, — что из всего, что нам сказал Золотой дракон мудрости, понял едва ли половину.

— А я только четверть, — сказал Джим.

Другие кивнули, потому что у них все обстояло не лучше.

— Тогда, — сказал Лукас, закуривая трубку, — нам не о чем особенно совещаться, придется положиться на слова дракона.

— Что бы это значило: «око смерча», — задумчиво спросил император, — в котором Джим увидит звезду?

— И что это за «Страна, которой не бывает»? — добавила Ли Зи.

— И как понять насчет победителя, который повержен? — пропищал Пинг Понг. — И насчет того, что потерял, если получишь назад, или, того больше, что увидишь насквозь, если будешь повержен, или как там?

— Я действительно не знаю, — сказал император, — что все это значит.

Лукас задумчиво выпустил несколько колец дыма и сказал:

— Я думаю, постепенно все это выяснится. И, верно, будет лучше, если Джим сам откроет тайну своего происхождения.

— Но сперва нужно победить Чертову дюжину, — вставил Джим, — так и дракон сказал.

— Это в первую очередь, — кивнул Лукас. — Если они ускользнут от нас, приедут к железным скалам, а дракона там не окажется, кто знает, что они сделают с Молли.

— С чего же начать, досточтимые машинисты? — пискнул Пинг Понг.

— Ты сам слышал, — ответил Лукас. — Нужно снарядить военный корабль, покрасить его в голубой цвет и паруса тоже.

— Если вам будет угодно взять мой правительственный корабль, — предложил император, — то он в вашем распоряжении. Вы сами знаете, он скоростной и устойчивый.

— Спасибо, ваше величество, — сказал Лукас. — Я думаю, это лучше всего.

И они отправились в порт, чтобы приступить к приготовлениям.

Три дня — это очень короткое время, чтобы снарядить военный корабль и весь его разрисовать голубыми волнами. Император отправил в порт целое полчище мастеровых и специалистов, и работа шла полным ходом. Джим и Лукас отдавали распоряжения и помогали, чем могли.

И вот раскрашенный корабль с голубыми парусами готов к отплытию. На верхней палубе два ряда пушек. В команде тридцать матросов отличной выучки, которым уже не терпится победить Чертову дюжину.

Маскировочная краска действовала замечательно: издали корабль был не виден, сливаясь с волнами.

Маленький Пинг Понг в эти дни еще раз доказал свою деловитость. Последние ночи он почти не спал. И решил ехать вместе с друзьями.

— Потому что, — объяснил он с важной миной, — при аресте такой чрезвычайной банды, как Чертова дюжина, необходимо присутствие официального лица. Только тогда арест может считаться законным.

Лукас и Джим, конечно, попытались отговорить малыша от такого намерения, но Пинг Понг настоял на своем. И поскольку он, в конце концов, был главбонза, друзья согласились, взяв с него обещание, что в случае опасности он спрячется в своей каюте.

Вечером накануне отплытия все поужинали в тронном зале, и Ли Зи с Джимом пошли в парк погулять, покормить ручных буйволов и единорогов, шерсть которых блестела, как лунный свет.

Во все время долгой дружбы дети отлично понимали друг друга. Но как назло именно в этот вечер накануне опасной поездки случилось то, чего не было уже давно. Они поссорились. Правда, серьезных причин для ссоры не было. Так оно всегда и бывает. Впоследствии они и сами не могли припомнить, из-за чего все началось.

Джим как раз играл с ручной обезьянкой и сказал как бы между прочим:

— А ты знаешь, что Пинг Понг едет с нами?

— Нет, — удивилась принцесса. — А разве ему не страшно?

Джим пожал плечами и шагнул к голубому оленю с серебряными рогами, который пасся у фонтана.

В Ли Зи боролись противоречивые чувства. Конечно, она страшно боялась пиратов, но если даже Пинг Понг едет и раз Лукас будет там, то не может случиться ничего страшного. А ей уже давно втайне хотелось пережить какое-нибудь приключение. Она побежала вслед за Джимом и задыхаясь спросила:

— А не могли бы вы взять и меня?

Джим огорошенно посмотрел на нее:

— Тебя? Но ты же боишься!

— Вовсе нет, — сказала Ли Зи и покраснела. — И кроме того, ведь там будет Лукас, а ты сам говоришь, что когда он с тобой, бояться нечего.

Джим покачал головой.

— Нет, Ли Зи, — задушевно сказал он и обнял ее за плечи. — На сей раз это точно не для тебя. Ты маленькая девочка и к тому же принцесса. Ты не привыкла к таким трудностям. А в битве нам будет не до тебя. Мы не сможем из-за тебя вернуться домой, если, например, тебе захочется. Ты должна это понять, Ли Зи.

Джим не хотел сказать этим ничего плохого, и в другое время маленькая принцесса согласилась бы с его доводами. Но он говорил так, будто распоряжался ею. По крайней мере, так ей показалось. И это ее задело. Принцесса она или не принцесса? И, как это уже бывало, в ней взыграло чувство протеста.

— А я хочу поехать, — сказала она, — и я поеду.

— Нет, — ответил Джим, — это мужское дело. Лукас тоже так скажет.

— Знаешь что, ты! — гневно крикнула Ли Зи. — Не важничай! Ты сам-то храбрец лишь потому, что с тобой Лукас. А на самом деле ты маленький мальчик и даже еще не умеешь читать и писать.

Тут и Джим разозлился на такие слова.

— Есть люди, — сказал он, — которые учатся читать, писать и прочей чепухе, а есть люди, которые выдерживают всякие испытания. Для тебя, конечно, лучше остаться здесь и прилежно учиться, раз уж ты этим так гордишься!

— А я поеду с вами!

— Нет!

— Поеду!

— Нет!

— А вот посмотрим! — крикнула Ли Зи и убежала.

Джим вспрыгнул на спину голубого оленя, потрепал его по шее и мрачно пробормотал:

— Чего она задается... Принцесса Семимудрая!

Но ему было не по себе, ведь он совсем не любил ссориться с Ли Зи.

А принцесса побежала напрямик к отцу, который вместе с Лукасом сидел на террасе дворца.

— Что случилось, Ли Зи? — спросил император. — Почему ты так омрачена?

— Джим сказал, что я не поеду с ними, потому что это не для меня. А я хочу поехать.

— Джим прав, — ответил император с улыбкой, — будет действительно лучше, если ты останешься со мной, — и он погладил дочку по голове.

— А я хочу поехать!

— Послушай, маленькая красавица, — дружелюбно сказал Лукас, — ты поедешь с нами в другой раз. Для маленьких девочек воевать с пиратами дело действительно неподходящее.

— А я все равно поеду, — упрямо ответила Ли Зи.

— Такие приключения, — неторопливо сказал Лукас, — лучше слушать в виде рассказов. Но участвовать в них — это не особенно весело, ты должна знать по собственному опыту.

— А я все равно поеду, — пробормотала Ли Зи.

— Нет, — серьезно сказал Лукас, — никто из нас не сможет там позаботиться о тебе. Поэтому действительно ничего не выйдет.

— А я все равно хочу, — сказала Ли Зи.

— А я тебе запрещаю, — строго сказал император. — Давай больше не будем об этом говорить.

Маленькая принцесса побрела прочь. Она пришла в свою комнату и легла в постель. Но дух противоречия не давал ей покоя. Она не могла заснуть, ворочалась с боку на бок и все думала.

И посреди ночи, когда все придворные дамы уже заснули и все огни в императорском дворце были погашены, она встала, тихонько оделась и выскользнула через дверь кухни, которую ей когда-то показал Пинг Понг.

На улице было темно и безлюдно.

Маленькая принцесса побежала в порт, и когда вахтенный матрос шагнул на другую сторону верхней палубы, она прокралась на корабль и спряталась в трюме за мешками с провиантом.

«Вот Джим выпучит глаза, — подумала она, устраиваясь поудобнее. — Я все-таки еду!» — И с довольной улыбкой она заснула.

Двадцать вторая глава, в которой происходит великая битва с Чертовой дюжиной

Наутро за завтраком друзья были удивлены, что Ли Зи не пришла проститься с ними. Император послал за дочерью, но придворные дамы с тревогой сообщили, что ребенок, должно быть, где-то спрятался, его нигде нет.

— Наверное, — грустно сказал Джим, — она все еще сердится за вчерашнее.

— Это очень нелюбезно с ее стороны, — строго сказал император, — придется сделать ей внушение.

— Маленькая принцесса — она и есть маленькая принцесса, — успокоил его Лукас. — Передайте ей от нас большой привет, а когда мы вернемся, мы

обязательно устроим специально для нее морское путешествие.

Император проводил друзей в порт, обнял их и сказал:

— Да защитит вас небо, и пусть вам сопутствует удача, как это было до сих пор. В моем государстве смолкнет смех и музыка до того часа, когда вы благополучно вернетесь назад.

Он и не предполагал, насколько справедливы окажутся его слова!

Друзья поднялись на корабль, наступил час отплытия, подняли якорь и убрали трап.

Провожжающие с замершим сердцем следили, как корабль медленно удаляется.

Лукас и Джим поднялись на капитанский мостик к своему старому другу капитану, лицо которого было обветрено, как кора дерева.

— Ну, куда же править, друзья мои? — спросил капитан.

— Это мы и сами, к сожалению, не знаем, — ответил Лукас и выпустил облако дыма. — Золотой дракон мудрости сказал, мы должны пустить корабль по воле волн и ветра.

Капитан с недоумением оглядел обоих друзей.

— Или вам это примерещилось, — пробурчал он, — или вы все-таки хотите на сей раз меня разыграть. Тогдашняя история с плавучим островом, правда, сбылась, но то, что вы говорите сейчас, все же слишком.

— Нет, — заверил Джим, — это действительно так. Дракон даже сказал, если мы попытаемся куда-нибудь править, мы уже не попадем в нужное место.

— Да пусть меня защекочет вареный омар, — прорычал капитан. — Ведь надо мной будут смеяться даже сардины в масле! Я уже ко многому с вами

привык, но таким сумасшедшим курсом еще не плавал ни один моряк на свете. Все-таки вы должны знать, куда хотите.

Рулевому был отдан строгий приказ не прикасаться к штурвалу, и тот озадаченно глядел, как это колесо крутится само по себе.

Станным, зигзагообразным курсом корабль удалялся в открытое море. Матросы бездействовали. На верхней палубе был солнцепек.

Так прошел один день.

Когда наступила ночь, Джим и Лукас прилегли в своей каюте, но жара была непереносимой. Они беспокойно ворочались и не могли заснуть.

В полночь подул свежий ветер и какое-то время гнал корабль вперед, но к утру все стихло. Море замерло в полном штиле, не было даже ряби на воде.

Когда в утренних сумерках Джим и Лукас вышли на палубу, большинство матросов из команды молча стояли, выжидая чего-нибудь, и поплевывали за борт.

Напряжение нарастало с каждой минутой. Единственный, кто на этом корабле безмятежно спал глубоким сном, был крошечный главбонза. Труды последних дней так его утомили, что, едва корабль отплыл, он пробрался в корабельную кухню — так называемый камбуз — и выпил целую бутылочку молока ящерицы. Это была, как вы помните, по его мнению, самая подходящая и полезная пища для маленьких детей в нежном возрасте. Потом он отыскал себе местечко попрохладнее и заснул там: в деревянной лоханке. А чтобы свет не будил его, он раскрыл над собой пестрый шелковый зонтик. И спокойно заснул, и его посапывание отдавалось внутри лоханки, как жужжание запертой мухи.

А что же Ли Зи?

Принцесса провела ужасную ночь. Все ее мужество давно прошло. Она сидела в своем укрытии за мешками и смертельно боялась. То, что на корабле было так тихо, только умножало ее страхи, потому что иногда ей казалось, что она вообще тут одна и ее несет в открытый океан навстречу Чертовой дюжине.

Вот на восточном горизонте уже рассвело, тут вдруг налетел порыв ветра, и поверхность воды покрылась рябью. Ветер подул с юга. В тот же момент матрос, который вел наблюдение с верхней мачты, крикнул:

— Корабль! Корабль! С юга!

Все напряженно взгляделись в южный горизонт и затаили дыхание.

И тут они увидели его! Большой корабль возник внезапно и приближался с невероятной быстротой. Все его паруса были подняты, красные, как кровь, и на самом большом была нарисована черной краской цифра 13.

— Это они! — прошептал Джим.

— Да, — ответил Лукас, — начинается, старина. Как только они нас заметят, мы должны напасть на них, чтобы они не успели удрать. Их корабль самый быстроходный, какой мне только приходилось видеть.

— Тревога! Тревога! — послышался мощный голос капитана над палубой. — Свистать всех наверх!

Команда заняла свои места у пушек, готовая к бою. Кроме того, матросы были вооружены саблями и у каждого за поясом был пистолет.

Пиратский корабль быстро приближался. Теперь их разделяла разве что одна миля. Но, похоже, там еще никто не заметил голубой корабль.

— Джим! — вдруг прозвенел испуганный голосок Ли Зи. Она пробежала по палубе к обоим друзьям и крепко прижалась к Лукасу, сбивчиво лопоча: — Пожалуйста, нет! Пожалуйста, не надо! Быстрее уедем отсюда! Я хочу домой! О пожалуйста, не надо!

И она разрыдалась и дрожала, сотрясаясь всем телом.

— Проклятье! — сказал Лукас сквозь зубы. — Этого нам только не хватало! Что будем делать?

Какое-то мгновение он колебался, устраивать ли атаку с маленькой принцессой на борту. Джим от неожиданности совсем растерялся.

— Ли Зи! — только и проговорил он. — Зачем ты это сделала?

— Уведи ее вниз! — приказал Лукас. — И запри в нашей каюте, чтоб она была в безопасности. Наверху сейчас будет жарко.

Джим увел плачущую девочку вниз.

Этой короткой сцены было достаточно, чтобы Лукас упустил подходящий момент. На расстоянии в полмили пираты наконец заметили голубой корабль и молниеносно повернули на восток.

— В погоню! — крикнул Лукас.

— Начинаем погоню! — прогремел голос капитана. Штурвальный прыгнул к рулю, половина команды поднимала паруса, вторая наготове стояла у орудий. Пиратский корабль повернул еще раз и поплыл против ветра на юг, все время петляя зигзагами.

Джим между тем снова был на палубе рядом с Лукасом.

Пиратское судно как раз проплывало метрах в ста от них, и можно было разглядеть на палубе пиратов. Они стояли, скрестив руки на груди, и посмеивались. Там же была Молли, привязанная толстым канатом.

— Молли! — закричал Джим. — Молли, мы здесь!

— Ударим-ка их по носу, — сказал капитан. — Чтобы остановились. Может, они сдадутся добровольно.

— Вряд ли, — Лукас выбил свою трубку и спрятал ее в карман. — Джим, старина, у меня такое чувство, что сегодня нам скучно не будет.

— Огонь! — крикнул капитан, и выстрел прогремел над морем. Ядро не долетело до носа «Чертовой дюжины» и упало в воду.

— Ха-ха-ха-ха! — слышался хохот пиратов, и они тотчас громко запели:

Тринадцать пиратов сидят на гробу,
Хо-хо-хо, и бочонок рому...

— Хорошо, — прокрипел зубами капитан, — если они не хотят по-другому! Внимание! Пушки на баке — залпом — пли!

Гром десяти пушек прокатился над морем. Пороховой дым на мгновение заслонил видимость. Когда он рассеялся, стало видно, что пиратское судно быстро сманеврировало и все ядра упали в воду.

— Ложимся в дрейф! — крикнул капитан, чтобы снова догнать Чертову дюжину, и, повернувшись к Лукасу, продолжил: — Лучше бы эти ребята меня не злили, иначе им придется кое-что испытать.

Пираты между тем придумали что-то новое. Больше они не подпустили к себе правительственный корабль на расстояние выстрела. Они то удалялись до горизонта, так что почти скрывались из виду, то снова останавливались и поджидали правительственный корабль.

Зачем они это делали? Почему бы им было просто не скрыться навсегда?

— Я не знаю, — проворчал Лукас и сдвинул свою кепку на затылок. — Эта история мне что-то не

нравится. У меня такое неприятное чувство, что они хотят заманить нас в ловушку.

И он был абсолютно прав.

Пиратское судно, играя с ними в кошки-мышки, увлекало их в сумрачное море. Вода вдруг начала темнеть, а небо затягиваться черными тучами. Резкий ветер засвистел в парусах. Волны становились все выше и круче.

— Они заманивают нас в тайфун! — крикнул Лукас капитану и натянул кепку поглубже.

— Да, — ответил капитан, — умнее всего будет повернуть назад.

— Я согласен! — ответил Лукас.

— Ложимся в дрейф! — приказал капитан громовым капитанским голосом. — Разворачиваемся!

Однако если они думали, что Чертова дюжина так просто отпустит их домой, то они ошибались. Наступил момент, которого пираты только и дожидались. Они стремительно обогнали корабль и перерезали ему путь.

— Ну, теперь мы вам покажем, бандиты! — гневно крикнул капитан. — Пушки на рулевом борту — залпом — пли!

Снова над морем грянул выстрел десяти орудий. На сей раз ядра не промахнулись. Но что это? Вместо того, чтобы сделать пробоины во вражеском борту, ядра отскочили от него и рикошетом полетели назад, упав на собственную палубу.

— Вот черти! — прорычал Лукас. — Да у них бронированный корабль!

Сквозь вой ветра доносился издевательский гогот пиратов и песня:

Семь футов под килем и море вина,
Хо-хо-хо, и бочонок рому!
Покуда их всех не прибрал сатана!
Хо-хо-хо, и бочонок рому.

— Вот сатана вас сейчас и приберет! — проскрежетал капитан и дал команду: — Огонь — пли!

Все утонуло в дыму, и снова ядра, оттолкнувшись от пиратского борта, попали на собственную палубу.

— Прекратите! — крикнул Лукас. — Это бессмысленно, капитан.

— А что же нам еще делать? — сквозь шум прокричал капитан.

— Надо попробовать уйти от них, — ответил Лукас.

Однако легко сказать. Теперь открыли огонь пираты. Один залп за другим обрушились на правительственный корабль. Чертова дюжина была то слева, то справа, непрерывно стреляя.

— Хо-хо-хо, и бочонок рому! — слышался рев пиратов.

Ветер, гудевший в парусах, начал каждую секунду менять направление, то он дул с севера, то с юга, то с востока, то с запада. Голубые паруса рвались в клочья.

— Это тайфун! — крикнул Лукас капитану.

Да, это был тайфун. Яркая молния ударила с неба в большую мачту правительственного корабля, и она тотчас загорелась. Оглушающе гремел гром. Волны с ревом обрушивались на корабль и перелестывали палубу. Шторм бушевал, как будто разверзлась бездна. Непрерывно сверкали молнии. Потом разразился ливень и взбил море в пенное месиво, оно стало похожим на кипящее молоко. И это было счастье, если в такой момент вообще уместно применить это слово, потому что дождь потушил на корабле пожар.

Между черным небом и белым морем болтались два корабля, с голубыми и красными парусами.

Но пиратскому судну тайфун, казалось, был нипочем. Оно ныряло, как дельфин, и шныряло по всем направлениям. И сквозь рев шторма слышалась дикая песня пиратов:

Тринадцать пиратов сидят на гробу,
Хо-хо-хо, и бочонок рому.
Три ночи пируют и хвалят судьбу...

И они дали новый залп в сторону правительственного судна, которое и так уже было разбито, все больше превращаясь в обломки. От него отлетали куски обшивки. Потом упал за борт рулевой. Его смыло мощной волной, но он успел схватиться за какой-то обломок и не утонул.

Корабль, который без рулевого был теперь полностью предоставлен ярости шторма, скрипел и стонал. Лукас прижал к себе Джима, и тут его отшвырнуло к обгоревшей мачте и сильно ударило.

— Мы бессильны, Джим, — хрипло сказал он, — надо ждать, когда эти ребята пойдут на abordаж...

Дождь перестал так же внезапно, как разразился. Пираты снова дали залп и после этого вплотную прижались к правительственному кораблю. Бок о бок с потерявшим управление правительственным судном на кипящих волнах качался их корабль. Длинными баграми, на концах которых были железные крюки, они соединили оба корабля и, обнажив сабли, попрыгали на чужую палубу с громким ревом «хо-хо-хо». Можно представить, какие зверские у них при этом были рожи. Все они с точностью до волоска походили один на другого, и различить их было невозможно.

— Вперед, Джим, — крикнул Лукас, — захватим Молли!

И они ринулись в гущу битвы. Лукас схватил тяжелую железную штангу и прокладывал себе ею дорогу. Джим держался за ним. Вскоре они добрались до паровоза. Лукас выбил у одного из пиратов его саблю, схватил его и швырнул вниз по лестнице в трюм пиратского корабля. Потом несколькими ударами перерубил канаты, которыми была привязана Молли, и вдвоем с Джимом они покатали ее по расколотым реям и по обломкам на свой корабль, который все еще плавал борт о борт с пиратским.

Увидев это, пираты забросали верхнюю палубу правительственного корабля горящими факелами. Некоторые из них погасли от воды, но некоторые упали в трюм, где раньше сидела Ли Зи. И вскоре оттуда повалил густой дым.

У правительственных матросов был численный перевес, но некоторых уже смыло за борт волной или столкнули пираты. Но будь их даже вдесятеро больше, это бы не помогло. С такими громадными великанами, не знающими страха, им было бы не управиться. Все меньше становилась кучка тех, кто еще отчаянно боролся. Одного за другим пираты связывали и тащили на свой корабль.

Когда разразился тайфун, Пинг Понг проснулся, и, поскольку помочь ничем не мог, ему оставалось бессильно наблюдать все происходящее. Последним, кто еще боролся, как лев, был Лукас. Но когда на него набросились сразу семеро гигантов, сдался и он. Его связали, перетащили на пиратское судно и там бросили в трюм в кромешную темноту.

Где же был в это время Джим?

Он незаметно сумел взобраться на последнюю уцелевшую мачту правительственного корабля. Но тут снизу вырвались языки пламени и подожгли обрывки паруса. Правда, Джима надежно скрыло копотью и гарью, но он чуть не задохнулся в ней. Пламя подкрадывалось все ближе и ближе. У Джима

не оставалось выбора: когда оба корабля наклонились один к другому и мачты их сблизились, он перепрыгнул на такелаж пиратского судна. Там он повис между красными парусами и крепко вцепился за мачту. Он видел, как пираты обыскиали правительственное судно сверху донизу, как они привели Ли Зи и швырнули ее на свой корабль к прочим пленникам, а потом все, что было из оружия, амуниции или дорогих вещей, перетащили на свой борт.

Управившись с этим, они начинили разбитый корабль порохом, подожгли длинный шнур, прыгнули на свой борт и быстро поплыли прочь. Когда они отделились метров на сто, на покинутом судне грянул взрыв, судно переломилось посередине, и обе половины ушли под воду. Какое-то мгновение Джим видел, как блеснул котел его маленького паровоза — и все исчезло в волнах.

— Молли! — тихо всхлипывал Джим, и две крупные слезы скатились по его черным щекам. — Ах, Молли!

На поверхности волн еще плавали бревна и обломки, а чуть подальше отплывала деревянная лоханка, и над ней был раскрыт пестрый шелковый зонтик. Что в лоханке сидит Пинг Понг, Джим не мог догадываться.

**Двадцать третья глава,
в которой судно с красными парусами
приплывает в Страну,
которой не бывает**

Лукас очнулся из своей контузии. Вокруг него было совершенно темно, но он услышал рядом чье-то дыхание.

— Эй! — шепнул он. — Кто тут?

— Это вы, господин машинист? — отозвался голос капитана так же тихо. — Хорошо, что вы живы. А то мы боялись, что вы убиты.

— А, капитан, это вы, — прошептал Лукас. — А кто тут еще?

— Кроме меня, еще одиннадцать моих моряков, — ответил капитан. — Мы связаны. И наша маленькая принцесса тут же. С нею все хорошо, если можно применить это слово.

— А что это был за взрыв? — испуганно спросила Ли Зи. И капитан ответил:

— Видимо, пираты взорвали наш корабль.

— А Джим Пуговица? — спросил Лукас. — Где он? Ответа не было.

— Джим! — закричал Лукас и начал рвать на себе путы, как безумный. — Его нет? Кто-нибудь видел его? Где мальчик? Что с ним? Где мой друг?

Путы глубоко врезались в тело, и Лукас оставил попытки освободиться. В темном трюме воцарилась подавленная тишина.

Через некоторое время Ли Зи всхлипнула и запинаясь сказала:

— Джим! Милый Джим! Зачем я тебя не послушалась! Ах, Джим, как я могла быть так несправедлива к тебе!..

— Поздно, Ли Зи, — сказал Лукас приглушенным голосом. — Слишком поздно.

А Джим сидел наверху на такелаже среди красных парусов и сильно мерз. Его промокшая одежда прилипла к телу, зубы стучали, он крепко вцепился в канаты. Тайфун все еще бушевал, не уменьшая напора. Но это было еще не самое худшее. Много хуже было то, что на такой высоте сильно качало. Джим порой и не знал, наверху он или внизу, и временами

ему становилось так дурно, как никогда в жизни. Но он отчаянно держался — ни за что нельзя было дать пиратам заметить себя, иначе все пропало. Он был единственным, кто мог освободить пленников.

Джим стиснул зубы. Он надеялся, что когда-нибудь этот шторм успокоится. И разве дракон не сказал, что целью пиратов являются железные утесы? Может, там смогут помочь Непомук или Ушау-Ришуум?

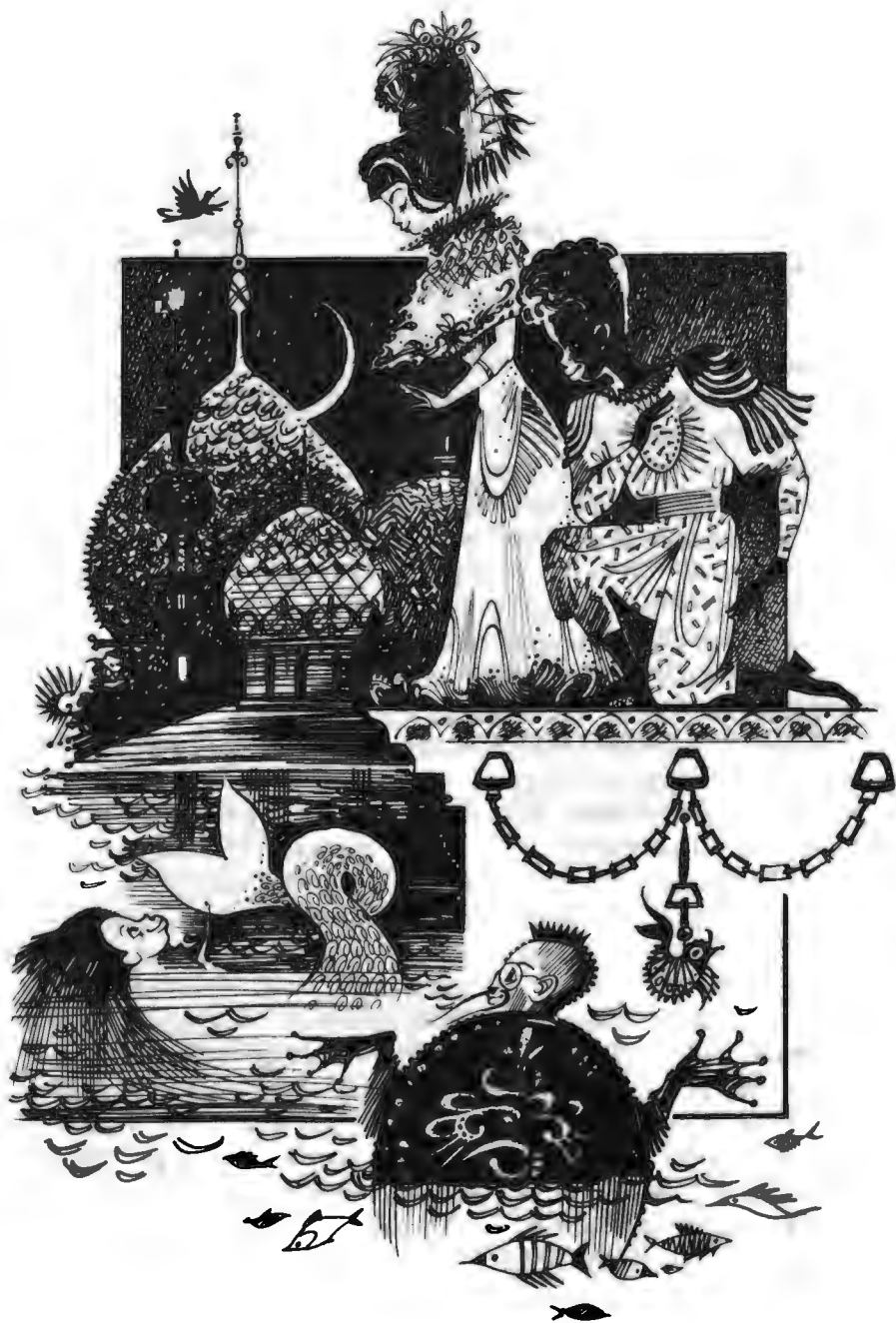
Если бы Джим знал, куда этот корабль движется на самом деле, у него, может, и не хватило бы сил выдержать. Пираты давно отказались от плана встретиться с госпожой Зубояд. Это приключение с замаскированным кораблем насторожило их и вызвало подозрение. Что-то подсказывало им, что дракон причастен к этому делу.

Корабль с красными парусами на большой скорости уносился все дальше на юг навстречу ужасной Стране, которой не бывает!

Целый долгий день длилось это путешествие, потому что страна пиратов находилась где-то в стороне южного полюса. У другого корабля на такой путь ушло бы, наверное, несколько недель, но пиратское судно преодолело этот путь к началу ночи.

Сперва Джим увидел далеко на горизонте какую-то громадную черную колонну, столб, соединивший море и тучи. Потом он разглядел, что эту колонну чудовищной толщины непрерывно пронизывают молнии, и она бешено вращается вокруг собственной оси. Он услышал невообразимый рев, исходящий от этой колонны, и вдруг понял, что это такое: смерч, вихрь такой мощи, что он захватывает воду моря и вздымает ее до высоты неба.

«Но не въедут же они в него! — это было все, что Джим успел подумать. Почти в то же мгновение

корабль был уже у стены смерча. И тут проявилось невероятное искусство пиратов управлять судном. В этом им не было в мире равных. Сперва они с нарастающей скоростью сделали несколько кругов вокруг ураганной колонны. А достигнув такой же скорости, с какой вращался вихрь, они направили корабль прямо в него и дали ему захватить себя. Теперь они поднимались ввысь, все глубже всасываясь в середину колонны. Середина была полая, как в громадной трубе. И вдруг корабль плотно сел на твердую почву и заскользил вверх по какому-то катку, который улиткой закручивался вокруг островерхой скалы. Внутри урагана была тишина, и корабль скользил по этому желобу вверх, пока не остановился. Джим, почти оглушенный, висел на канатах такелажа, и ему потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя и осмотреться. Скала, на которую они приземлились, возносилась высоко в небо — может, на тысячи метров. Черные камни были исчерблены молниями. Бесчисленные маленькие и большие пещеры и ниши придавали этой горе вид колоссальной губки. Кроме того, всюду сквозь камни пробегали красные жилы и капилляры, переплетая всю скалу.

Это и была ужасная Страна, которой не бывает.

Чтобы по-настоящему понять смысл этого названия, нужно кое-что знать, чего Джим тогда не знал: все острова и горы на земле пребывают на том месте, где их поставила природа. Эта же скала возникла здесь вопреки природе. Почему, мы узнаем немного позже. Во всяком случае, здесь полагалось быть лишь гладкому морю, над которым ветер мог странствовать свободно. С возникновением же скалы был нарушен весь порядок, и элементы природы восстали против существования этой страны и из всех сил продолжали бороться. Но возмущенный на-

тиск элементов был со всех сторон одинаков, поэтому образовался могучий вихрь, в середине которого эта незаконная гора пребывала в полном покое и защищенности.

Джим наблюдал, как пираты сгружали все награбленное в одну пещеру. Управившись, они вывели пленных и тоже погнали их в черные скалистые ворота, первым капитана, потом одиннадцать матросов, потом Ли Зи и последним Лукаса.

То ли случайность, то ли некое подозрение заставило машиниста еще раз оглянуться и бросить взгляд на такелаж пиратского судна? Но он сделал это, и в то же мгновение сердце его подпрыгнуло от радости: на долю секунды он увидел черное личико Джима, выглянувшее из-за красного паруса, кивнувшее ему и тотчас вновь исчезнувшее. Лукас не выдал своего открытия пиратам ни единым движением, но от пристального наблюдателя не ускользнула бы вспышка радости в его глазах.

Теперь Джим был один на корабле. Он уже боялся, что пираты спустят паруса и обнаружат его. Он ведь не знал, что Чертова дюжина никогда не спускает паруса, чтобы в любое мгновение быть готовой к отплытию.

Поскольку ни один из пиратов пока не показывался, у Джима было время как следует оглядеть Страну, которой не бывает.

Он долго смотрел на темную стену воды, которая продолжала в бешеном вихре вращаться вокруг горы, пронизанная молниями. К реву его уши уже привыкли, так что он его уже не замечал. А кроме этого рева больше ничего не было слышно. Джим медленно перевел взгляд вверх и, когда поднял совсем в зенит, увидел в бесконечной выси маленький кружок неба, которое глядело на него как неподвижный глаз.

В ОКЕ СМЕРЧА, — вдруг пронеслось у него в голове, — ТЫ УВИДИШЬ ЗВЕЗДУ...

Так вот что имел в виду Золотой дракон мудрости! Однако как бы он мог схватить эту звезду, если она даже появится там наверху?

Джим подождал еще немного и, когда совсем стемнело, осторожно спустился с такелажа на палубу, огляделся и скользнул с корабля, а потом в пещеру, где исчезли пираты с пленниками.

Перед ним оказалось сложное распутье разнообразных ходов и туннелей разной ширины. Как будто он действительно очутился внутри громадной губки. Но камень был жестким и острым, как стекло.

Джим непременно заблудился бы в этом лабиринте, если бы пираты не обозначили свой путь горящими факелами, торчавшими слева и справа в пористых стенах. Ход петляя уводил вниз внутрь горы, то сужаясь, то расширяясь, минуя пещеры и гроты. Тут хранились всевозможные пиратские запасы: оружие, тюки парусины и бухты канатов. Чем глубже проникал мальчик, тем отдаленнее и глуше доносился снаружи рев вихря. И наконец стало совсем тихо. Теперь Джим слышал лишь собственные шаги и стук собственного сердца.

Через некоторое время он услышал голоса:

— Хо-хо-хо, и бочонок рома... — доносилось из глубины, и потом снова гогот и ржание. Еще осторожнее Джим пробирался дальше. Должно быть, теперь он очутился совсем близко от пиратов.

Уже отчетливо различались отдельные голоса. Коридор сделал еще один изгиб, и когда мальчик выглянул из-за уступа, он увидел большую пещеру, посреди которой горел костер. Вокруг костра на шкурах белого медведя сидели и лежали пираты. Очевидно, у них был ужин, потому что над огнем

на вертеле жарилась целая свинья, от которой каждый отрезал сколько хотел своей саблей. Их чавканье доносилось даже до Джима. Обглоданные кости они бросали за спину на землю. У каждого в руке была кружка, которую они наполняли из бочки с ромом.

При виде и запахе жаркого Джим почувствовал слабость. Его желудок был ужасно пуст. Однако сейчас, конечно, был не самый подходящий момент думать о еде. Он бесшумно опустился на землю и вполз в зал, все время боясь попасться на глаза пиратам. Но те были слишком заняты пиршеством. И мальчику удалось доползти до веревочной бухты и забраться внутрь. Это было хорошее укрытие, потому что отсюда было слышно, о чем говорят пираты. А если раздвинуть пальцами витки каната, можно и увидеть происходящее. Может, сейчас он узнает, где пленники.

Двадцать четвертая глава, в которой Джим видит звезду в ОКЕ СМЕРЧА

Полное сходство пиратов между собой было поистине удивительным. У всех были одинаковые шляпы на голове, на каждой был нарисован череп со скрещенными костями. Все носили одинаковые куртки, шаровары и сапоги раструбом. За поясом торчали кинжалы и пистолеты. Фигуры и лица у них тоже были совершенно одинаковы. До пояса свисали черные усы, глаза посажены так близко, что казалось: они их все время скашивали к носу. Зубы у всех большие и желтые, как у лошадей, и в ухе у каждого серьга. И голоса у всех одинаковые — низ-

кие и хриплые. Короче, невозможно было отличить одного от другого.

Управившись с едой, они заново наполнили свои кружки и вскоре повеселели, насколько вообще могут быть веселыми такие мрачные личности.

— Братва! — рявкнул один и взмахнул своей кружкой. — Когда я представлю себе, что эта бочка марки «драконья глотка» у нас, может быть, последняя — все, пиши пропало: мне тогда жить дальше неохота.

— Чепуха! — сказал другой. — Мы еще достанем выпивку не слабее этой. Выпьем, братва!

Все залпом выпили свои кружки и тотчас принялись орать песню:

Тринадцать пиратов сидят на гробу.
Хо-хо-хо, и бочонок рому.
Три ночи пируют и хвалят судьбу.
Хо-хо-хо, и бочонок рому.
Семь футов под килем и море вина,
Хо-хо-хо, и бочонок рому.
Покуда их всех не прибрал сатана,
Хо-хо-хо, и бочонок рому!

Они пели то все вместе, то кому хотелось. При этом каждый старался перекричать остальных. Потом все снова начинали ржать. Это был просто адский концерт.

— Спокойно! — прогремел один из них. — Я хочу сказать!

— Тихо! — выкрикнули другие. — Капитан будет говорить!

Пират поднялся, расставив ноги. Это, значит, и был капитан. Джим соображал, как же они узнают, что это именно он, ведь от остальных он ничем не отличался.

— Братва! — начал капитан. — Сегодня у нас была замечательная добыча. Черт с нами, он действительно был сегодня с нами. И поэтому я хочу сказать. На свете есть, может быть, много двойняшек, бывают и тройняшки, и даже четверняшки, пусть хоть бы и пятерняшки! Но такие проклятые ребята, как мы, тринадцатиряшки, бывают только однажды! Да здравствует Чертова дюжина, ура, ура, ура!

Все остальные подхватили рев славы в свою честь.

Теперь Джим понял, почему они все как из одного яйца. И попытался представить себе, каково быть тринадцатикратно повторенным. Он обрадовался своей однократности.

Тут поднялся другой пират и сообщил:

— Я тоже хочу сказать! Заткнитесь!

Все с ожиданием смолкли, и детина продекламировал:

— Север, юг, восток и запад Оку смерча нипочем, Пока есть «драконья глотка» и покуда с нами черт.

Он был вознагражден рукоплесканиями.

Похоже, пираты не отличались большим талантом, но зато из этого сочинения Джим узнал, что их крепость называется Око смерча.

Снова ему вспомнились слова Золотого дракона мудрости.

— А что сделаем с пленными? — спросил теперь один из пиратов. — Уморить их голодом? — При этом он указал большим пальцем на дверь-западню в дальнем углу зала. — А девчонку драконице!

У Джима мороз по коже пробежал. Теперь он наконец знал, где Лукас, Ли Зи и все остальные. Но сейчас пока что нельзя было их освободить. Надо ждать благоприятного момента.

— Чепуха! — прогремел тот, которого остальные называли капитаном. — Приказы здесь отдаю я! Черт, падаль и синий горох! И я приказываю завтра утром бросить пленных акулам!

Пираты зароптали.

— Заткнитесь! — продолжал главарь. — Драконица больше не придет. Должно быть, она нас предала, потому что никто, кроме нее, во всем мире не знал наших путей. Драконица заимела на нас зуб, это ясно. И отныне она наш враг и ничего от нас не получит. Разве что хороший пушечный заряд в жирное брюхо!

— Ура! — воодушевленно проревели остальные. — Мы разотрем ее в порошок, если встретим!

— Но девчонка! — спросил один из пиратов. — Ее мы тоже бросим акулам?

— Нет, — ответил капитан. — Мы оставим ее здесь, и когда она вырастет, будет вести у нас хозяйство.

— Хо-хо-хо! — довольно заржали остальные. — А это ничего идея, капитан, это мысль что надо!

— А не показалось вам, — проревел один из пиратов, — что эта девчонка нам уже знакома? У меня такое чувство, что я ее где-то видел.

— Братишка, — сказал другой, — да мы столько ихнего брата переловили, что легко и перепутать.

— Да, — добавил третий, — одной только драконице мы перевозили их целое стойло.

— И за это получали нашу выпивку, — рявкнул четвертый. — До определенного случая. Помните, братва, того черного мальчишку? Который плыл по морю в просмоленной корзине, а мы его поймали, а? Это было после сильного шторма.

Джим снова вздрогнул. Разве это не о нем речь? Он затаил дыхание и вслушался.

— Еще рядом лежала корона и золотая трубка, а внутри нее кусок исписанного пергамента.

Пираты вдруг притихли, вспоминая. Дитина продолжал:

— А на пергаменте была какая-то дурацкая надпись, помните, братцы? Кто сделает ребенку зло, у того отнимется сила и свяжет того, потому что мальчик делает нечетное четным. Или что-то в этом роде. Вот поэтому, наверно, у нас не будет больше выпивки!

— Чепуха! — проревел капитан. — Может, мы неправильно прочитали. Ведь каждый из вас, о слов, знает, только две буквы! Может, там было написано что-нибудь совсем другое.

— Да сам-то ты умнее, что ли? — обронил один.

— Тихо! — рявкнул капитан и ударил своей кружкой по полу. — Не устраивать здесь бунта! Кроме того, мы выудили мальчишку из воды. Без нас он бы утонул. Так что мы сделали доброе дело.

— Но мы отправили его к драконице в посылке, — ответил другой, — потому что у нас не было времени его отвезти.

— А что же, нам надо было его усыновить? — вставил третий. — Бараны вы головы, если черный мальчишка попал к драконице, то все хорошо. Оттуда-то он не убежит.

— Отлично, брательник, — сказал четвертый, — только он, к сожалению, туда не попал. Помнишь, как она разъярилась, когда мы хотели получить свою водку?

— Да кончайте вы с этой историей! — прохрипел капитан, рассердившись. — Проклятая драконица дурила нас уже тогда. Провалиться ей! Но отныне этого больше не повторится. Мы напишем ей письмо, что мы ее раскусили и что она свое получит!

Другие пираты зароптали: в такой праздничный вечер — и такая трудная работа! Лучше они напишут письмо как-нибудь в другой раз.

— Ах вы, акулы и мурены! — ругался капитан. — Что я сказал, должно быть исполнено, понятно?

И они присмирели, принесли чернила, ручку, бумагу и начали все вместе писать письмо.

Джим мог наблюдать из своего укрытия, как они это делали: каждый вставал и записывал свою букву, потому что каждый знал лишь две. Один, например, умел писать А и Г, другой — Е и В, третий — М и У и так далее. Но букв другого никто не знал, и потому они не замечали, что один из них вместо Ш всегда писал Ж. Это был тот, которого они называли капитаном, он был самый малограмотный. Только цифры 1 и 3 знали все, потому что они отчетливо были написаны у них на парусе.

Во время этой работы у них выступил пот на лбу, а глаза чуть не вылезали из орбит от напряжения.

Наконец после споров и разногласий они изготовили такое письмо:

«Многауважаемая госпажа Зубояд. Мера нажего тирпения пириполнина. Вы узнаите. Мы знаим тирпер что вы придател. Поетому мы атныни враги. Если мы вас найдем, то не спаслис. С недружеским приветам

Чертова дюжина».

Если бы Джим умел читать, он бы заметил одно странное обстоятельство. Тут не хватало нужных букв. Их было здесь всего двадцать четыре. Но Джим не умел читать.

Эти пираты были чертовски храбры, сильны, как быки, и отважны. Но тут Джим впервые увидел

собственными глазами, что этого мало, если не хватает ума. И все же каждый из них хоть знал две буквы, а он? Ни одной.

Пираты сидели какое-то время вокруг костра, утомившись от тяжелой работы, и время от времени подкреплялись хорошим глотком из своих кружек. Некоторые сняли свои шляпы, чтобы вытереть пот, и тот, что называл себя капитаном, отбросил свою шляпу назад.

И эта шляпа очутилась неподалеку от веревочной бухты, где прятался Джим. Джим посмотрел на этот головной убор с намалеванным черепом, и ему показалось, что эта шляпа чем-то отличается от других. И тут он разглядел: к ней была приколотая красная звезда. В то же мгновение Джим вспомнил слова Золотого дракона мудрости: **ХВАТАЙ ЗВЕЗДУ И СТАНОВИСЬ ГОСПОДИНОМ!**

Не успев толком ничего обдумать, Джим просунул руку сквозь витки веревочной бухты и отколол булавку со звездой. Он вовремя сделал это, потому что в следующий момент капитан встал, вразвалочку подошел к своей шляпе и поднял ее. Джим замер, зажав звезду в кулаке, так что ее острые концы укололи ему ладонь. Но пират ничего не заметил.

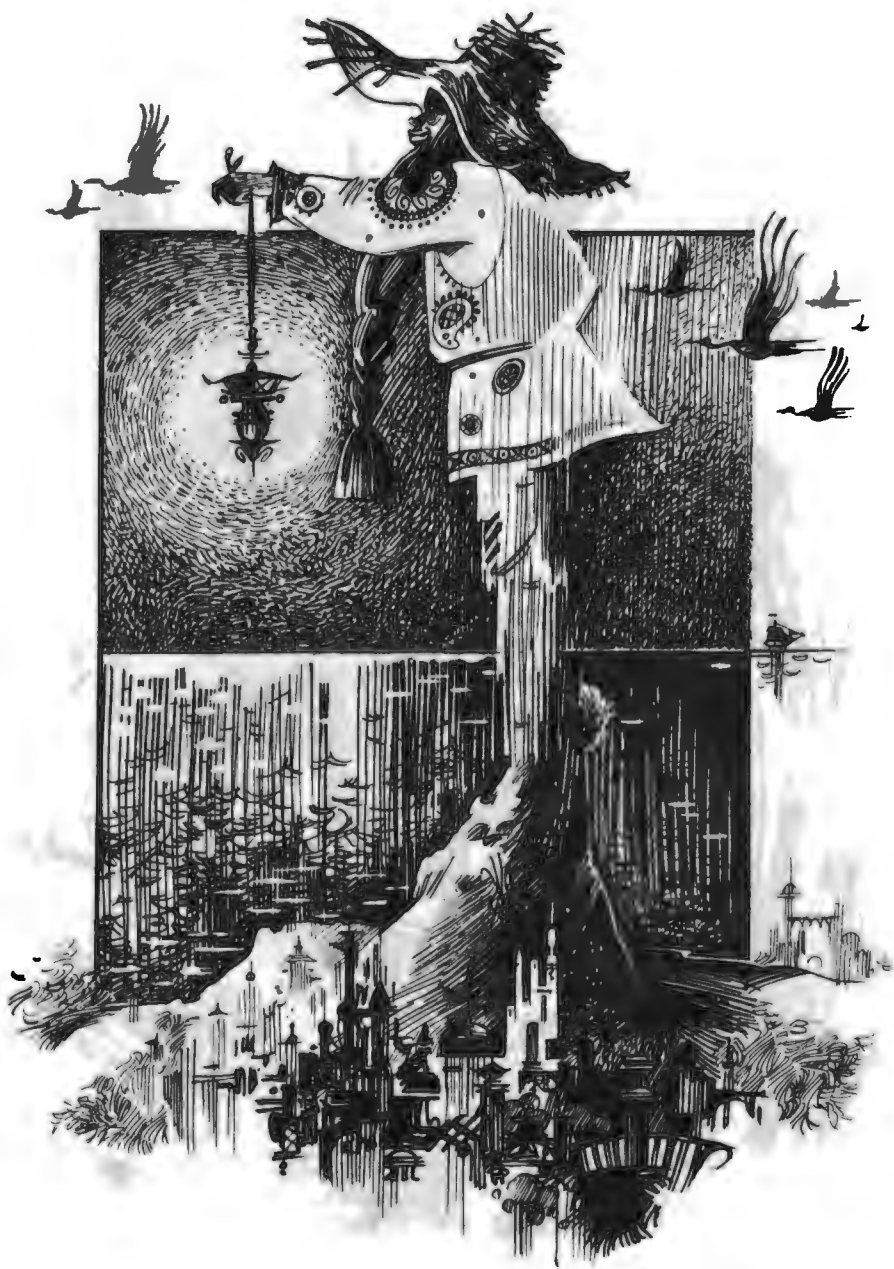
— Теперь, — сказал он, вернувшись к компании, — осталось написать только адрес, вы, ослы!

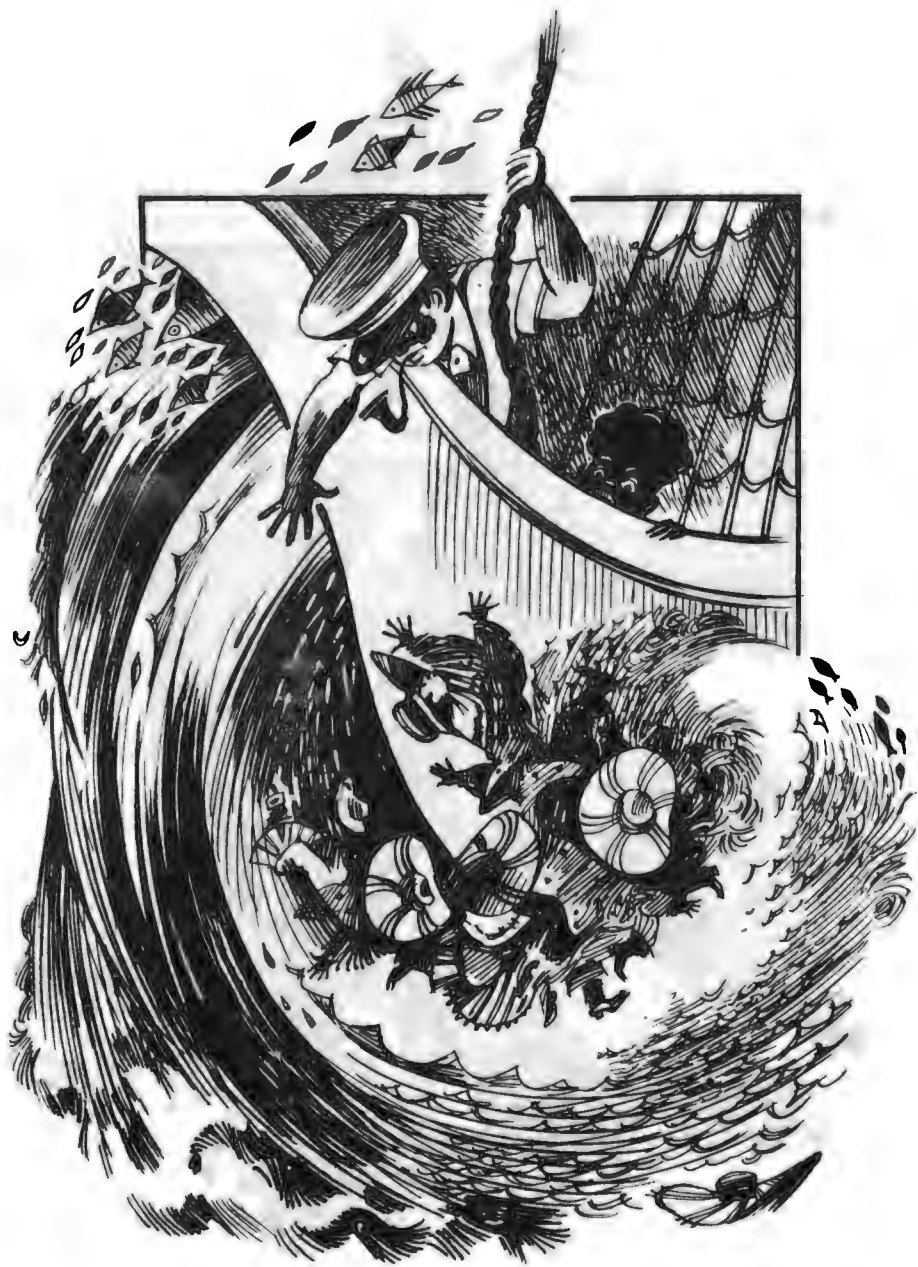
Один из сидящих коротко окинул его взглядом и проворчал:

— Отползи и лучше пей себе.

— Чтоб тебе на ската напороться! — взревел первый и выбил у того кружку из рук. — Что я сказал, должно быть исполнено, понял?

— Эй, да ты спятил! — ответил тот, с кем говорил капитан, и угрожающе схватился за кинжал. —

Сейчас же подними мою кружку, иначе я отправлю тебя на тот свет!

— Я капитан! — прогудел первый. — У тебя что, глаза повывлезли из твоей овечьей башки?

— Разрази тебя гром, — вмешался третий, — какой ты капитан, у тебя нет звезды. Ты просто перепил! — В его глазах мелькнули опасные огоньки, он схватил кинжал и прошипел: — Придется пощекотать тебя перышком, чтобы ты немного протрезвел.

Первый схватился за свою шляпу. Ничего на ней не нащупав, он сорвал ее с головы и непонимающе осмотрел.

— Черт его знает, — пробормотал он и оглядел своих собратьев. — А я думал, что я капитан. Но кто же тогда капитан, если не я?

Пираты были так похожи, что сами не различали друг друга. И даже самого себя не могли отличить от остальных. Поэтому у них даже имен не было, просто все они назывались Чертова дюжина. Но поскольку должен быть капитан, который командовал бы всеми, они слушались того, у кого на шляпе звезда. Был ли это все время один и тот же или каждый день разный, им было все равно, потому что они ничем не отличались.

И вот вдруг звезды ни у кого нет, и пираты растерялись. Каждый орал, что капитан он и его приказов должны слушаться остальные. Все распались, и вскоре началась потасовка. Они били друг друга кружками по голове, кулаком в челюсть и падали на пол, только треск стоял.

Рукопашная длилась довольно долго, потому что все они были одинаковой силы и выносливости. Но, в конце концов, все очутились на полу в нокaute.

Никто не шевелился, и тогда Джим быстро выбрался из своего укрытия и всех по очереди свя-

зал веревкой из той бухты, внутри которой сидел. Управившись, он прицепил красную звезду на свой машинистский комбинезон, открыл западную на полу и спустился по лестнице. Вскоре он очутился перед низенькой дверью. Ключ торчал в замочной скважине снаружи. Он повернул его, и дверь со скрежетом открылась. Пленники лежали на полу в большом круглом зале, в стенах которого было множество медных, позеленевших от времени дверей.

— Джим! — прошептал Лукас. — Старина. Я знал, что ты придешь!

— Быстрее, к сожалению, не удалось, — озорно ответил Джим. Потом освободил своих друзей от пут при помощи пиратского кинжала.

— Где пираты? — осторожно прошептал капитан.

— Наверху, — довольно ответил Джим. — Идемте, я вам их представлю.

Все недоуменно переглянулись. Потом пошли за мальчиком, который поднимался впереди по лестнице, держа в руке факел.

Пираты между тем пришли в себя. Они никак не могли понять, что с ними. До этого мгновения их еще никто никогда не побеждал и не связывал. Джим встал перед ними и сказал:

— Я Джим Пуговица, тот самый, которого вы когда-то хотели отослать драконице и которого она не получила. Чтобы вы знали, кто с вами расправился.

У пиратов глаза чуть не вылезли из орбит от ужаса и удивления. Лукас с восхищением хлопнул Джима по плечу и воскликнул:

— Еще раз, черт побери, старина Джим, ты расправился с ними один?

— Да, — сказал Джим.

— Это неслыханное дело, — прогремел капитан, и матросы уважительно сказали:

— Ну и парень этот Джим Пуговица!

— Конечно, с применением хитрости, — объяснил Джим.

И он рассказал, как это произошло. Все удивленно молчали. Только один из пиратов пробормотал:

— Черт возьми, вот какого парня нам надо в капитаны, тогда бы мы далеко пошли!

Лукас закурил трубку и выпустил густое облако дыма. Голос его прозвучал почти торжественно:

— Джим Пуговица, ты действительно самый замечательный парень, какого я когда-нибудь встречал в моей жизни!

Тут вышла вперед маленькая принцесса, которая до этого не произнесла ни слова, подошла к Джиму и сказала голосом певчей птички:

— Джим, пожалуйста, прости меня за все, что я сказала и сделала. Это было очень глупо с моей стороны. И теперь я знаю, что ты не только мужественный, но и самый умный человек, которого я видела. Такому умному, как ты, действительно ни к чему учиться грамоте.

Джим улыбнулся и задумчиво ответил:

— Между тем я подумал, Ли Зи. Ты была права. И теперь я хочу учиться.

Матросы перетаскивали связанных пиратов в тюрьму и закрыли дверь. Вернувшись снова в зал, они удобно устроились на шкурах белого медведя и доели все, что еще оставалось от жареной свиньи.

Джим так утомился, что заснул с недоеденным куском в руке. И все один за другим последовали его примеру. Только Лукас и капитан по очереди несли вахту, следя за тем, чтобы не погас огонь.

Так прошла ночь.

**Двадцать пятая глава,
в которой Джим Пуговица
узнает тайну своего происхождения**

На следующее утро — то есть когда часы капитана показали, что снаружи, должно быть, уже взошло солнце (ведь в крепости Око смерча этого не было видно), — Ли Зи приготовила из пиратских запасов сытный завтрак, состоящий из корабельных сухарей, сардин в масле, копченого угря, омара в майонезе и большого кофейника кофе. И за завтраком Джим снова рассказал со всеми деталями то, что услышал от пиратов. Когда он дошел до места, где говорилось про корону и пергамент, Ли Зи спросила:

— А они не сказали, где эти вещи сейчас?

— Нет, — ответил Джим. — Про это не было речи.

— Давайте поищем, — предложил Лукас, — наверняка это где-нибудь здесь.

Они взяли факелы и разбрелись поодиночке или группами по бесчисленным ходам и пещерам крепости.

Очень скоро Джим и Ли Зи нашли сокровищницу пиратов.

Рука об руку стояли они, озираясь в просторном гроте, наполненном драгоценностями. Серебряные и золотые предметы всех форм и размеров стояли кругом — от больших люстр до золотых рюмочек, серебряных ложек и наперстков. Сундуки и шкафы ломились от монет и украшений. Тут же были целые тюки дорогих расшитых золотом тканей, вышитых жемчугом покрывал и персидских ковров. Конечно, все это свалено кучей — пираты, видимо, не особенно ценили порядок.

Джим и Ли Зи медленно бродили по залу и вдруг остановились перед плетеной корзиной, просмоленной снаружи.

— Вот она, — взволнованно шепнула Ли Зи.

Джим открыл крышку и заглянул внутрь.

Там лежала чудесная корона с двенадцатью зубцами, держава и скипетр.

— Да, — сказал Джим. — Это она.

Они позвали Лукаса и всех остальных и показали свою находку. Лукас тотчас осмотрел скипетр и обнаружил, что он завинчен пробкой. Внутри оказался свернутый трубочкой пергамент. Его развернули и прочитали:

«Незнакомец, нашедший этого ребенка, знай: кто его спасет и воспитает в любви и заботе, того он по-царски вознаградит. Если же кто сделает ему злое, у того он отнимет все могущество, свяжет и будет судить. Ибо через этого ребенка нечетное станет четным.

Вот тайна его происхождения: Три святых и мудрых короля пришли к младенцу Иисусу и принесли ему дары. Один из королей был чернокожий, и звали его Каспар. Богатое и могущественное государство этого короля было впоследствии утрачено, и никто не мог его найти.

С того времени наследники этого короля скитаются по миру в поисках потерянной родины, которая называется

Ш А М Б А Л А.

С тех пор миновало тридцать два поколения. И мы, самые последние, утонем с нашим кораблем к тому времени, когда ты будешь читать это послание. Шторм поглотит нас.

Этот же ребенок — тридцать третье звено в цепи, наследник короля Каспара, одного из трех священных

ных королей, и ему предстоит разыскать Шамбалу. Мы кладем его в эту корзину, чтобы он был спасен, если это будет угодно высшей воле. Мы передаем этого ребенка в руки господ, и его имя: принц Мурад».

С бьющимся сердцем Джим разглядывал корону. Остальные молчали. Это был торжественный миг.

Лукас кивнул своему маленькому другу и тихо сказал:

— Надень ее, она принадлежит тебе.

И Джим водрузил сверкающую корону на свои черные курчавые волосы. Капитан и матросы сняли свои шляпы, поклонились и пробормотали:

— Поздравляем вас, ваше королевское величество!

И потом капитан крикнул:

— Да здравствует наш принц Мурад! Ура! Ура! Ура! — и моряки стали бросать в воздух шляпы.

— Черт побери, Джим, старина, — радостно сказал Лукас, — теперь ты у нас стал принцем! Да еще каким! По правде сказать, ты этого достоин. Но я надеюсь, что мы останемся старыми друзьями, а?

— Ах, Лукас! — ответил Джим, растерявшись от счастья.

— Джим, о Джим, как я рада, — ликовала принцесса Ли Зи и хлопала в ладоши, — теперь мы оба принц и принцесса!

— Да! — сказал Лукас улыбаясь. — И при этом мой друг, похоже, будет первый и единственный в мире коронованный машинист.

Вернувшись в главный зал к костру, стали совещаться, как поступить с пиратами и их сокровищами. Решили учинить над пиратами суд, чтобы возторжествовала законная справедливость. Связанных пиратов привели наверх, поставили в углу зала, и матросы конвоем встали по бокам.

— Если вы спросите меня, — начал капитан, — то я бы судил так: эти ребята не заслуживают ничего, кроме смерти. Мы должны бросить их акулам, именно такой участи они хотели для нас.

Пираты промолчали, но злорадная ухмылка пробежала по их бледным лицам.

— Конечно, — подтвердил один из матросов, — мы все того же мнения.

Джим взглянул на разбойников и призадумался. Потом покачал головой и сказал:

— Нет, я нахожу это несправедливым.

— Но они заслужили казни, — сердито воскликнул капитан, — в этом нет сомнений!

— Может, и так, — ответил Джим, — но когда-то они спасли мне жизнь, выловив из воды.

— Тебе и судить, Джим, — степенно сказал Лукас. — Ведь ты победил их.

— Если мне выносить приговор, — серьезно сказал Джим, — то я дарю им жизнь.

Злорадные ухмылки на лицах пиратов потухли. Они взглянули друг на друга растерянно, потому что они никак не ожидали такого. Маленькая принцесса тоже взглянула на Джима с восхищением. Конечно, его решение было очень великодушным — поистине королевским.

Пираты перекинулись несколькими словами, и один из них заговорил:

— Джим Пуговица, твои слова спасли жизнь тебе и твоим друзьям! Мы свирепые ребята, однако мы способны оценить великодушие. Черт, гибель и драконий плевок, мы понимаем в этом толк! Поэтому мы дарим тебе и твоим друзьям свободу.

— Нет, вы их только послушайте! — проревел капитан, покраснев от гнева. — У ребят крыша поехала. Или нахальство их безгранично, как океан !

Они даруют нам свободу! Да их надо без промедления вздернуть на рее.

— Давайте сохранять спокойствие, — остановил Лукас расходившегося морского волка, — у меня нет такого впечатления, что они над нами издеваются. Надо послушать, что они хотят сказать.

Пират дождался тишины и хриплым голосом сказал:

— Джим Пуговица, ты победил нас и связал — совершенно так, как было предсказано на старом пергаменте. И мы решили без единого слова принять смерть. Сатана нас приберет, так мы решили. Однако хотите знать, что стало бы с вами? Вам бы никогда не выбраться из Ока смерча. Или, может, вы думаете, что эти матросы и их капитан смогли бы вывести корабль из вихря? Этого не может никто на свете, кроме Чертовой дюжины.

— Он прав, — пробормотал Джим.

Капитан открыл рот, чтобы что-то сказать. Но ему в голову не пришло ничего подходящего.

— Джим Пуговица, — начал другой пират, — мы решили вывести отсюда тебя и твоих друзей и доставить туда, откуда вы приехали. Но у нас есть одно условие.

— Какое же? — спросил Джим.

— Что ты отпустишь нас на свободу, — ответил пират, сверкнув глазами.

— Смотри-ка, чего захотели, — язвительно сказал капитан.

Джим подумал. Потом покачал головой:

— Нет, я не могу этого сделать. Вы снова будете разбойничать в морях. Вы будете красть детей и совершать злодеяния. Если ваши условия таковы, то лучше мы останемся здесь навсегда.

Пираты помолчали. Наконец один из них выпрямился и гордо посмотрел на Джима.

— Джим Пуговица, — сказал он хриплым басом, — я открою тебе наши намерения. Мы дали клятву: если нас когда-нибудь победят — с нами все кончено. Мы никогда не примем никакого наказания, будь оно хоть тысячу раз справедливо. И ничьему суду мы не подчинимся, кроме собственного. Так мы поклялись. Мы прожили жизнь свободными пиратами. И сами найдем нашу свободную пиратскую смерть. Мы поплывем на север, в вечную ночь, чтобы наш корабль вмерз там в вечные льды и сами мы погибли. Воистину так и будет, как верно то, что мы Чертова дюжина.

Джим поглядел на пиратов с восхищением. Гордость их была не меньше их смелости и отваги, несмотря на все их злодеяния.

— Если я отпущу вас, — спросил Джим, — вы дадите мне слово, что больше никому не сделаете зла?

Пираты заколебались. Потом один из них сказал:

— Есть одно дело, которое перед смертью нам хотелось бы довести до конца. Драконица помогла вам разыскать нас, ты сам сказал это вчера твоим друзьям, так?

— Да, — ответил Джим, — без нее бы нам вас ни за что не одолеть.

Пират переглянулся со своими братьями.

— Мы должны найти ее и кое-что с ней выяснить. Она нас предала.

Джим вопросительно глянул на Лукаса. Тот задумчиво посасывал трубку.

— Они еще не знают, — шепнул Джим своему другу, — что она стала Золотым драконом мудрости. Как ты думаешь, они ей могут что-нибудь сделать?

— Не думаю, — серьезно ответил Лукас, — но мне кажется, им необходимо встретиться еще раз. Джим повернулся к пиратам и сказал:

— Я знаю, где она теперь. Без нас вы бы ее не нашли. Поклянитесь же мне, что никому другому больше ничего не сделаете.

— Клянемся, — ответили все пираты разом.

Джим встал и развязал их одного за другим. Пираты смотрели на мальчика очень странным взглядом.

— Так, — сказал Джим, освободив последнего, — а теперь перетаскайте на корабль все сокровища и поедem.

Разбойники, немного поколебавшись, подчинились его приказу. Конечно, матросы тоже таскали сокровища вместе с пиратами, и это была картина, еще никем не виданная: честные моряки и отчаянные разбойники сообща перетаскивают сундуки с драгоценностями и тюки бесценных тканей.

— Вот это рискованная игра, старина, — пробормотал Лукас и выпустил несколько облачков дыма.

— Еще бы, — подтвердил капитан. — Да пусть мне в раскрытый рот въедет рыба свинья со всем выводком рыбьих поросят! Будь в этом пиратском логове расческа, я бы немедленно подстригся, а то у меня волосы дыбом встают. Однако что ни говори, а наш принц Мурад выбрал единственно правильный выход. Я старый морской волк и мои ребята не такие уж неопытные новички, но из этой водяной юбки нам бы никогда не выбраться самим. То, что делают эти чертовы слуги, никакому приличному моряку и во сне не привидится. Я должен признать, что это действительно самая смелая игра, и Джим Пуговица ее выиграл.

— Погодите, — сказал Лукас. — Еще не конец.

Когда все было готово к отплытию, один из пиратов подошел к Джиму и доложил:

— Мы готовы. Куда плыть?

— В Ландай, — сказал Джим.

И они вышли из крепости, поднялись на корабль с красными парусами, и началось обратное странствие домой.

**Двадцать шестая глава,
в которой Пинг Понг
заслуживает себе памятник,
а Золотой дракон мудрости
впадает в немилость к императору**

Что же было между тем с Пинг Понгом после того, как он в маленькой деревянной лоханке избежал гибели на затонувшем корабле?

Ему тоже пришлось пережить опасные приключения — самые волнующие в его не такой уж длинной пока что жизни.

Болтаясь в своей лоханке на волнах, на многие мили удаленный от всякой суши и помощи, он размышлял, что бы сделать в этой ситуации. Его размышлениям очень мешало то, что лоханку швыряло волнами вверх и вниз. Конечно, Пинг Понг мог бы потребовать более уважительного обращения со своей персоной, но тут не было никого, кому он мог бы заявить свой протест. Никого, кроме ветра и волн.

После того, как он тщетно напрягал свои мозги, вдруг налетел порыв ветра, подхватил зонтик и чуть не вырвал его из рук Пинг Понга. Он едва успел поймать его за ручку. Но ветер затеял новую попытку, и так продолжалось довольно долго. Пинг Понг

был очень маленький, и его могло вынести ветром из лоханки вместе с зонтиком. Чтобы этого не произошло, он снял пояс со своего золотого халата и этим поясом привязал зонтик к ручке лоханки, превратив таким образом эту посудину в некое подобие парусного судна. Ветер тотчас подхватил суденышко и быстро понес его по волнам.

Если бы несчастье захотело, оно могло бы унести маленького странника в открытый океан. Но ветер, к счастью, дул в сторону суши — в данном случае к ландайскому берегу. И к вечеру того же дня Пинг Понга прибило к причалу в столице Ландая Пинге.

Его там сразу заметили и подняли на берег, и первое, что сделал этот замечательный младенец после своего спасения — позаботился о спасении остальных. Он тотчас организовал поисковую экспедицию, собрав для этого все, что в Ландае могло плавать по морю — на веслах или под парусом — короче, весь ландайский флот, — и повел их в море к месту кораблекрушения. А пока корабли готовились к отплытию, маленький главбонза сбегал к императору и рассказал ему обо всем, что произошло. Горе императора после этого трагического сообщения было безгранично. Особенно больно было ему узнать о гибели своей дочери.

— Все же я лишился ее, — повторял он с бледным лицом, — и моих благородных друзей тоже.

Он уединился в своих покоях и безутешно и горько плакал.

Пинг Понг же понесся в карете обратно в порт. Там уже теснился целый лес мачт, больших и маленьких. Главбонза безотлагательно возглавил флот и повел его к месту битвы и кораблекрушения. Выйдя в открытое море, корабли рассредоточились, чтобы обследовать самое обширное пространство и по-

добрать всех, потерпевших кораблекрушение. Заранее можем сказать, что все были разысканы и спасены. За этот подвиг главбонзе впоследствии был сооружен памятник — в натуральную величину. А чтобы об него никто не спотыкался, его установили на высокой колонне. Он и по сей день стоит в Пинге, и кто приедет в Ландай, может сам увидеть его.

После спасения утопающих флот не сразу вернулся в Пинг, а продолжал поиски в надежде разыскать пиратов и отбить у них пленных.

Так что порт города Пинга был совершенно пуст, когда в него в тот же вечер вошел пиратский корабль с красными парусами. Можно себе представить, какой переполох поднялся среди жителей при виде этого корабля. Они решили, что Чертова дюжина приплыла для того, чтобы разграбить и сжечь столицу Ландай. Часть людей бежала из города, часть забаррикадировалась в своих домах.

Когда Лукас и Джим в сопровождении Ли Зи, капитана и матросов сошли на берег, город был как вымерший.

— Кажется, нас не ждали, — сказал Лукас.

Пираты неуверенно сошли на берег и недоверчиво озирались. Поскольку карет в порту не было, им пришлось идти к дворцу пешком. Опустилась ночь, все двери были закрыты, в окнах не было ни огонька, и даже дворец стоял совершенно темный. Императорская дворцовая охрана, правда, не разбежалась, а отправилась в порт, чтобы дать пиратам бой, но они отправились кратчайшим путем и по дороге разминулись с прибывшими пиратами.

Парадная дверь была закрыта, и Ли Зи провела своих друзей и пиратов через кухню. Все коридоры были темны и безлюдны. Когда наконец пришли в

тронный зал, император в одиночестве сидел в своем кресле из серебра, уронив голову на руки, и не шевелился. Единственная свеча слабо мерцала около него.

Услышав шаги вошедших, он медленно поднял голову. Но, поскольку они стояли в темноте, он не разглядел лиц, а заметил только громадные фигуры пиратов. Он выпрямился, и глаза его на бледном лице гневно сверкнули.

— Что вы еще хотите, жестокие чудовища без сердца и совести? — сказал он своим тихим, но заполняющим все пространство голосом. — Что вы здесь ищете? Самое дорогое вы у меня уже отняли. Хотите теперь занять мой престол и государство? Пока я дышу, этого не будет.

— Отец! — воскликнула маленькая принцесса. — Ты нас не узнаешь?

Она подбежала и бросилась к нему на грудь. Император от неожиданной радости закаменел. Потребовалось время, пока он смог наконец прижать к себе свое дитя. Слезы катились по его щекам и седой бороде, и он шептал:

— Неужто правда это ты, дитя мое, моя маленькая птичка! А я уже и не надеялся тебя увидеть на этом свете. О, я все еще не могу поверить.

Пираты переглянулись и опустили глаза. То, что они увидели, тронуло их сердца. Это было чувство, до сего момента им не знакомое. От размягченности они даже ослабели. Видно было по ним, что они смущены и не знают, что с ними происходит.

Тут император обнял Джима и Лукаса и приветствовал капитана и матросов. Потом его взгляд скользнул в сторону пиратов, и он спросил:

— Эти злодеи — ваши пленники?

— Нет, — ответил Джим. — Они свободны.

Император удивленно поднял брови.

— Да, — сказал Лукас, — это так, ваше величество. И все же, несмотря на это, Чертова дюжина навеки побеждена. Мы все вместе не смогли этого сделать. Но принц Мурад их одолел.

— Кто этот принц Мурад? — спросил император. И тут ему рассказали всю историю.

Император долго молчал, и взгляд его с любовью и восхищением то и дело возвращался к маленькому черному мальчику, последнему отпрыску одного из трех священных королей. Наконец он сказал:

— Я сделаю все, что в моих силах, принц Мурад, чтобы помочь тебе заново обрести твое законное государство, землю твоих предков.

Потом он взял свечу и подошел к пиратам. Он вгляделся в их лица, как будто желая в них что-то прочесть. Разбойники пытались выдержать его взгляд, но не смогли и отвели глаза.

Император тихо сказал:

— Вы не хотите склонить головы, хоть и побеждены?

— Нет, — ответил один из пиратов хриплым голосом. — Чертова дюжина не поклонится никогда ни перед кем. Ведите нас теперь к драконице, предавшей нас. Для этого мы здесь.

— Дракон? — испуганно пробормотал император. — О небо, а я был так несправедлив к нему!

— Что с ним? — спросил Джим.

— Когда Пинг Понг сообщил мне ужасную новость, — рассказал император, — я от горя лишился разума. Я пошел к дракону, чтобы добиться от него ответа; я думал, он умышленно своими речами заманил вас в ловушку и послал на гибель. Но он не ответил ни на мои угрозы, ни на мольбы. Он говорит только с вами, друзья мои. И тогда меня охватил

гнев. В наказание я велел погасить все огни в пагоде, чтобы он остался в вечной тьме, а на ворота повесил цепь с замком, который не открыть никогда.

— Минуточку, ваше величество, — ошеломленно перебил его Лукас, — вы сказали, Пинг Понг был здесь?

— Да, мои благородные друзья, — ответил император и рассказал, как было дело с Пинг Понгом и что сейчас он как раз в поисковой экспедиции.

— Ах, так вот почему в порту нет ни одного судна! — сказал Джим.

— Черт побери! — обрадованно воскликнул Лукас. — Этот маленький главбонза действительно толковый парень!

— Да, — добавил Джим, — я тоже так считаю.

— Но что же делать с драконом? — спросил император. — Я бы сейчас же отправился к нему, чтобы извиниться, но, к сожалению, замок открыть невозможно.

— Посмотрим, — сказал Лукас.

Все взяли свечи, в том числе и пираты, и отправились в парк.

Двадцать седьмая глава, в которой нечетное делается четным

Когда они остановились перед пагодой дракона, Лукас отдал свою свечу Джиму и попробовал открыть замок. Вначале осторожно, потом приложив силу. Однако, как он ни старался, замок поддаваться не хотел.

Лукас выпрямился, вытер пот со лба и проворчал:

— Эта проклятая штуковина действительно не открывается.

— Да, — серьезно ответил император. — Это замок «неоткрывашка», старинное ландайское изобретение. Такой замок никто никогда не мог открыть.

Один из пиратов вышел вперед и скомандовал остальным:

— Идемте, братцы!

Они отставили в сторонку свои свечи, встали по обе стороны от двери, взялись за цепь и натянули ее. Цепь была сделана из прочной ландайской стали и вначале не поддавалась. Слышно было только натужное дыхание пиратов. Но вот раздался металлический звон, и среднее кольцо цепи распалось на части.

— Вот это да, видали? — сказал в восхищении Лукас.

Пираты толкнули дверь и вошли внутрь пагоды. Свет свечей рассеял таинственные сумерки. Оба друга приблизились к Золотому дракону мудрости, который сидел неподвижно, как сфинкс, опершись на передние лапы. Казалось, несправедливость императора никак не повлияла на дракона. В углах его рта по-прежнему играла ясная улыбка. Друзья молча ждали, подняв свои свечи. В тишине было слышно потрескивание пламени.

Пираты удивленно смотрели на дракона.

— Нет, — сказал один из них, — это не та драконица, которую мы ищем. Зубояд выглядит по-другому, черт и погибель! Вы нас обманули.

Несколько пиратов схватились за свои сабли.

И тут дракон вдруг заговорил. Он направил свои смарагдовые глаза на пиратов, и взгляд его разгорелся странным зеленым огнем. Пираты замерли.

— Я тот, кого вы ищите, — прозвучал таинственный глубокий голос Золотого дракона мудрости. — Но вы, кто были моими спутниками в темноте,

больше не узнаете меня. Потому что случилось преобразование.

Пираты смутились и не знали, что делать. Наконец один из них выдавил:

— Зачем ты нас предал?

— Настало время, — ответил дракон, — вывести и вас из одного старого заблуждения. Чтобы вы наконец стали теми, кем должны быть, и служили моему господину, который должен стать и вашим.

— Мы никогда никому не будем служить, — прохрипели пираты, — пока мы Чертова дюжина.

— Но вы не Чертова дюжина, — прозвучал спокойный голос дракона.

Разбойники открыли рты.

— Кто же мы тогда? — спросил один из них.

Тут взгляд дракона обратился к маленькой принцессе, которая испуганно держалась за руку отца.

— Принцесса Ли Зи, — сказал дракон, — когда-то ты обучалась в Тоскании в моей школе. Не могла бы ты помочь моему спасителю сделать нечетное четным, как это было предсказано в древнем послании, спрятанном в скипетр короля Каспара?

— Да, конечно, — ответила Ли Зи.

— Ну так пересчитай тех, кто называет себя Чертовой дюжиной.

Маленькая принцесса сделала это, и глаза у нее округлились от удивления. Для верности она пересчитала их еще раз. И наконец сказала:

— Но их только двенадцать!

Действие этих слов на пиратов было очень странным. Они побледнели и вдруг стали совсем жалкими. Остальные растерялись. Никому раньше не приходило в голову пересчитать пиратов.

Наконец один из них произнес:

— Этого не может быть. Нас всегда было двенадцать и еще капитан. Вместе получается тринадцать.

— Нет, — сказала Ли Зи. — Ведь капитаном был один из вас, один из двенадцати.

Пираты думали так напряженно, что на лбу у них выступил пот.

— Может, ты и права, — наконец заключил другой, — но разве вместе это не тринадцать?

— Нет, — завершила Ли Зи. — Это только двенадцать.

— Это слишком трудно для нас, — пробормотал третий. — Мы этого не понимаем. Двенадцать и капитан все еще двенадцать?

— Черт бы побрал всю эту арифметику! — сказал четвертый.

— Так, значит, мы вовсе не Чертова дюжина? — сказал пятый. — И никогда ею не были?

— Нет, — сказал дракон. — Вы ошибались. Я это знал всегда.

Воцарилась тишина. Пираты имели самый жалкий вид. В молчании снова прозвучал голос дракона:

— Мои повелители, подойдите ближе!

Джим и Лукас подошли.

— Вы узнали многое, — приглушенно сказал дракон, — но еще не все.

— Я последовал твоим советам, Золотой дракон мудрости, — ответил Джим, — и узнал тайну моего происхождения.

— Я знаю, принц Мурад, — продолжал дракон. — Однако королем ты сможешь стать лишь тогда, когда разыщешь свою страну.

— Может, ты скажешь мне, где она? — с надеждой спросил Джим.

— Мне это известно, — ответил дракон, и снова на его губах заиграла загадочная улыбка. — Но я

опять вынужден молчать ради тебя же, потому что еще не время. Великолепная страна Шамбала скрыта и недоступна никому.

— Я должен отыскать ее сам? — спросил Джим несколько разочарованно.

— На сей раз ты этого не сможешь, мой маленький господин и повелитель — ответил дракон, и никто тут не в силах тебе помочь, кроме тех двенадцати, что считали себя чертовой дюжиной.

Пираты удивленно подняли глаза.

— Знай, мой маленький повелитель, — продолжал дракон, — у того черноликого короля, которого звали Каспар, был один враг. Я. Ты ведь знаешь, что драконы очень древни. Он был не в состоянии победить меня и сделать Золотым драконом мудрости. Это смог сделать только ты, принц Мурад.

Среди пиратов возникло движение, и Джим оглянулся на них. Один из этих парней подошел к нему и оглядел с головы до ног.

— Дракон говорит правду? — наконец спросил он хриплым голосом. — Ты победил его?

— Вместе с Лукасом, — кивнул Джим.

— Может, ты и нас можешь преобразить? — продолжал пират.

— Нет, — задумчиво сказал Джим. — Мы его не убили, а взяли с собой — это все, что мы сделали. Преобразился же он сам.

— Джим Пуговица! — воскликнул пират, сверкая глазами. — Ты победил нас, и ты подарил нам жизнь. Ты победил и дракона вместе с твоими друзьями, и ему ты оставил жизнь, поэтому он преобразился и называет теперь тебя своим господином. Мы поклялись, что с Чертовой дюжиной покончено, если нас победят. Но мы, оказывается, никогда и не были тринадцатью. Так что с нами так

и так покончено. Поэтому я хочу спросить тебя, может, ты станешь нашим вожаком? Ведь ты носишь красную звезду.

Лукас сдвинул кепку и поскреб в затылке.

— Вряд ли, — сказал Джим. — Я не хочу быть главарем пиратов.

— А может, мы преобразимся, как дракон? — с надеждой спросил один из них.

— Нет, — прозвучал голос Золотого дракона мудрости, и снова на его губах заиграла загадочная улыбка, — вам это и не нужно. Вам нужен господин. Этот ребенок может стать им, если вы вернете ему его королевство.

— Конечно! — сказал один из пиратов. — Мы будем его слушаться на жизнь и на смерть, в этом мы клянемся.

— Клянемся, — глухо пробормотали остальные.

— То, что вы должны сделать, — продолжал дракон, и голос его зазвучал с нарастающей силой, — приказать вам не может никто. Вы можете исполнить это лишь добровольно. Дело это столь опасно, что никто, кроме вас, не наберется мужества, и оно требует столько силы, что ее не хватит ни у кого, кроме вас. Это было бы вашим искуплением. Принц Мурад ступит на землю своего отечества не раньше, чем вы, двенадцать равных братьев, добровольно не совершите это искупление.

— Что мы должны сделать? — с решимостью спросил один из пиратов.

— Великое государство Каспара затонуло в воде, — сказал дракон. — И оно лежит на дне морском уже почти две тысячи лет.

— Почему же оно затонуло? — спросил Джим.

— Мне пришлось утопить его, чтобы уничтожить черноликого короля, моего тогдашнего врага. Через

вулканическую мощь, которой мы, драконы, владеем, поднялась из воды ужасная Страна, которой не бывает. Из-за этого страна Шамбала, словно на другом конце гигантских весов, ушла под воду.

— Ах, — сказал Джим, — и если теперь погрузить в воду Страну, которой не бывает, то моя земля вновь поднимется?

— Именно так, — прозвучал голос дракона. — Но сделать это не в состоянии никто. Даже я, поскольку со мной произошло преобразование. Сделать это могут только эти двенадцать, которые считали себя тринадцатью.

— Мы должны утопить наше Око смерча, наш дом? — вскричали пираты.

— Я знаю, что смертью вас не напугаешь, — сказал Золотой дракон мудрости. — Но эта жертва гораздо тяжелее смерти.

Пираты молчали. Ужас был написан на их диких лицах.

— Слушайте дальше, — продолжал звучный голос дракона, — в вашей крепости Око смерча, посреди Страны, которой не бывает, есть зал с двенадцатью медными дверями.

— Да, темница, в которой мы были, — прошептал Лукас Джиму.

— Откройте эти двери, — продолжал дракон, потоки воды ринутся внутрь, заполнят все тысячи каналов и ходов внутри скалы, и когда вода достигнет ее вершины, она потяжелеет и утонет.

Пираты переглянулись, покачали головой, и один сказал:

— Каждый из нас уже не раз пытался открыть хоть одну из этих дверей, нам хотелось узнать, что же за ними. Но это никому не удалось.

— Вы не знаете тайны, — сказал дракон, — эти двенадцать дверей можно открыть лишь все разом. Для этого и нужны двенадцать силачей. Но когда они откроют эти двери, им придется проявить нечеловеческую ловкость и быстроту, потому что потоки воды хлынут внутрь, и они могут не успеть добраться до корабля.

— А где после этого появится моя страна? — замерев, спросил Джим.

— Возвращайся на свой остров, принц Мурад, — ответил Золотой дракон мудрости. и зеленый огонь в его глазах вспыхнул так ярко, что все сощурились. — Возвращайся домой, и ты все узнаешь.

После этого дракон снова выпрямился и устремил взгляд вдаль поверх голов присутствующих. Смарагдовые огни погасли. Джиму хотелось еще спросить насчет Молли. Но он знал, что дракон не ответит. Ведь уже было однажды сказано, что Джим навсегда получит свою собственность и пронзит ее взглядом насквозь. То были загадочные слова, но Джим не сомневался, что в один прекрасный день смысл их прояснится.

Двадцать восьмая глава, в которой пираты искупают свои злодеяния

Все вышли из пагоды дракона, ночной ветер задул свечи. Никто не смел нарушить тишину. Все взгляды с вопросительным ожиданием устремились на дюжину. Что же они решат? Смогут ли пойти на такую тяжелую жертву или принц Мурад навсегда останется королем без отечества?

Но пираты стояли, опустив головы, и не шевелились.

Наконец Джим не выдержал и шагнул к ним. Но не смог произнести ни слова. Пираты подняли глаза, потом один сказал:

— Дай нам время подумать! Утром мы скажем, что решили.

Джим молча кивнул, медленно повернулся и пошел с Лукасом к дворцу. Император, Ли Зи и моряки последовали за ними.

Оставшись одни, пираты развели на площади костер и сели вокруг. Их взгляды неподвижно уставились на пламя. Петь у них не было настроения, да и песня про чертову дюжину теперь потеряла смысл. Они обменялись в эту ночь лишь несколькими словами. Но едва погасла на небе первая звезда, их решение было готово. Они потушили костер, и тут из дворца вышли Лукас и Джим.

Один из братьев поднялся и шагнул им навстречу.

— Решено, — сказал он. — Мы утопим Око смерча.

Джим взял Лукаса за руку и тихо ответил:

— Тогда мы поедем с вами.

Братья посмотрели на него с удивлением.

— Разве вы не хотите домой? — спросил один.

— Нет, — сказал Джим. — Вы губите свой собственный дом ради нас, и мы не можем бросить вас в опасности.

Пираты переглянулись, и глаза их заблестели.

Когда над Пингом взошло солнце, красные паруса виднелись уже далеко в открытом море, удаляясь в направлении Страны, которой не бывает.

К тому часу, когда принцесса вошла в комнату друзей, чтобы позвать их к завтраку, вместо них оставалась лишь записка, на которой рукой Лукаса большими буквами было написано:

«До встречи в Шамбале!»

Принцесса в тревоге побежала в парк, чтобы спросить у дракона, что же все это значит. И лишь остановившись возле пагоды, она вспомнила, что дракон говорит только в присутствии своих повелителей.

Но все-таки она вошла, благоговейно приблизилась к громадному Золотому дракону мудрости и положила перед ним записку. Потом отступила назад и, не отваживаясь произнести ни слова, с колотящимся сердцем склонилась в глубоком поклоне и застыла так. Дракон не шелохнулся.

«Пожалуйста, — мысленно сказала Ли Зи, — пожалуйста, скажи мне, не случится с ними плохого?»

— Не беспокойся, маленькая королева Шамбалы! — вдруг произнес нежный голос. Ли Зи подняла взгляд. Кто это сказал, дракон? Но он по-прежнему сидел без движения, опершись на передние лапы, и его глаза глядели вдаль поверх головы принцессы. А больше здесь никого не было, кто бы мог это произнести.

— Спасибо! — шепнула Ли Зи, снова глубоко поклонилась и побежала к своему отцу, чтобы все ему рассказать.

— До сих пор небо хранило наших благородных друзей, — сказал император, — надеюсь, оно не покинет их и теперь.

К полудню возвратился со своим флотом Пинг Понг. Капитан и матросы радостно приветствовали своих спасенных товарищей.

Уже опустился вечер, когда корабль с красными парусами на фантастической скорости приблизился к ревущему смерчу. Снова пираты понеслись по кругу, наращивая скорость, и потом вонзились в

стену водяного столба, и стали ввинчиваться внутрь Ока смерча, поднимаясь вверх.

Джим и Лукас сошли с борта вместе с пиратами и спустились с ними в крепость. Перед темницей с двенадцатью медными дверями один из пиратов повернулся к друзьям:

— Там внизу вы нам не сможете помочь. Будет лучше, если вы вернетесь на корабль и будете держать его готовым к отплытию. Отплывать надо будет тотчас, как только мы выйдем отсюда.

— Если мы вообще выйдем, — добавил другой.

Мгновение все молчали. Потом первый пират сказал:

— Если нет, то выбирайтесь сами, как сможете.

— Хорошо, — сказал Джим.

— Но не ждите слишком долго, — добавил третий, — нас вам все равно не спасти, так спасайте хоть себя.

— И еще мы хотим тебе сказать, Джим Пуговица, — пробормотал первый, — на случай, если мы не вернемся, знай: отныне мы твои друзья.

Все кивнули Джиму, потом открыли западню и один за другим спустились в темницу.

— Пора, Джим, — сказал Лукас. — Идем.

Вернувшись к кораблю, Лукас закрепил под килем на тормозной пятке, которая удерживала корабль на месте, длинную веревку. Конец веревки закинул на заднюю палубу в руки Джиму — чтобы дергал по первому сигналу. Потом и сам поднялся на борт, и друзья стали молча ждать.

Вдруг изнутри крепости послышался рев воды, и сразу же Страна, которой не бывает, содрогнулась и заходила ходуном. Ревущий шум поднимался снизу, надвигался, нарастал, и вот уже из многих отверстий вырвалась вода, как из брандспойтов. Джим не знал,

в какой момент ему выдергивать тормозную колодку, и ждал сигнала Лукаса.

Тут ревущий поток вырвался из жерла той пещеры, которая вела в главный ход крепости. Мощная струя ударила в борт корабля, и в белом бурлящем потоке друзья заметили клубок тел. Собрав все силы, Лукас устоял под напором обрушившегося на него потока, схватившись за мачту, и поймал руку одного из пиратов. Поскольку все они держались вместе, им удалось с помощью Лукаса удержаться на палубе.

Но с отплытием они опоздали. Вся Страна, которой не бывает, вздыбилась, будто восстав против затопления. Все элементы обрушились на нее, потому что наконец наступил миг их победы. Оба друга и пираты, оглушенные, вцепились в мачту, корабль швырнуло вверх и завертело по кругу. Потом водопады воды, дошедшей до вершины, обрушились на корабль сверху. Потоки бурлили и гудели, молнии непрерывно пронизывали их. И тут вдруг море вокруг Страны, которой не бывает, разверзлось и образовало гигантскую воронку. Крепость Око смерча погрузилась в нее, и водоворотом закрутило корабль по стенам воронки. Но пираты были уже на ногах. От красных парусов остались одни клочья, зато корабельный руль еще действовал. Какое-то время корабль продолжало засасывать в глубь воронки, он был уже на глубине в несколько сот метров, крутясь по отвесной стене воды. Но вот пираты метр за метром начали выводить корабль наверх. Лукас и Джим от бешеного вращения потеряли сознание, крепко, впрочем, держась за мачту.

Когда они снова пришли в себя и удивленно огляделись, воронка уже закрылась, легкий ветер веял над морем, которое было теперь ровным и гладким. Вечерняя заря разливалась по небу.

Дюжина пиратов стояла на борту растерзанного корабля, глядя на утихшее море, туда, где прежде был их дом.

Джим и Лукас подошли к ним.

Один из пиратов сказал хриплым голосом:

— Мы сделали, чего хотел Золотой дракон мудрости. Мы искупили свои преступления. Но куда нам податься теперь, Джим Пуговица? У нас больше нет дома. И если ты не станешь нашим вожаком или не возьмешь нас в свою страну, мы обречены скитаться по морю.

— Ласкания слишком мала для всех, — тихо ответил Джим, — но как только я узнаю, где находится Шамбала, все мы поедem туда и вы будете моей лейбгвардией.

— А как мы будем тогда называться? — спросил один из пиратов.

— Принц Мурад и его Непобедимая дюжина, — предложил Джим.

Пираты разразились криками ликования.

— Хо-хо! Принц Мурад и его Непобедимая дюжина, ура! — Они окружили мальчика, схватили его и стали подбрасывать вверх. Лукас стоял рядом, улыбался, скреб за ухом и бормотал:

— Осторожно, ребята, не прикончите случайно нашего принца!

А потом пираты принялись громко петь своими хриплыми голосами. Это была их старая пиратская песня, но слова как-то сами собой складывались по-другому. А поскольку братья все были одинаковые, то им даже не приходилось заранее обсуждать новый текст:

Двенадцать гвардейцев всегда начеку,
Хо-хо-хо, и черный Мурад.
В страну Шамбалу не пробиться врагу,

Хо-хо-хо, и черный Мурад.
И клятву мы принцу даем навсегда,
Хо-хо-хо, и черный Мурад.
Стране не грозит никакая беда,
Хо-хо-хо, и черный Мурад!

Когда первое воодушевление улеглось и Джима снова поставили на ноги, он отдышался и сказал:

— Но мне вовсе не нравится, что я не могу различать вас. Надо что-нибудь придумать.

— Хорошо бы, — ответил один из пиратов. — Мы и сами уже думали над этим, не так ли, братишки?

— Да, — сказал другой, — но ничего не смогли придумать.

— Я знаю, как вас различить! — воскликнул Джим. — Вы же сказали, каждый из вас умеет писать две какие-нибудь буквы.

— Верно, капитан!

— Тогда все очень просто, — сказал Джим. — Каждый из вас получит имя, которое начинается на его букву!

— Разрази меня гром! — пробормотал один. — То, что мы не могли придумать за всю жизнь, он просто вытряхнул из рукава. Да, для этого нужна голова!

И потом все по очереди написали свои буквы, а Лукас и Джим подбирали подходящие имена. Только с одним была трудность — с тем, который думал, что знает букву Ш, а на самом деле писал Ж. Друзья придумали ему имя Жоржио, а он хотел называться Шарло. Сделали так, как хотел он, только пришлось Лукасу тут же научить его писать букву Ш.

Здоровенные детины радовались именам, как дети радуются рождественским подаркам. Теперь они наконец отличались друг от друга.

— Ну и куда же мы теперь поплывем? — спросил Ульрико.

— В Ласканию, — ответил Джим. — Дракон же сказал, что мы должны плыть домой, а там все узнаем.

— Хорошо, — сказал Максимилиано, — но как плыть? Черт бы побрал этот шторм, наши красные паруса разорваны в клочья.

Но Гуго вспомнил, что в трюмах есть драгоценные покрывала и парчовые ткани. Сделали из них паруса. В ход пошли даже вышитые носовые платки и салфетки, зато вид у корабля был теперь праздничный, как у рождественской елки. Трепеща разноцветными парусами, корабль плыл к родине Джима и Лукаса.

**Двадцать девятая глава,
в которой принц Мурад
обретает свою страну**

Ласкания была далеко. Путешествие на правительственном корабле из Ландая до Ласкании требовало несколько дней, а ведь Страна, которой не бывает, находилась вдвое дальше, чем Ландай. Но после всего, что мои читатели уже знают про быстроходное судно и про невероятную искусность морских разбойников, никто не удивится, что Непобедимая дюжина преодолела это расстояние за одну ночь.

Когда наутро Джим и Лукас вышли на палубу, все двенадцать братьев стояли на носу, смотрели в подозрительные трубы и не верили своим глазам.

— Ну и разыграл ты нас, капитан Мурад, — обернулся один из них, Теодоро. — Ничего себе, крошеч-

ный остров, на котором мы якобы даже не поместимся!

Оба друга ничего не поняли, потому что невооруженным глазом на горизонте еще ничего не было видно.

— А что с островом? — встревожился Джим.

— Посмотрите сами! — воскликнул Антонио. — Гром, молния и град! Если это остров, тогда я блоха.

Двое из братьев, Игнацио и Николо, дали друзьям свои подзорные трубы. Лукас и Джим посмотрели и лишились дара речи.

В нежном утреннем тумане виднелись очертания чудесной страны, целого континента. Берега вздымались то круто, то полого, горы и долины чередовались, радуя глаз. Когда взошло солнце, скалы начали сверкать всеми цветами радуги, будто были из драгоценных камней. Блеск слепил глаза.

Джим убрал подзорную трубу и сказал:

— Это не Ласкания. Мы заблудились.

— Да, — сказал Лукас. — Эту страну я никогда не видел.

Двенадцать братьев покачали головой:

— Мы за всю жизнь ни разу не заблудились в море, — сказал Ксаверио.

Джим снова посмотрел в подзорную трубу, и, поскольку корабль подплывал очень быстро, он скоро сумел разглядеть то место, от которого исходило особенно ослепительное сияние. Башни из прозрачных самоцветов возвышались над развалинами старинных дворцов и храмов — целый город сказочной красоты.

Джим ахнул:

— Лукас, знаешь, что это такое? Это тот город, который мы видели на дне моря, когда нас везли морские коньки.

Оба друга сразу кое-что заподозрили, но вслух о своих догадках не сказали.

Весь континент полого возвышался к середине, и на самом высоком месте теперь отчетливо была видна маленькая гора с двумя вершинами, между которыми стоял крохотный, с булавочную головку, замок. А чуть пониже — да ведь это же лавка госпожи Каак, а неподалеку от нее — станция. И там на солнце поблескивало что-то металлическое. Что-то паровозообразное! Что-то Эммоподобное! Сомнений не оставалось, Ласкания была самой высокой точкой чудесной большой страны, которая так долго скрывалась на дне океана и теперь сияла в лучах утреннего солнца: Шамбала!

Оба друга опустили подзорные трубы и посмотрели друг на друга.

— Джим! — сказал Лукас.

— Лукас! — прошептал Джим.

И они обнялись и не могли больше произнести ни слова.

По грубым, диким лицам Непобедимой дюжины блуждали радостные улыбки.

Корабль все ближе подходил к сверкающему берегу, и все отчетливее становились подробности, различные теперь и невооруженным глазом.

Рядом с Ласканией был коралловый лес, на вершины которого опирался бывший плавучий остров Ново-Ласкания. На острове стоял маленький домик с зелеными наличниками.

— Эй, братцы, — вдруг ошеломленно воскликнул Шарло, — да эта страна населена какими-то странными людьми!

Это вышел из своего домика господин Тур Тур. Издалека он выглядел весьма удивительно. То, что бывшие пираты вовсе не испугались при виде мни-

мого великана, лишний раз показывает, какие это были лихие ребята.

Лукас и Джим все объяснили братьям про этого старика, которого они привезли в Ласканию работать маяком. И если бы возможно было, дюжина зауважала бы Джима еще больше.

Между тем они доплыли до берега и причалили в уютной естественной бухте.

И вот настал великий и торжественный миг, когда Джим Пуговица, а ныне принц Мурад, последний отпрыск священного короля Каспара, ступил на землю своей древней, новооткрытой страны Шамбалы. Теперь это государство поистине принадлежало ему.

Потом все они отправились в Ласканию — теперь это было довольно далеко от берега. И шли они медленно, потому что не могли налюбоваться красотами земли, по которой проходили. Все еще было как на морском дне. Им встречались коралловые леса, а земля была покрыта ракушечником. Деревьев и травы тут пока не было, но они не заставят себя долго ждать, потому что за те столетия, что земля пробыла под водой, она накопила в себе много плодородия.

Повсюду громоздились горы из драгоценных минералов, перед которыми бледнели сокровища, накопленные пиратами за все годы разбоя.

Наконец путешественники достигли государственных границ Ласкании, которые теперь уже не омывались волнами моря.

Господин Тур Тур между тем разбудил короля Альфонса Без-Четверти-Двенадцатого и обоих его подданных, и теперь все они стояли у замка и от удивления не находили слов. Земля Шамбала поднялась из воды так плавно, что никто даже не проснулся.

Можно долго описывать радость встречи, но вы уже и сами можете ее себе представить. А как счастлива была Эмма! Ведь она еще никогда так надолго не расставалась со своим хозяином.

Друзья долго рассказывали про свои приключения. Но на сей раз они не помещались на кухне госпожи Каак и все сидели на бывшем берегу. Король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый даже вынес ради этого из замка свой трон и сидел на нем под лучами утреннего солнца, покачивая клетчатым шлепанцем и слушая рассказы героических машинистов, один из которых был теперь его коллегой — королем.

— Нам, королям, — то и дело вставлял он, когда история становилась особенно напряженной, — временами приходится очень трудно. Мне ли не знать.

А сверхсчастливая госпожа Каак принесла из магазина все, что там нашлось съестного и лакомого, чтобы угостить все общество.

Когда друзья покончили с рассказами, поднялся господин Рукав и сказал:

— После того, как все так счастливо разрешилось и для каждого нашлось достойное его место, позвольте мне спросить, не найдут ли наши уважаемые друзья какого-нибудь применения и моей скромной персоне. Когда-то вы говорили об этом, если припомните.

— Конечно, мы помним, господин Рукав, — ответил Лукас и выпустил несколько колец дыма в голубое небо, — и подходящее место как раз есть.

Джим с удивлением взглянул на Лукаса. Он пока не знал, что имеет в виду его друг.

— Да, — продолжил Лукас, довольно подмигнув Джиму. — Наш принц хотел бы овладеть грамотой и выучиться многому другому. По крайней мере, так он сказал.

— В самом деле? — обрадованно спросил господин Рукав.

— Да, — подтвердил Джим. — Не могли бы вы мне показать, господин Рукав, как это делается?

— С величайшим удовольствием! — воскликнул господин Рукав.

И с тех пор Джим Пуговица, который был теперь королем Шамбалы, каждый день ходил на уроки к господину Рукаву и учился писать, читать и считать и еще многому другому.

И мы ничуть не преувеличим, если скажем, что господин Рукав оказался замечательным учителем. У него можно было спросить о чем угодно, он не уступал в просвещенности даже «цветам учености».

Джим попробовал было приобщить к занятиям Непобедимую дюжину, но они отнеслись к этому без особой радости, и Джим не стал настаивать на своем предложении.

Первые письма, которые Джим написал собственноручно, были адресованы детям, которых он спас когда-то из Тоскании вместе с маленькой принцессой Ли Зи. Он приглашал их приехать в Шамбалу в гости. Непобедимая дюжина отправилась на своем корабле развезить эти письма по дальним странам.

Едва уплыл их корабль с разноцветными парусами, как на горизонте показался другой корабль — это приплыл Пунг Гинг, император Ландая. С ним была Ли Зи и даже Пинг Понг. Они уже знали, какие произошли чудесные географические явления.

— Вам позвонил король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый? — удивленно спросил Джим.

— Нет, — с тонкой улыбкой сказал император. — Мы узнали обо всем от Золотого дракона мудрости. С тех пор, как утонула Страна, которой не бывает, дракон говорит со всеми. Наши «цветы учености»

теперь то и дело ходят к нему, и он рассказывает им про все тайны мира.

— И он велел передать тебе кое-что, — пропищал Пинг Понг. — Он сказал, что в день, когда принц Мурад и ландайская принцесса сочетаются браком, будет найдена потерянная собственность.

— Молли! — радостно воскликнул Джим.

Ему так хотелось поскорее получить свой паровоз, что день бракосочетания был назначен на самое ближайшее время.

Пинг Понг, кстати, привез целый трюм саженцев прозрачных ландайских деревьев и других растений из леса Тысячи Чудес, чтобы высадить их на земле Шамбалы.

Господин Тур Тур вначале осторожно держался в своем домике, чтобы не испугать гостей. Ведь даже Ли Зи, которая его уже знала, пока еще ни разу не видела его издали, и господин Тур Тур хотел, чтобы гости постепенно привыкали к его особенностям.

Но император и маленький главбонза и даже капитан и его матросы непременно хотели поприветствовать его и отправились к нему в домик, чем он был несказанно тронут.

Последняя глава, в которой история завершается множеством сюрпризов

Несколько недель спустя вернулся корабль бывших пиратов, на борту его весело гудела толпа детей из всех стран света вместе с их многочисленными родственниками.

— Ну вот, и свадебные гости прибыли, — сказал Лукас, когда утих шум приветствий. — Я думаю,

свадьбу можно праздновать безотлагательно. И прямо сегодня.

— Да, — сказал Джим. — Я тоже так считаю.

Праздник решено было устроить в старом городе, у древних храмов и дворцов. Непобедимая дюжина отправилась туда, чтобы все подготовить.

Гости и их родители сперва сходили в Ласканию, о которой они так много слышали. Король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый каждому пожал руку, а госпожа Каак целый день пекла кексы и варила какао. Это угощение понравилось даже индейцу и эскимосу, которые обычно предпочитали другую пищу — буйволиное мясо и рыбий жир.

После обеда все играли в общие игры, и поскольку дети приехали из разных стран, каждый научил остальных какой-нибудь новой игре. Потом все общество отправилось к месту празднования свадьбы.

Конечно, старая Эмма тоже должна была присутствовать при таком важном событии, как бракосочетание Джима и Ли Зи. Паровоз ехал впереди, а за ним шли гости, то и дело восхищаясь красотами окрестностей.

Когда добрались до старого города, наступил вечер. И тут глазам открылось невиданное зрелище. Непобедимая дюжина повсюду развесила гирлянды огней, и в их свете старый город сверкал разноцветными камнями. Над ними сияло звездное небо, близко шумел морской прибой, и из глубины вод тоже исходило чудесное зеленое свечение, образуя венчики над гребнем каждой волны.

— Смотрите, — сказал Джим, шагая рука об руку с Ли Зи, — это же морская иллюминация!

— Да, — восхищенно ответила маленькая принцесса. — А без тебя и без Лукаса ее бы не было!

В центре старого города была маленькая площадь, и на ней возвышался просторный белоснежный трон. Непобедимая дюжина стояла по кругу, как цифры на циферблате часов, держа в руках горящие факелы. Увидев входящих, они дружно гаркнули:

— Да здравствуют жених и невеста, ура, ура, ура!
И запели свою новую песню.

Все гости тоже встали в круг и приветствовали пару ликующими криками. К детям подошел император Ландая, неся на бархатной подушке знаки королевского могущества: корону короля Каспара, его скипетр и державу, а также изящную ландайскую корону для Ли Зи.

— Дети мои, — сказал император своим тихим, но слышным на всей площади голосом. — Возьмите эти короны. И пусть древняя и вновь обретенная Шамбала получит своего короля и королеву.

После этих слов император передал бархатную подушку Лукасу, взял корону Джима и надел на него, потом надел корону на свою дочь. Скипетр вручили Джиму, а державу юной королеве. И дети уселись на белоснежный трон.

Король Альфонс Без-Четверти-Двенадцатый во время этой церемонии тактично держался в стороне; его присутствие здесь было, так сказать, дипломатическим посещением другой страны. Но и он не выдержал, в воодушевлении сорвал с себя корону, помахал ею в воздухе и крикнул:

— Да здравствует король Мурад! Да здравствует королева Ли Зи! И пусть наши страны всегда в добрососедстве...

Тут от радости он потерял нить мысли и не мог продолжать, но со всех сторон раздались ликующие крики, и в шуме никто не заметил неловкости короля Альфонса.

Пинг Понг все время подпрыгивал на месте и пищал:

— О, о, я восхищен, о, какое мгновение!

А господин Рукав сказал стоящим рядом:

— Между прочим, я учитель, вы только подумайте, я воспитатель этого короля! Это очень торжественно, нет, это просто величественно!

И тут даже господин Тур Тур крикнул тоненьким голосом:

— Да здравствует юная королевская пара!

И Эмма свистела и гудела от радости.

А когда этот шум наконец стих, со стороны моря вдруг донеслись странные звуки и музыка.

— Наверное, это наши друзья, морские жители! — предположил Лукас, и все отправились на берег. Вот какое необыкновенное зрелище открылось им: по светящимся волнам к берегу приближалось праздничное шествие: сотни морских жителей, играя на музыкальных раковинах, сопровождали перламутровый челн, в который были впряжены шесть дельфинов. В челне сидела Сурсулапичи, украшенная фатой из серебряных водорослей, а рядом с нею Ушау-Ришуум. Позади них ехала другая повозка из гигантской раковины, и на ней стояло нечто, накрытое громадным листом подводного лопуха.

— Уж не нашли ли они Молли на морском дне? — спросил Джим, и его сердце заколотилось.

— Я буду сильно разочарован, если это окажется не так, — с ожиданием сказал Лукас.

Когда морское шествие приблизилось к берегу, Джим приветствовал их в качестве короля этой страны и представил им юную королеву.

Сурсулапичи и Ушау-Ришуум весело переглянулись: они тоже праздновали сегодня свою свадьбу.

— Черт возьми! — воскликнул Лукас. — Значит, Ушау-Ришуум выполнил задание морского царя?

— Да, — ответил щитовод, — вместе с моим другом Непомуком, который шлет вам привет. Дела его идут хорошо, он счастлив и доволен. Но сам он не мог приехать, потому что занят исполнением своих обязанностей как смотритель магнита. Сегодня, как видите, у нас праздник, морская иллюминация включена, и он очень озабочен, как бы это не привело какой-нибудь заблудившийся корабль к крушению.

— Bravo! — обрадовался Лукас. — Скажите ему, что мы им довольны, и передайте ему привет.

— А вы не нашли Молли? — не выдержал Джим.

Снова переглянулись Сурсулапичи и Ушау-Ришуум, и щитовод сказал своим певучим голосом:

— Благодаря вам мы смогли изготовить Кристалл вечности. И первым испытанием нашего искусства стало превращение твоей маленькой машины. Мы нашли ее на морском дне далеко на юге. Полудракон и я превратили ее железо в нерушимый Кристалл вечности в знак нашей дружбы и благодарности.

После этих слов морские жители сдернули с Молли морской лопух, и все увидели ее — прозрачную, как родниковая вода.

Паровоз вывели на берег, Джим погладил его по котлу и в волнении произнес:

— Спасибо! — А потом спросил: — А она не разобьется?

— О нет, — ответил щитовод. — Кристалл вечности вообще нерушим.

Тут Лукас подвел сюда Эмму. Можно себе представить, какую радость испытала паровозная мать, вновь обретя свое дитя.

А когда эти радости закончились, началось представление морского балета. Все зрители уселись на берегу и любовались танцами русалок.

Такого праздника давно уже не видано было на свете.

Несколько дней спустя император Ландая вместе с Пинг Понгом отплыл на родину. Но Ли Зи осталась теперь навсегда в Шамбале, ведь она была королевой этой страны. Лукас и Джим построили неподалеку от государственной границы Ласкании чудесный дом: наполовину ландайский дворец, наполовину железнодорожная станция. Там и жила теперь королевская чета. Ли Зи училась у госпожи Каак вести хозяйство и вместе с Джимом ходила в школу господина Рукава. Своим государством они управляли сообща.

Большинство детей вместе с их семьями решили остаться в этой стране навсегда. Они привезли с собой семена растений своей родины и засеяли новую землю. Так что скоро тут возникла своя прерия для индейцев, большие поля тюльпанов для голландцев, джунгли для коричневокожих, и даже для эскимоса нашлась на севере подходящая область, где было довольно холодно и зимой выпадал снег.

Постепенно жители страны привыкли к господину Тур Туру и больше не пугались его мнимой величины. Он продолжал работать маяком, потому что на большую страну корабль мог наткнуться в темноте точно так же, как и на маленькую.

Непобедимая дюжина охраняла границы от морских нападений. Их корабль с разноцветными парусами патрулировал вдоль берегов.

А Золотого дракона мудрости Джим и Лукас подарили императору Ландаю. И с этого времени император издал указ вышивать изображение дракона на всех знаменах, а также на одеждах высокопоставленных персон. Вы наверняка уже видели такие одеяния и ткани. Теперь вы знаете, почему на них изображен золотой дракон.

Лукас остался со старой толстой Эммой в Ласкании и каждый день ездит по извилистой железной дороге сквозь туннель из одного конца страны в другой.

Джим тоже с помощью друга постепенно проложил рельсы по своему государству, чтобы возить детей в Ласканию и отвозить обратно по домам, когда они захотят. А хотят они друг к другу в гости то и дело.

Очень красивое зрелище, когда Джим едет на своем прозрачном паровозе, и видно, как внутри работают огонь, вода и пар. И сам Джим стоит в отблесках пламени в своей кабине, и на голове его сверкает корона.

Когда Джим и Лукас встречаются, они машут друг другу рукой, а Эмма и Молли свистят.

Ночами над Шамбалой и Ласканией возвышается господин Тур Тур со своим фонарем на фоне звездного неба — как живая новогодняя елка.

Да, дорогие читатели, и на этом книжка про Джима Пуговицу и Лукаса-машиниста — заканчивается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первая глава, в которой история начинается с толчка	3
Вторая глава, в которой Джим придумывает маяк, одновременно и большой и маленький	10
Третья глава, в которой снова начинается путешествие в неизвестность	18
Четвертая глава, в которой друзья сворачивают в Варварское море	23
Пятая глава, в которой Джим и Лукас узнают про Кристалл вечности	30
Шестая глава, в которой друзья открывают тайну древнего морского царя Гурумуша	36
Седьмая глава, в которой Джим натывается на разгадку и свечи гаснут	41
Восьмая глава, в которой вещи перестают сдвигаться с места и друзья проводят неуютную ночь	47
Девятая глава, в которой Джим ищет разницу и вещи начинают летать	51
Десятая глава, в которой Джим и Лукас изобретают перпетомобиль	55
Одиннадцатая глава, в которой старая толстая Эмма взлетает в воздух и изобретатели наконец-то идут завтракать	61
Двенадцатая глава, в которой перпетомобиль чуть не разбивается о Корону Мира	66
Тринадцатая глава, в которой друзей приняли за Фата-Моргану	71
Четырнадцатая глава, в которой Джим и Лукас спасают двух своих друзей от двух чудовищ	76
Пятнадцатая глава, в которой Лукас и Джим находят зрителя для магнитных утесов великого Гурумуша	83
Шестнадцатая глава, в которой впервые	

за сто тысяч лет подружились существа огня и воды	92
Семнадцатая глава, в которой у Лукаса созревает смелый план	99
Восемнадцатая глава, в которой путешественники обнаруживают на дне моря странный город	107
Девятнадцатая глава, в которой неправильно написанное письмо выводит друзей на правильный путь	114
Двадцатая глава, в которой просыпается «Золотой дракон мудрости»	122
Двадцать первая глава, в которой появляется голубой корабль с незаконным пассажиром	131
Двадцать вторая глава, в которой происходит великая битва с Чертовой дюжиной	136
Двадцать третья глава, в которой судно с красными парусами приплывает в Страну, которой не бывает	147
Двадцать четвертая глава, в которой Джим видит звезду в ОКЕ СМЕРЧА	154
Двадцать пятая глава, в которой Джим Пуговица узнает тайну своего происхождения	166
Двадцать шестая глава, в которой Пинг Понг заслуживает себе памятник, а Золотой дракон мудрости впадает в немилость к императору	173
Двадцать седьмая глава, в которой нечетное делается четным	178
Двадцать восьмая глава, в которой пираты искупают свои злодеяния	185
Двадцать девятая глава, в которой принц Мурад обретает свою страну	192
Последняя глава, в которой история завершается множеством сюрпризов	198

Литературно-художественное издание

Михаэль Энде

ДЖИМ ПУГОВИЦА И ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

(перевод с немецкого Татьяны Набатниковой)

Отв. за выпуск Т. А. Фролова
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор А. Н. Тобух
Корректор М. Е. Фрицлер

Сдано в набор 12.12.92. Подписано в печать
26.04.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,21. Тираж 50 000 экз. Заказ 8907.

Издательство «Сибирская книга»
630099, Новосибирск, Горького, 77

ГПП им. Ивана Федорова,
Министерства информации и печати России,
191126, С-Петербург, Звенигородская, 11.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этой книжке вы познакомились с приключениями Джима и Лукаса, а то, с чего все началось, вы можете узнать из книжки «Джим Пуговица и Лукас-Машинист».

1000 ✓

